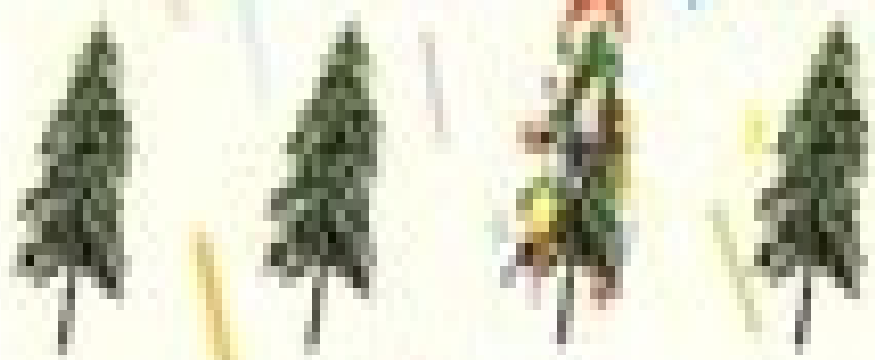

Е Д С К А Я

Н О Р Р Н Т

Книга доктора филологических наук Е.В. Душечкиной представляет собой первый в отечественной культуре опыт исследования истории и мифологии рождественской ёлки. Читатель узнает, как и где родился обычай ставить в доме ёлку и когда он пришёл в Россию, как праздновали Рождество и встречу Нового года наши предки, чем они украшали ёлку, как мастерили ёлочные игрушки, какие подарки дарили детям.

Написанная на основе мемуарных, исторических и литературных источников, книга адресована самому широкому кругу читателей.

- [Е.В. Душечкина](#)
  - [От автора](#)
  - [Образ дерева в мировой мифологии](#)
  - [Культ деревьев на Руси](#)
  - [Ель в мировой мифологии](#)
  - [Ёлка в русской народной традиции](#)
  - [Петровский указ 1699 года и его последствия](#)
  - [Рождественское дерево в России в первой половине XIX века](#)
  - [Русская ёлка во второй половине XIX века](#)
    - [Освоение ёлки](#)
    - [Праздник рождественской ёлки](#)
    - [Мифология русской ёлки](#)
    - [Украшение ёлки. Ёлочные игрушки](#)
    - [Ёлочные подарки и их дарители](#)
    - [Пособия для проведения праздника ёлки](#)
    - [Литература о ёлке](#)
      - [«Детские ёлки»](#)
      - [Сюжет «Чужая ёлка»](#)
      - [«Ёлка» Андерсена в русской традиции](#)
      - [Главная песня о ёлке](#)
  - [Ёлка в русской жизни на рубеже XIX–XX веков](#)
  - [История ёлки после октября 1917 года](#)
    - [Ёлка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи](#)
    - [Рождественская ёлка русских эмигрантов](#)
    - [Антирождественская кампания и борьба с ёлкой](#)
    - [Ёлка «в подполье»](#)
    - [«Реабилитация» ёлки](#)
  - [Советская ёлка во второй половине XX века](#)
  - [Мифологические персонажи](#)
    - [Дед Мороз](#)
    - [Снегурочка](#)
  - [Вместо заключения](#)
  - [Литература](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
-

Е.В. Душечкина

Русская ёлка:

История, мифология, литература

Когда я работала над этой книгой, меня не раз с удивлением спрашивали, как мне пришла в голову мысль сделать предметом своего исследования ёлку. Действительно, наряженное еловое деревце, стоящее в доме на Новый год, кажется нам столь естественным, само собой разумеющимся, что, как правило, не вызывает никаких вопросов. Подходит Новый год, и мы по усвоенной с детства привычке устанавливаем его, украшаем и радуемся ему. А между тем обычай этот сформировался у нас относительно недавно, и его происхождение, его история и его смысл несомненно заслуживают внимания. Мой научный интерес к ёлке возник в середине 1980-х годов, когда я занялась изучением истории и художественных особенностей русского святочного рассказа. Собирая материал по этой теме и просматривая декабрьские номера газет и журналов, в которых, по преимуществу, и печатались произведения этого жанра, я обратила внимание на то, что до начала 1840-х годов святочные рассказы использовали мотивы, связанные с русскими народными святками (гаданье, ряженье, всевозможная «святочная чертовщина» и пр.), в то время как рождественские мотивы оставались в них совершенно не затронутыми. Однако начиная с этого времени и далее — в течение всего XIX и начала XX столетий — рождественская тематика в произведениях, приуроченных к зимнему праздничному циклу, стала разрабатываться столь же часто и столь же охотно, как и святочная. При этом во многих рождественских рассказах важную сюжетную роль начинает играть образ ёлки.

Для того чтобы понять смысл этого образа и его роль в рождественских текстах, мне необходимо было уяснить историю русской ёлки. И тут обнаружилось, что несмотря на большое количество исследований, посвящённых зимним праздникам русского народного календаря, святочным, рождественским и новогодним обычаям, работы о ёлке в России практически отсутствуют. Её происхождение, её история, смысл и символика до сих пор во многом остаются неизученными. По-видимому, это объясняется тем, что западный обычай использовать на Рождество хвойные деревья, как правило, не привлекал к себе внимания этнографов и фольклористов, которые либо вообще о нём не упоминали, либо же упоминали вскользь как о явно не заслуживающем внимания из-за своей молодости и некоренного происхождения. Едва ли не единственной попыткой разобраться в вопросе об обычае ёлки явилась адресованная воспитателям и родителям популярная книжка, вышедшая в Петербурге сто с лишним лет тому назад. Её автор, священник, педагог и литератор Б. Быстров (известный под псевдонимом Е. Швидченко), писал: «В наше время обычай зажигать на святках ёлку для детей всё более и более распространяется по России. Редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает в это время для детей ёлки. Все уже так привыкают к этому обычаю, что без ёлки святки — не в святки, рождественские праздники — не в праздники» [478, 3]^[1]. Недостаток этнографических и исторических работ о ёлке в России с лихвой восполняется громадным, буквально неисчислимым литературным материалом — стихотворениями, рассказами, очерками о рождественских праздниках (которыми с середины XIX столетия стали заполняться святочные и рождественские номера газет и журналов), а также дневниками и мемуарами, авторы которых, вспоминая годы своего детства, как правило, не только не забывают рассказать о первых «ёлочных» впечатлениях, но наоборот — описывают их тщательно и подробно. Занимаясь трёхвековой историей ёлки в России, я убедилась в том, насколько история эта сложна, интересна и поучительна.

В наше время новогодняя, или рождественская, ёлка представляет собой совершенно ординарное, привычное и всем хорошо знакомое явление. В последние десятилетия этот обычай распространился по всему миру и постепенно усваивается даже нехристианскими народами, в

том числе и живущими на территории нашей страны. Однако процесс «прививки ёлки» в России был долгим, противоречивым, а временами даже болезненным. Этот процесс самым непосредственным образом отражает настроения, пристрастия и состояние различных слоёв русского общества. В ходе завоевания популярности ёлка ощущала на себе восторг и неприятие, полное равнодушие и вражду. Прослеживая историю русской ёлки, можно увидеть, как постепенно меняется отношение к этому дереву, как в спорах о нём возникает, растёт и утверждается его культ, как протекает борьба с ним и за него, и как ёлка наконец одерживает полную победу, превратившись во всеобщую любимицу, ожидание которой и явление которой в рождественский Сочельник или в новогодний вечер становится одним из самых счастливых и памятных переживаний ребёнка. Ёлки детства запечатлеваются в памяти на всю жизнь.

Как сможет убедиться читатель, излагая историю и мифологию русской ёлки, я широко использую как документальные свидетельства о ней (мемуары, дневники, газетную и журнальную информацию), так и художественные тексты (прозаические и стихотворные). Я понимаю, что последнее обстоятельство может вызвать недоумение: разве можно при воссоздании истории того или иного явления полагаться на художественный вымысел? Это недоумение вполне оправдано. Постараюсь объяснить свою позицию. Во-первых, литературные произведения не в меньшей, если не в большей степени, чем документальные тексты, предоставляют возможность проследить, как возникали и не раз менялись приписываемые ёлке символические значения. Мифология ёлки создавалась и поддерживалась в большой мере именно художественной литературой. Во-вторых, собирая материал о ёлке, я не раз убеждалась в том, что если в литературном произведении описываются те или иные подробности праздника ёлки, то это означает, что они уже вошли в жизнь. Так, например, если в печати появляется стихотворение о ёлке в детском приюте, то это свидетельствует о том, что в детских приютах уже начали устраивать ёлки. Если в том или ином рассказе мимоходом сообщается, что под ёлкой или на рождественской магазинной витрине установлена фигура старика с ёлкой, можно не сомневаться в том, что в обществе уже возникло представление о Деде Морозе как главном «ёлочном» персонаже. И наконец, если в каком-нибудь рассказе конца XIX века упоминается о висящей на ёлке электрической гирлянде, то это значит, что, помимо традиционных свечей, при освещении дерева уже начали использовать электрические лампочки. Разумеется, с подобного рода «художественной информацией» я стремилась обращаться как можно осторожнее, хотя использовала её достаточно широко.

Как увидит читатель, излагая материал, я привожу множество цитат, зачастую довольно объёмных. Нетерпеливый читатель может спокойно пропускать цитаты (они, как правило, выделены в отдельные абзацы), следя за развитием сюжета. Тот же, кто любит подробности, характеризующие как эпоху, так и описывающего эти подробности человека, может получить (как мне хочется надеяться) такое же удовольствие от этих цитат, которое получала от них я. Так, например, читатель встретится с воспоминаниями о семейном изготовлении ёлочных игрушек. Рассказы об этом убеждают нас в том, сколь цепкой и прочной оказывается человеческая память, позволяющая много лет спустя до мельчайших деталей воспроизводить процесс делания китайских фонариков; как хранят руки ощущения от прикосновений к выпуклостям и извилинам орехов, которые золотились этими руками десятилетия назад; как губы, много лет назад отдувавшие в сторону лёгкие, сияющие листки тончайшей серебряной и золотой бумаги, помнят ласковые прикосновения этих листков.

Обычай устанавливать ёлку на зимних праздниках связан с исконным в мировой мифологии культом деревьев. Поэтому я начинаю свой рассказ о русской ёлке кратким очерком, посвящённым образу дерева у разных народов, после чего следуют очерки о мифологии ели. Эти части моей работы не претендуют ни на новизну, ни на полноту: дереву как одному из самых

универсальных мифологических образов посвящено множество серьёзных исследований. Сюжет о русской ёлке в основном излагается мною в исторической последовательности, хотя иногда мне приходилось то забегать вперёд, то возвращаться назад. Заключается книжка очерками о главных «ёлочных» персонажах — Деде Морозе и Снегурочке, историю формирования которых в русском сознании я стремлюсь проследить с самого начала и до настоящего времени. В последнее десятилетие мы явились свидетелями (а в определённой степени и участниками) глобальных перемен в нашей жизни. Эти перемены не могли не отразиться и на ёлке. Современная ёлка требует специального исследования. Мною эта тема почти не затронута.

Я писала эту книгу для всех, кому может оказаться интересной судьба русской ёлки, и мне хотелось, чтобы она была понятна всем: и школьникам, и студентам, и уже немолодым людям, которым она напомнит, быть может, их детские ёлки. Адресуясь к так называемому «широкому читателю», я тем не менее сохранила весь справочный аппарат для того, чтобы каждый заинтересованный в истории ёлки в России смог бы обратиться к источникам, которые я использовала, и для того, чтобы каждый желающий смог продолжить, дополнить и исправить моё исследование.

В процессе работы мне помогали многие люди — справками, участием, заинтересованностью в теме моего исследования. Всех здесь не перечислить; но к каждому из них я испытываю чувство глубокой признательности. Я благодарна слушателям моих лекций и докладов об истории русской ёлки: учащимся Петербургской классической гимназии, студентам Таллинского педагогического университета, аспирантам Ратгерсского (штат Нью-Джерси) и Колумбийского университетов, а также университета штата Нью-Йорк (США, г. Олбани). Особенно тёплые воспоминания я храню о слушателях курса лекций по истории и мифологии русской ёлки, прочитанных мною в 1998 году в Даугавпилсском педагогическом университете (Латвия). По окончании этого курса я и решила написать книгу о ёлке.

Научный интерес к ёлке поддерживался и подогревался моим личным отношением к ней. С тех пор, как я помню себя, её образ присутствует в моём сознании. Я помню свою первую ёлку, которую мама устроила для меня и моей старшей сестры. Было это в конце 1943 года в эвакуации на Урале. В трудное военное время она всё же сочла необходимым доставить своим детям эту радость. С тех пор в нашей семье ни одна встреча Нового года не проходила без ёлки. Среди украшений, которые мы вешаем на нашу ёлку, до сих пор сохранилось несколько игрушек с тех давних пор. К ним у меня особое отношение...

Образ дерева в мировой мифологии

Одухотворение и почитание деревьев, вера в то, что деревья (впрочем, как и все растения) являются живыми существами, в которые перешли души умерших, и что боги выбирают себе те или другие деревья для того, чтобы жить в них, издревле было свойственно всем народам. Переселившись в дерево, духи защищают человека от злых сил и неблагоприятных природных явлений.

Дерево воспринималось «носителем жизненных энергий, связывающих в единое целое мир человека, природы и космоса» [387, 12]. В зависимости от географических и климатических условий, а также местных традиций возникал культ дерева определённой породы, а вместе с ним — и поддерживающие его обычаи. Объектом поклонения могли быть дуб, сосна, кипарис, ясень, эвкалипт и прочие деревья, в наибольшей степени характерные для той или иной климатической зоны. При этом считалось, что духи находят себе пристанище по преимуществу в наиболее раскидистых и высоких деревьях [153]. Особое предпочтение обычно отдавалось вечнозелёным растениям: сосне, ели, можжевельнику, кипарису и другим, поскольку, согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной силой проявляется в них в большей степени, чем у опадающих на зиму лиственных. Благоговейное отношение к вечной зелени известно с древнейших времён. В Греции главным священным деревом считался кипарис; в Риме поклонялись фиговому дереву Ромула, а также кизилу, росшему на склоне Палатинского холма. Признаки увядания этих деревьев вызывали во всём городе чувство ужаса, поскольку их засыхание, утрата ими свежести воспринимались как болезнь живущего в дереве духа, который заболевает и умирает вместе с деревом [453, 131]. Поэтому во многих первобытных культурах порубка и порча деревьев расценивались как преступление, убийство: виновник их гибели подвергался жестокому наказанию. Индейцы, например, использовали для хозяйственных нужд только те деревья, которые упали сами. Вдыхание дыма горящих ветвей священного дерева могло вызвать временную одержимость, которая, как считалось, наделяла человека способностью к предсказаниям [453, 8-11].

Стремясь получить от дерева поддержку, люди совершали различного рода обряды, в которых проявлялось поклонение ему и почитание его. Иногда эти ритуальные действия производились вне дома, за пределами «домашнего», «своего», пространства. Люди шли в лес, в поле или к источникам, где росло почитаемое ими дерево или группа деревьев (священная роща, лес), которые могли служить предметом культа в течение многих лет или даже десятилетий: «священное дерево, растущее возле источника, — явление едва ли не универсальное в религиозной практике» [321, 8].

Иногда культовое дерево срубали и использовали в праздничных процессиях, где его несли впереди шествия. В результате само дерево погибало, но уверенность в том, что его использование — по существу «участие» — в церемонии благотворно скажется на судьбе людей, побуждало из года в год повторять данный обряд. Умершее дерево, согласно верованиям, не теряло своей магической силы и после окончания праздника его увядшей листве и стволу приписывалась способность благотворно влиять на судьбу человека: излечивать больного, повышать урожайность зерна, плодородие скота и людей, охранять человека от опасности. Поэтому по окончании ритуала использованное дерево сжигали, пепел развеивали по полю, а уголья употребляли для лечения людей и скотины.

Культовое отношение к деревьям обычно связывалось с определённым праздничным сезоном. Так, например, египтяне в день зимнего солнцестояния украшали дома зелёными пальмовыми ветками; римляне во время празднования сатурналий прикрепляли к ветвям

деревьев зажжённые свечи; то же самое в дни рождения «нового солнца» за 2000 лет до нашей эры делали и друиды — жрецы древних кельтов. Широко известен старинный европейский обычай отмечать первый день мая с «майским деревом», которое проносилось по деревне, а в конце праздника сжигалось. Грузины к 31 декабря заготавливали для очага грабовые дрова и «чичилаки» (толстые ветки мелкого орешника), служившие у них ритуальным новогодним деревом, символом изобилия. В Сванетии на Новый год в доме обычно устанавливалась берёзка. У других кавказских народов ель и берёза (берёза с орехом или ель с дубом), стоявшие вместе, всегда рассматривались как средоточие жизненных сил, воплощение символики оплодотворения — как соединение мужского и женского начал [387, 12]. Молодёжь кавказских горских евреев ночью в первый день весны шла в лес на поиск «шам агажи» («дерева-свечки»), которое срубали, разводили из него костёр, прыгали через него и пели [478,15].

У ряда европейских народов во время рождественского сезона издавна использовалось рождественское (или святочное) полено, громадный кусок дерева или пень, который зажигался на очаге в первый день Рождества и понемногу сгорал в течение двенадцати дней праздника. Согласно распространённому верованию, бережное хранение кусочка рождественского полена в течение всего года защищало дом от огня и молнии, обеспечивало семье обилие зерна и помогало скотине легко выносить потомство. В качестве рождественского полена использовались обрубки стволов ели и бука. У южных славян — это так называемый бадняк, у скандинавов — *juldlock*, у французов — *le bûche de Noël* (рождественский чурбан) [см.: 426, 127-131].

В Европе с языческим празднеством зимнего солнцестояния издавна была связана омела (кустарниковое растение, паразитирующее на ветвях других деревьев и имеющее зеленовато-белые плоды, которые появляются как раз в середине зимы). Поклонение омеле известно со времён кельтов. Её использование в дни зимнего солнцестояния как священного растения было характерно и для древних римлян (вспомним строки Иосифа Бродского: «Провинция справляет Рождество. / Дворец наместника увит омелой...» [58, 27]). Языческое происхождение поклонения омеле подтверждается тем, что христианские священники долгое время не разрешали вносить её в церковь. Даже в наше время омелой (а также остролистом, плющом и хвоей) по преимуществу украшают жилые дома, в то время как «другой зеленью падубом, плющом, самшитом — украшают как дома, так и церкви» [174, 86]. Только в Англии, для которой культ омелы особенно характерен, на Рождество её вьющимися ветвями украшают как жилые дома, так и церкви. В основании до сих пор существующего у англичан мистического уважения к омеле лежит идея вечной жизни [506, 230].

В космогонических мифах, то есть в мифах, объясняющих происхождение и устройство мира, у всех народов существует образ мирового дерева, «где оно рассматривается как опора, обеспечивающая стабильность миропорядка» [387, 12]. Организация мира свершилась благодаря превращению мирового дерева в космическую опору. В мифологических сказаниях оно всегда помещается в сакральном центре мира и занимает вертикальное положение, отчего вертикаль стала преобладающей чертой, определившей организацию вселенского пространства. В мировом дереве выделяются три составляющих части: корни, ствол и ветви. Каждая их этих частей соотносится с определёнными божествами или другими мифологическими персонажами. С помощью мирового дерева, «воплощающего, — как пишет В.Н. Топоров, — универсальную концепцию мира», описываются все его основные параметры [430, 398].

Одним из вариантов мирового дерева является древо жизни, главный смысл которого состоит в хранящейся в нём жизненной силе и бессмертии. В образе древа жизни отразились представления о библейском дереве, посаженном Богом среди Рая. Вкушение его плодов, согласно легенде, даёт человеку бессмертие. Противоположностью древа жизни стал образ

древа познания добра и зла, съедание плодов которого делало человека смертным, лишая его райского блаженства. Именно это и случилось с Адамом и Евой после того, как они, искушённые дьяволом, попробовали его плод: Бог прогнал их из Рая, и в результате древо жизни стало для людей недоступным [321, 8-9]. Впоследствии оба эти древа — древо жизни и древо познания добра и зла — соединились в одном мифологическом образе. В памятнике древнерусской письменности XVII века «Повести о Горе-Злочастии» Бог «запрещает вкушать плода виноградного от едемского древа великого». Тот же образ встречается и в других фольклорных и древнерусских текстах: в «Стихе о Голубиной книге», в апокрифах, в народных (лубочных) картинках. В средние века шли жаркие споры о том, какой породы было райское древо познания добра и зла: одни называли яблоню, другие апельсиновое дерево, третьи — виноградный куст. В Германии считалось, что это была ель, которая со временем и превратилась для германцев в символ древа жизни. Райское древо, увешанное плодами, изображалось в священных книгах и на иконах. Из европейских средневековых мистерий, представляющих райскую жизнь, этот образ перешёл в украинские, галицкие, польские и румынские колядки.

Наряду с легендами о древе жизни и древе познания добра и зла существовала возникшая в X веке богомильская легенда о крестном древе. Согласно этой легенде, Моисей на пути в Египет посадил чудесное дерево, сплетя воедино три растения: ель, кедр и кипарис, в результате чего вода в текущем поблизости источнике стала сладкой. И тогда ангел возвестил, что посаженное Моисеем дерево станет спасением и «жизнью мира», потому что на нём распнут Христа. Пожелав сделать из этого дерева храм, Соломон срубил его, но, поскольку его древесина оказалась непригодной для строительства, срубленное дерево так и осталось лежать на прежнем месте. Впоследствии именно из него были сделаны кресты, установленные на Голгофе для распятия Христа и разбойников [321, 8-9].

В средневековой культуре существовало представление о «чудесном древе»: искусно сделанном дереве, на ветвях которого поют механические птицы. Основанием для возникновения в памятниках письменности образов чудесных деревьев, по мнению А.Н. Веселовского, служили «действительные чудеса средневековой механики, быстро ставшие предметом легенды, которая, в свою очередь, могла давать краски для их изображения. При дворе халифов красовалось дерево, сделанное из золота и серебра и расхордившееся на 18 ветвей», на которых среди серебряной и золотой листвы сидели металлические птицы. В них был заложен механизм, который заставлял их петь, а ветви дерева колебаться [71, 51-52].

В одной из легенд о благочестивом византийском царе Михаиле, правившем в X веке, есть рассказ о золотом дереве, располагавшемся рядом с его престолом и являвшемся символом царской власти: «на златом древе птицы златые и серебряные, а поют различными гласами». Услышав об этом дереве, другие цари послали к Михаилу с дарами своих послов, чтобы на основе их описаний сделать такое же дерево в своём царстве. Однако создать его так и не удалось, и тогда к Михаилу были отправлены послы с предложением продать золотое дерево или же поменять на несметные богатства: «на царства и города, на злато и серебро довольно». И всё же византийский правитель решительно отказался продавать дерево и велел послам сказать своим царям, что, видимо, они, обещая ему за дерево «царства, и города, и злато, и серебро», считают себя «многоразумными и многомысленными, а его неразумным» [71, 55].

Золотое дерево упоминается и при описании чудесного органа: когда его меха приводились в движение, сидящие на дереве искусственные птицы начинали петь «на разные тоны», в то время как четыре ангела с золотыми трубами, из которых они извлекали тонкие звуки, показывали рукой на изображение Страшного суда, как бы призывая усопших к воскресению. Образ чудесного крестного дерева с поющими на нём птицами, являющегося символом христианства или всего мира, часто встречается в легендах и сказаниях.

Характерное для всех народов почитание деревьев, зажигание на них огней и украшение их, а также представление о ставшем основой миропорядка мировом древе (вариантами которого являются древо жизни, древо познания добра и зла и чудесное древо) и послужили основой возникновения обычая рождественской ёлки.

Культ деревьев на Руси

У восточных славян, а потом — у русских особо почитаемым деревом стала берёза, хотя предметом поклонения бывали и деревья других пород (дуб, сосна, ель). Предпочтение, отдаваемое берёзе, в значительной мере объясняется её широким распространением на территории Среднерусской равнины, а также тем, что дерево это, распускающееся весной раньше других, воспринималось как средоточие животворных сил. Поскольку берёза, в отличие от хвойных деревьев, сбрасывает на зиму листву, естественно предположить, что её использование в календарной обрядности должно было соотноситься не с зимним, а с весенним и летним сезонами. Символизируя собою возрождение жизни, берёза превратилась в объект особого почитания поздней весной, в период весенних (или зелёных) святок, после принятия христианства совпавших с Троицкой неделей, приходившейся по старому календарю на конец мая или же на начало июня. Именно в это время, когда даже в северных районах листья на берёзе уже распускаются, всё ещё сохраняя при этом весеннюю свежесть и аромат, она и становилась центром праздничных ритуальных действий.

Весенние святки праздновались обычно на лоне природы: в лесах и рощах, на берегах рек, озёр, прудов — там, где росла берёза. Участники действия (по преимуществу — молодёжь) украшали только что распустившиеся ветви дерева, «завивали» их и с песнями водили вокруг него хороводы. «Завивание» берёзки состояло в завязывании её веток таким образом, что получались венки. Иногда нижние её ветви сплетали с травами для того, чтобы передать траве и земле ту животворную силу, которая содержится в только что распустившемся дереве. Из берёзовых ветвей плели венки, которые бросали в воду, что стало одним из самых распространённых способов гадания в этот период года. Опустив венок в реку, девушки долго следили за тем, как он плыл по течению, замечая, потонет он или нет, прибьётся к берегу или же беспрепятственно уплывёт вниз по реке. Они стремились угадать своё будущее: утонувший венок предвещал близкую смерть той девушке, которой он принадлежал; прибитый к берегу — свидетельствовал о том, что в текущем году владелица венка не выйдет замуж, а уплывший по течению означал предстоящее в ближайшее время замужество.

В лесу около берёзки девушки «кумились» — целовались через берёзовые венки и обменивались крестиками, что означало вступление их в духовное родство друг с другом. Этот обряд в разных местностях имел свои особенности. По воспоминаниям А.А. Фета, «в Троицын день шли... в лес завивать венки и кумиться. Последнее совершалось следующим образом: на ветку берёзы подвешивался берёзовый венок, и желающая покумиться женщина вешала на шнурке в середину венка снятый с шеи тельник; затем кумящиеся становились по обе стороны венка и одновременно целовали крест с двух сторон, целуясь в то же время друг с другом» [444, 73]. На Троицу берёзку, обряженную лентами, платочками и яркими тряпочками, срубали и с песнями несли в деревню, обходя с ней все дворы, после чего её сжигали или бросали в воду. В этот период принято было также, срубив берёзовое деревце (или же его ветки), приносить их в избу и ставить в «красный» угол, что должно было способствовать свершению в семье благоприятных событий и отгонять злых духов.

Особое пристрастие русских к берёзе живо до сих пор. Это дерево с яркой листвой, нежным свежим запахом и белым в чёрных крапинках стволом считается в России эталоном растительной красоты: «Любимое дерево русских песен и русских обрядов — берёзка» [343, 56]. С 1920-х годов начинается «массовое вторжение берёзы в литературу», чему, по мнению В. Иофе, способствовал Сергей Есенин, благодаря которому «берёза, как главное символическое дерево России, прочно обосновывается в поэтическом пейзаже русской поэзии» [164, 255].

Постепенно берёза превратилась в растительную эмблему русского народа, что отразилось во многих народных и авторских песнях, в стихотворениях, кинофильмах, в массовой культуре. В кинофильме Василия Шукшина «Калина красная» герой, только что вышедший из заключения, останавливает машину рядом с берёзовой рощей и бережно гладит стволы берёзок, разговаривая с ними и лаская их. В телесериале начала 1970-х годов «Семнадцать мгновений весны» советский разведчик Штирлиц, увидев у шоссе берёзовую рощу, также выходит из машины и долго лежит под берёзами, напомнимшими ему родину. В советское время именно «Берёзками» повсеместно назывались «валютные» магазины, кафе и рестораны. Всё это в значительной мере испошло сам образ: по поводу пресловутого культа этого «русского» дерева Илья Эренбург иронически заметил: «Берёза может быть дороже пальмы, но не выше её» [цит. по: 63, 45].

Наряду с почитаемыми, в народной культуре существуют и проклятые деревья, вызывающие в людях опасения и отрицательные эмоции. Таково, например, у русских восприятие осины, которая в их представлениях связывается с «низшим» миром. Неприятие осины объясняется, скорее всего, тем, что это дерево обычно растёт в низких, глухих, болотистых местах, которые считаются прибежищем нечисти. Плотные, гладкие, мелкие листья осины из-за своих длинных черенков дрожат от любого, даже самого лёгкого, дуновения ветра, что создаёт в осиннике характерный звуковой эффект тревожного сухого, почти металлического, шороха и мелькающего движения, в соответствии с пословицей: «Одно проклятое дерево без ветра шумит» [110, II, 365]. И.С. Тургенев в рассказе «Свидание» писал об осине: «Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с её бледно-лиловым стволом и серо-зелёной, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье её круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам» [436, III, 242]. В русской поэзии «осина как была, так и осталась почти полным изгоем» [164, 247]. Согласно распространённой легенде, именно на осине повесился Иуда, отчего её и стали воспринимать как дерево самоубийц: «Хоть самому на осину, прости Господи!..», — думает отчаявшийся бедняк в рассказе И.А. Бунина «Нефёдка» [62, 138], а Ф. Сологуб в стихотворении 1886 года писал:

Трепещет робкая осина.
Хотя и лёгок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?

Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Хриstopродавец и злодей.

А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чём Христовы муки,
А просто длинный черенок.

[406, 87]

Известен давний обычай вбивать осиновый кол в мертвецов, считавшихся вурдалаками

(вампирами), которые, по народным верованиям, выходят по ночам из могил и пьют людскую кровь. При этом тело мертвяка поворачивали лицом вниз, к земле, а кол вбивали в спину, чтобы вурдалак впредь не мог вылезать из могилы.

Ель в мировой мифологии

Ель — вечнозелёное хвойное дерево семейства сосновых с конусообразной кроной и длинными чешуйчатыми шишками. У многих народов это дерево издавна использовалось в качестве магического растительного символа. В Древней Греции ель считалась священным деревом богини охоты Артемиды. Участники дионисийских шествий обычно несли в руках еловые ветви с шишками и ветки плюща; еловой шишкой оканчивался и посох Бахуса. В одном из древнегреческих мифов рассказывается о том, как Кибела, богиня гор, лесов и зверей, превратила бога Аттиса, умиравшего от раны, нанесённой ему кабаном Зевса, в дерево, под которым она сидела и плакала до тех пор, пока Зевс не пообещал ей, что оно станет вечнозелёной елью. Есть мнение, что именно из древесины серебристой ели, считающейся столь же старым деревом на севере Европы, как и пальма на юге, был сделан Троянский конь. Согласно легенде, еловая древесина была использована в качестве символа на потолке храма Соломона. В кельтской мифологии ель, символизировавшая собою день зимнего солнцеворота, воспринималась как существо женского пола: «дерево рождения», или сестра тиса, который считался «деревом смерти» [506, 388].

У некоторых народов ель издавна была особо почитаемым деревом в первый день Нового года, связанным с днём зимнего солнцестояния. Так, например, ханты считали её «священным шестом», которому они приносили жертвы. Удмурты, также поклонявшиеся ели, зажигали на ней свечи, совершали рядом с ней моления, принося жертвоприношения еловым ветвям, которые почитались у них как богини. В «Житии Трифона Вятского» содержится рассказ о «посечении» преподобным Трифоном священной ели вотяков, увешанной «утварью бесовской» — серебром, золотом, шёлком, платками и кожей: «Обычай бо бе им, нечестивым по своей их поганской вере идольские жертвы творити под деревом ту стоящим, и всякой злобе начальник враг-Диавол вселися ту и обладаше деревом тем, мечту творя всяким злоказньством» [75, 166]. Удмурты обычно клали на пол еловую ветку, предлагая ей в жертву хлеб, мясо и питьё, а начиная строительство дома, под фундамент ставили маленькую ёлочку и, расстелив перед ней скатерть, предлагали ей жертвоприношения. Возвращаясь после похорон с кладбища, они стегали друг друга еловыми ветками, чтобы воспрепятствовать духам следовать за ними до дому. В качестве ритуальных бичей еловые ветви использовались на Новый год многими северными народами.

Ель широко применялась в магии и медицине. Согласно бытовавшему в Баварии поверью, для того, чтобы сделаться невидимым, перед зарёй накануне дня Ивана Купалы необходимо отыскать ель и съесть семена из тех её шишек, которые растут прямо вверх. В Германии считалось, что еловое дерево излечивает подагру; страдавший от этой болезни человек либо завязывал узел из её веток, либо в течение трёх «благоприятных» пятниц после захода солнца ходил к ели и, произнося магические стихи, «переносил» свою подагру в дерево, которое в результате этого засыхало и умирало. Сделанный из еловой хвои или молодых кончиков еловых веток бальзам издавна использовался от цинги, грудных и лёгочных болезней, а также для излечения ран и язв. Им также натирали обветренные и потрескавшиеся руки. Для приготовления такого бальзама нужно было внутреннюю кору ели раздолбить до мякоти и настоять на кипятке, после чего из полученного настоя можно было делать припарки. Некоторые индейские племена использовали ель для излечения от головной боли [506, 388].

Вместе с тем в мифологии ряда народов ели приписывалась смертная символика: ещё Плиний Старший (I в. н. э.) называл ель «похоронным деревом». Если в еловое дерево, растущее возле дома, ударяла молния, это рассматривалось как знак скорой смерти его хозяев.

История превращения ели в рождественское дерево до сих пор точно не восстановлена, хотя существует мнение, что этот обычай восходит к гораздо более древней традиции «майского дерева». Наверняка известно лишь то, что случилось это на территории Германии, где ель во времена язычества была особо почитаемой и отождествлялась с мировым деревом: «Царицей германских лесов была вечнозелёная ель» [1, 20]. Именно здесь, у древних германцев, она и стала сначала новогодним, а позже — рождественским растительным символом. Среди германских народов издавна существовал обычай идти на Новый год в лес, где выбранное для обрядовой роли еловое дерево освещали свечами и украшали цветными тряпочками, после чего вблизи или вокруг него совершались соответствующие обряды. Со временем еловые деревца стали срубать и приносить в дом, где они устанавливались на столе. К деревцу прикрепляли зажжённые свечи, на него вешали яблоки и сахарные изделия. Возникновению культа ели как символа неумиряющей природы способствовал её вечнозелёный покров, позволявший использовать её во время зимнего праздничного сезона, что явилось трансформацией издавна известного обычая украшать дома вечнозелёными растениями.

После крещения германских народов обычай и обряды, связанные с почитанием ели, начали постепенно приобретать христианский смысл, и её стали употреблять в качестве рождественского дерева, устанавливая в домах уже не на Новый год, а в Сочельник (канун Рождества, 24 декабря), отчего она и получила название рождественского дерева — *Weihnachtsbaum*. С этих пор в Сочельник (*Weihnachtsabend*) праздничное настроение стало в Германии создаваться не только рождественскими песнопениями, но и ёлкой с горящими на ней свечами.

О происхождении рождественского дерева существует множество легенд. Согласно одной из них, в ночь Рождества Христова все деревья в лесу расцвели и дали плоды. Возможно, именно на основе этой легенды и укоренился обычай вешать на вечнозелёное дерево яблоки, цитрусовые и другие фрукты. В некоторых местах Европы в качестве рождественского растительного символа до сих пор используется цветущее дерево: так, например, вишню содержат в особых условиях, добиваясь того, чтобы она расцветала как раз к Рождеству.

Согласно другой легенде, в рождественскую ночь все растения отправились в Вифлеем поклониться младенцу Иисусу. Первыми пришли растущие неподалёку от Вифлеема пальмы, затем дошли чужестранные болиголовы, буки, берёзы, клены, дубы, магнолии, нежные тополи, изящные эвкалипты, гигантские красные деревья и высокие кедры. А с дальнего холодного Севера пришла маленькая ёлочка, которая на фоне других величественных деревьев выглядела скромной Золушкой. Деревья делали всё возможное для того, чтобы скрыть её от глаз Святого Младенца. И вдруг на небе свершилось чудо: началось движение звёзд. Они стали падать на землю, и так, падая звезда за звездой, опускались на ветки маленькой ёлочки, пока вся она не засияла блеском сотен огней.

В третьей легенде о происхождении рождественского дерева рассказывается о том, как ангелы пошли в лес, чтобы выбрать для мира дерево Рождества. Вначале они считали, что им должен стать могучий дуб. Однако один из ангелов не согласился с этим: «Нет, — сказал он, — мы не можем выбрать дуб. У него слишком твёрдая и слишком хрупкая древесина, а кроме того, из дуба делают кресты для могил». Ангелы отправились дальше и подошли к буку. И тогда второй ангел сказал: «И бук мы не можем выбрать в качестве рождественского дерева, потому что осенью он слишком рано увядает и быстро теряет свою листву». Когда они подошли к берёзе, третий ангел сказал: «Берёза тоже не подходит для наших целей, поскольку её ветки обычно используются в качестве бичей для наказания провинившихся». Точно так же была отвергнута ива, потому что, по мнению четвёртого ангела, это дерево не может быть символом радости, оттого что большую часть времени оно плачет. Наконец, ангелы подошли к ели и из-за её

вечнозелёного покрова, стройной, симметричной формы и приятного запаха хвои единодушно выбрали её деревом Рождества. Таким образом, в результате сделанного ангелами выбора ель и стала мировым рождественским деревом [513, 45-46].

В одной из старинных германских легенд рассказывается о том, как однажды в Сочельник лесник и его домочадцы, собравшиеся возле очага, вдруг услышали робкий стук в дверь. Открывший дверь хозяин увидел стоявшего у порога продрогшего и измождённого ребёнка. Он пригласил мальчика в дом. Вся семья, приветствовав малютку, обогрела и накормила его, а мальчик Ганс уступил ему на ночь свою постель. Утром все проснулись от звуков ангельского пения и увидели своего ночного гостя стоящим преображённым среди ангелов. И только тут в малютке, которого они накануне приютили у себя, все признали младенца Христа. Прощаясь с семьёй лесника, Господь отломил еловую ветку, воткнул её в землю и сказал: «Зрите, я принял ваши дары, а это мой подарок вам. Впредь это дерево всегда будет плодоносить на Рождество и вы всегда будете жить в довольстве и достатке» [513, 46].

О том, где и когда ёлка впервые была использована в качестве рождественского дерева, существует множество мнений. По одним сведениям, это случилось в Эльзасе в первой половине XVI века. Данное свидетельство относят к 1521 году, когда власти города Селеста поручили леснику срубить для них ёлку на Рождество. «К середине XVI века этот обычай настолько полюбился, что ёлки повсеместно стали устанавливать в домах, так что в 1555 году отцы города Селеста вынуждены были ввести штраф за порубку леса» [158, 88-89].

Однако чаще всего начало использования ели как символа Рождества связывают с именем знаменитого немецкого реформатора Мартина Лютера (1483–1546), хотя в XVI веке этот обычай ещё не получил на территории Германии широкого распространения. Лютеру же приписывается и устройство рождественского дерева в доме. Исторические свидетельства этого факта отсутствуют. Достоверно известно лишь то, что именно Лютер действительно санкционировал, утвердил и одобрил празднование Рождества как мирского праздника, полагая, что это может послужить основанием для вполне невинных общественных удовольствий и семейных торжеств, в которых особое место уделяется детям.

Существует легенда о том, как однажды в Сочельник Лютер шёл домой сначала по заснеженному полю, а потом через лес. Он глубоко задумался и, взглянув на небо, вдруг увидел звёзды, ярко сверкавшие сквозь тёмные ветви елей. Эта картина напомнила ему первую рождественскую ночь в Вифлееме, которая свершилась за много столетий до переживаемого им момента. Лютер стал размышлять о безграничной любви Бога, пославшего в мир своего единственного сына Спасителем всех грешных людей. Эти думы не покидали его и по возвращении домой, и в конце концов он поведал их членам своей семьи. Для подкрепления своих мыслей Лютер вышел в сад, срезал маленькую ёлочку, принёс её в дом, прикрепил к ней свечи и зажёл их, тем самым представив милость открывшихся небес, позволивших Господу Иисусу спуститься на землю. После этого случая на каждое Рождество в доме Лютера устанавливалось рождественское дерево с горящими на нём свечами. Сохранилась гравюра XVI века, на которой Лютер с семьёй изображен возле рождественского дерева [504, 106].

Согласно другому варианту легенды о Лютере, именно он в честь рождения Христа прикрепил к ели горящие свечи. Однажды, как гласит эта легенда, в Сочельник Лютера очень взволновало видение мириад мерцающих звёзд, которые, как ему казалось, дотрагивались до величественной ели. Стремясь передать своё впечатление от этого зрелища, он срубил ель и установил её в своём доме как символ силы и мира, которые приходят к человеку через Христа. Прикреплённые к ветвям дерева зажжённые свечи символизировали собою тот свет, который сиял в ночь Рождества [502, 19].

Если отражённый в легендах эпизод действительно имел место и если именно Лютер

породил обычай устанавливать в доме ель в канун Рождества — Сочельник, то всё же следует сказать, что его примеру соотечественники последовали далеко не сразу. Через полстолетия после смерти Лютера на территории Германии ещё не заметно каких бы то ни было следов широкого использования ели в качестве рождественского дерева. Первое письменно зафиксированное свидетельство этого относится к 1605 году: на Рождество некий немецкий путешественник пришёл в Страсбург, бывший в то время вольным городом империи, пересёк Рейн и увидел в домах тамошних жителей украшенные (но не освещённые) ёлки. Он писал по этому поводу: «В Страсбурге на Рождество приносят в дома еловые деревья, и на эти деревья кладут розы, сделанные из цветной бумаги, яблоки, вафли, золотую фольгу, сахар и другие вещи» [513, 46]. Из Страсбурга обычай устанавливать в домах ярко украшенное рождественское дерево начал распространяться по другим деревням и городам вдоль по Рейну. Это обыкновение стало достаточно широко известным, так что пасторы вдруг увидели в нём опасность. Один лютеранский теолог в своих проповедях неоднократно осуждал новый обычай, говоря, что своим блеском, сверканием и очарованием рождественское дерево отвлекает людей от мыслей о Рождестве младенца Христа, который должен быть единственным центром праздничного торжества.

Обычай зажигать на дереве свечи — очень давний и неоднократно упоминается в литературных произведениях; так, например, в легендах про короля Артура встречаются эпизоды, в которых описывается освещённое дерево [501]. Первые письменные данные о рождественском дереве с зажжёнными на нём свечками, установленном в центре Нижней Саксонии городе Ганновере, относятся ко второй половине XVII века. При этом говорится не об одном еловом дереве, а о нескольких маленьких деревцах со свечками на каждой ветке. Со временем группа деревьев была заменена одной большой ёлкой [68, 149]. Рождественское дерево со свечами и украшениями впервые упомянуто в 1737 году. Пятьюдесятью годами позже датируется запись некой баронессы, которая утверждает, что в каждом немецком доме «приготавливается еловое дерево, покрытое свечами и сладостями, с великолепным освещением» [513, 47].

Таким образом, окончательно на территории Германии рождественская ёлка была освоена только к середине XVIII века. В романе Гёте «Страдания молодого Вертера», вышедшем в свет в 1774 году, мельком, как уже о чём-то хорошо знакомом и привычном, говорится, что дети поедут к Лотте на ёлку и получают там подарки:

Дети вскоре нарушили его (Вертера. — Е.Д.) одиночество, они бегали за ним, висли на нём, рассказывали наперебой: когда пройдёт завтра, и послезавтра, и ещё один день, тогда они поедут к Лотте на ёлку и получают подарки; при этом они расписывали всяческие чудеса, какие им сулило их нехитрое воображение.

[94, 87]

На рубеже XIX столетия на площадях немецких городов в Сочельник начали устанавливать большие еловые деревья. Свидетельством окончательного усвоения немцами этого обычая можно считать наличие ёлок на больших рождественских ярмарках. Если в 1785 году на ярмарке в Лейпциге ёлки ещё не продавали, то в 1807 году на Дрезденской ярмарке их уже было очень много. Только с этого времени рождественское дерево стало стремительно распространяться по всей Германии.

В Сочельник установленную в доме ёлку украшали блёстками, мишурой, освещали свечками, лампочками или фонариками. Под ней или же на её ветвях раскладывали подарки

вначале только для детей, а позже — и для остальных членов семьи. К верхушке прикреплялась Вифлеемская звезда или же геральдический ангел. Дерево (а иногда лишь одна его ветка) стояло в доме в течение всего праздничного периода. Во многих местах считалось необходимым выносить ёлку из дому перед Двенадцатой ночью (или Богоявлением). Согласно распространённому суевию, во избежание несчастья все рождественские украшения должны были быть убраны из церкви перед Свечной мессой. Считалось, что любая хвоинка или еловая веточка, оставшаяся на церковной скамье, способны принести смерть тому, кто сядет на эту скамью. По той же причине немцы следили и за тем, чтобы на рождественском дереве было чётное количество свечей [506, 388].

Освоенный в Германии обычай к началу XIX столетия начинает распространяться по другим странам Европы. Первыми переняли у немцев рождественское дерево жители северных европейских стран, хотя наряженная ёлка не получила среди них полного признания вплоть до середины XIX века. Гораздо чаще хвойными ветками они украшали лишь потолок и двери домов. Иногда же вместо ёлки использовался обвитый красной и зелёной бумагой шест, освещённый восемью или десятью свечками [174, 109]. Первые сведения о рождественском дереве в Швеции относятся к концу XVIII века, в Финляндии — к 1800 году, в Дании — к 1810, а в Норвегии — к 1828 году. В Бельгии и в Нидерландах рождественское дерево (Kerstboom) было освоено только к середине XIX века, а во многих провинциях этот обычай до сих пор ещё не принят: его, например, совсем не признают в некоторых частях Фландрии. И всё же в настоящее время «в большинстве городских и сельских домов такая нарядная ёлка, увенчанная звездой и обвешанная блестящими шарами, яблоками и конфетами, стала необходимой принадлежностью» зимнего праздника [174, 75]. К Рождеству ветки падуба, омелы и ели в города Бельгии и Нидерландов доставляют на баржах по каналам и продают их на рынках и просто на улицах.

Полагают, что в Париже рождественское дерево впервые появилось в 1840 году при дворе короля Луи Филиппа. Инициатором этого события стала невестка короля лютеранка герцогиня Елена Орлеанская, урождённая немецкая принцесса Мекленбургская. Дерево было воздвигнуто перед королевским дворцом Тюильри. Однако обычай рождественской ёлки распространялся по Франции медленно, возможно, потому, что впервые дерево было установлено снаружи, а не внутри помещения, отчего его нельзя было осветить свечами, и вид у него был не слишком эффектный. Кроме того, во Франции долго сохранялся обычай жечь в Сочельник рождественское полено (le bûche de Noël), и ёлка усваивалась медленнее и не столь охотно, как в северных странах. В рассказе-стилизации писателя-эмигранта М.А. Струве «Парижское письмо», где описываются «первые парижские впечатления» русского юноши, отмечавшего Рождество 1868 года в Париже, говорится: «Комната ... встретила меня приукрашенной, но ёлки, любезной мне по петербургскому обычаю, даже хотя бы и самой маленькой, в ней не оказалось» [414, 635].

Считается, что в Англии первое рождественское дерево было установлено в 1841 году, когда королева Виктория вышла замуж за немца Альберта Саксен-Кобургского. Именно тогда в Виндзорском замке (летней королевской резиденции) по настоянию принца и было устроено рождественское дерево «для удовольствия его молодой жены и маленьких детей». По прошествии Рождества, проведённого с украшенной и освещённой елью, принц Альберт писал своему отцу о «милом рождественском Сочельнике», который им самим ожидался с большим нетерпением: «Сегодня я принимал двух своих деток для того, чтобы вручить им подарки; они (и сами не зная почему) были очень счастливы и дивились на немецкое рождественское дерево и его блестящие свечи» [510, 75].

После этого хозяева каждого британского дома стали подражать королевской семье, и этот обычай столь же распространился, как обязательные рождественские блюда — жареный гусь и

плум-пудинг [1, 20]. В декабрьском номере лондонской газеты «News» за 1848 год была помещена иллюстрация, на которой изображалась королевская семья, собравшаяся около рождественского дерева, и дано подробное описание молодой ели высотой около восьми футов с прикрепленными к её ветвям восковыми свечами и маленькими корзиночками (бонбоньерками), наполненными бонбонами (конфетами) и другими сладостями. На вершине дерева была установлена маленькая фигурка ангела с распростёртыми крыльями и с венками в обеих руках [510, 75]. Чарльз Диккенс в очерке 1830 года «Рождественский обед», описывая английское Рождество, о ёлке ещё не упоминает, а пишет о традиционной для Англии ветке омелы, под которой мальчики, по обычаю, целуют своих кузин, и ветке остролиста, красующейся на вершине гигантского пудинга [115, I, 298]. Однако в очерке «Рождественская ёлка», созданном в начале 1850-х годов, писатель уже с энтузиазмом приветствует новый обычай:

Сегодня вечером я наблюдал за весёлой гурьбою детей, собравшихся вокруг рождественской ёлки — милая немецкая затея! Ёлка была установлена посередине большого круглого стола и поднималась высоко над их головами. Она ярко светилась множеством маленьких свечек и вся кругом искрилась и сверкала блестящими вещами... Вокруг ёлки теперь расцветает яркое веселье — пение, танцы, всякие затеи. Привет им. Привет невинному веселью под ветвями рождественской ёлки, которые никогда не бросят мрачной тени!

[115, XIX, 393, 411]

В период Второй мировой войны в Англию, где в то время находились норвежский король и правительство, из оккупированной Норвегии была привезена контрабандой огромная ель, которую установили на Трафальгарской площади. С этих пор Осло ежегодно дарит британской столице такое же дерево, и оно, увешанное ёлочными игрушками и разноцветными электрическими лампочками, устанавливается на той же самой площади [502, 17; 174, 94].

Как можно заметить, большинство народов Западной Европы начало активно усваивать традицию рождественского дерева только к середине XIX столетия. Ель постепенно становилась существенной и неотъемлемой частью семейного праздника, хотя память о её немецком происхождении сохранялась многие годы. В Европе она была принята и церковью, пользуясь особым почётом в лютеранских кирхах, где её возжигают во время рождественского богослужения [343, 56].

В Америку рождественское дерево пришло примерно в то же самое время, когда оно было завезено в Англию. Этот обычай, по всей видимости, осваивался почти одновременно в разных штатах, но везде инициаторами были немецкие эмигранты. По одним данным, его завезли ещё наёмники, принимавшие участие в Войне за независимость, по другим — первая ёлка была установлена в Техасе [515, 18], по третьим — это новшество было введено Августом Имгартом, жителем городка Вустер в штате Огайо, который был родом из Германии. В его доме на Рождество стояло еловое дерево (spruce), освещённое свечами и украшенное цветными бумажками. Жители Вустера, который в то время был маленькой деревушкой, из любопытства пришли посмотреть на эту диковинку. При виде сияющего дерева они пришли в такой восторг, что на следующий год аналогичные деревья уже стояли во многих домах Вустера, а вскоре ель стала популярной и в других городах Среднего Запада.

С 1851 года в Америке рождественское дерево стали устанавливать и в церквях. Инициатором этого новшества стал пастор лютеранской церкви из города Кливленд (штат Огайо). Уже в первые годы своего пасторства он организовал в своей церкви празднование

Рождества с рождественским деревом, украшенным позолотой, блёстками, свечами, яблоками и конфетами. Жители города устроили прихожанам этой церкви бойкот, обвиняя их в поклонении освещённому свечами вечнозелёному дереву. Распространялись слухи, что хозяева предприятий угрожали некоторым прихожанам этой церкви увольнением, если они ещё когда-нибудь примут участие в подобном праздновании Рождества. Однако и на следующий год прихожане той же самой церкви опять любовались украшенным и светящимся деревом. Рассказы об этом празднике, о впечатлении от дерева распространились по всей округе, и вскоре обычай вошёл в моду. Чтобы оправдать его, стали говорить, что рождественское дерево смягчает Божий гнев, и с каждым годом этот образ становился всё более понятным, приемлемым и желанным.

Постепенно признали, что в новом обычае нет ничего недостойного: ведь дерево не превращалось в главный объект праздника Рождества, а было всего лишь символом Спасителя, настоящим древом жизни; свечи представляли Того, Кто есть свет мира, а рождественские подарки считались самыми великолепными из всех даров Бога людям. Поэтому устройство ёлки начали рассматривать как истинно христианское дело, свершаемое в память об искупительном рождении младенца Иисуса.

Вскоре желание устанавливать рождественское дерево охватило и восточные штаты США, а к середине века ель становится обычным товаром рождественского рынка. Перед Рождеством 1848 года на улицах Нью-Йорка появился первый фермер, продающий ёлки. Так было положено начало «ёлочной» коммерции, получившей впоследствии в США широкий размах. На сотнях плантаций стали выращивать ёлки для рождественских праздников. В 1852 году первая рождественская ёлка была установлена в Белом доме [511, 105].

К 1891 году обычай, распространившийся по всем штатам, сделался столь всеобщим, что президент Бенджамин Гаррисон назвал его старинным. Согласно отчёту корреспондента одной из газет, Гаррисон, обращаясь накануне Нового года к согражданам, сказал: «Рождество — самый священный религиозный праздник года, и по всей земле он должен быть праздником всеобщей радости — от самого простого жителя и до самого крупного чиновника... Мы намереваемся сделать его в Белом доме днём счастья — все члены моей семьи, представляющей четыре поколения, соберутся вместе за большим столом в гостиной для торжественных обедов, чтобы принять участие в старинной рождественской трапезе... У всех нас должно стоять старинное рождественское дерево, устроенное для наших внуков, а для своих внуков я сам буду Санта-Клаусом» [500, 47].

С того времени как была изобретена электрическая лампочка и началось производство ёлочных украшений, в США трудно стало найти город, на площадях которого на праздники не устанавливали хотя бы одно освещённое дерево. В настоящее время в Америке Рождеству придаётся громадное значение и рождественское дерево устанавливается почти в каждом доме.

Столь массовое распространение обычая по всему христианскому миру требует объяснения. Почему именно ель приобрела такую популярность? Почему она оказалась связанной с Новым годом или Рождеством? В Северном полушарии рождественские праздники приходятся на зиму, когда лиственные деревья стоят обнажёнными и, конечно, не могут использоваться в качестве символа и важнейшего атрибута зимнего праздника. Поэтому естественно, что таким символом стало вечнозелёное хвойное дерево, причём не только ель, но и сосна, и кедр, и пихта, и можжевельник. Нередко можно увидеть в качестве новогоднего или рождественского декора сосновые деревья или ветви. Однако еловое дерево, в отличие от соснового, обладает совершенной пирамидальной формой; его устремлённый кверху прямой ствол, а также симметричное расположение ветвей придаёт ему очертания католических и лютеранских храмов. Очевидно, именно благодаря своей форме ель и затмила другие хвойные деревья.

Ёлка в русской народной традиции

Являясь, подобно берёзе, одним из самых распространённых деревьев средних и северных широт России, ель издавна широко использовалась в хозяйстве. Её древесина служила топливом, употреблялась в строительстве, хотя и считалась материалом не самого высокого качества, что нашло отражение в поговорке: «Ельник, берёзник чем не дрова? / Хрен да капуста чем не еда?» [110, I, 519]. Упоминания о ели в древнерусских источниках (где она называется *елие*, *елье*, *елина*, *елинка*, *елица*) носят, как правило, чисто деловой характер: «дровяной ельник», «еловец» (строевой еловый лес) и т.п. В образе ели люди Древней Руси не видели ничего поэтического: еловый лес («елняк большой глухой») из-за своей темноты и сырости отнюдь не радовал глаз. В одном из текстов XVI века написано: «На той де земле мох и кочки, и мокрые места, и лес старинной всякой: берёзник, и осинник, и ельник» [394, 49]. Произрастая по преимуществу в сырых и болотистых местах, называвшихся в ряде губерний «ёлками», это дерево с тёмно-зелёной колючей хвоей, неприятным на ощупь, шероховатым и часто сырым стволом (с которым иногда сравнивалась кожа бабы-яги [75, 574]), не пользовалось особой любовью. Вплоть до конца XIX века без симпатии изображалась ель (как, впрочем, и другие хвойные деревья) и в русской поэзии. Ф.И. Тютчев писал в 1830 году:

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет.
Но век не свежа.

[437, 40]

Мрачные ассоциации вызывала ель у поэта и прозаика рубежа XIX и XX веков А.Н. Будищева:

Сосны и мшистые ели,
Белые ночи и мрак.
Злобно под пенью метели
Воет пустынный овраг.

[60, 149]

В отличие от лиственных пород, хвойные деревья, по мнению А.А. Фета, «поры зимы напоминают», не ждут «весны и возрожденья»; они «останутся холодною красой / Пугать иные поколенья» [445, 183]. Лев Толстой в «Войне и мире», описывая первую встречу Андрея Болконского с дубом, также говорит о том неприятном впечатлении, которое «задавленные мёртвые ели» производят на героя: «Рассыпанные кое-где по берёзнику мелкие ели своей грубой вечной зеленью неприятно напоминали о зиме» [425, V, 161]. Отрицательное отношение к ели,

ощущение её как враждебной человеку силы встречается иногда и у современных поэтов, как, например, в стихотворении Татьяны Смертиной 1996 года:

Обступили избу ели,
Вертят юбками метели,
Ветер плетью бьёт наотмашь...
Ты прийти ко мне не можешь!

[397, 5]

А Иосиф Бродский, передавая свои ощущения от северного пейзажа (места своей ссылки — села Норенского), замечает: «Прежде всего специфическая растительность. Она в принципе непривлекательна — все эти ёлочки, болотца. Человеку там делать нечего ни в качестве движущегося тела в пейзаже, ни в качестве зрителя. Потому что чего же он там увидит?» [79, 83].

Анализируя растительные символы русского народного праздничного обряда, В.Я. Пропп делает попытку объяснить причину исконного равнодушия, пренебрежения и даже неприязни русских к хвойным деревьям, в том числе — к ели: «Тёмная буроватая ель и сосна в русском фольклоре не пользуются особым почётом, может быть, и потому, что огромные пространства наших степей и лесостепей их не знают» [343, 56].

В русской народной культуре ель оказалась наделённой сложным комплексом символических значений, которые во многом явились следствием эмоционального её восприятия. Внешние свойства ели и места её произрастания, видимо, обусловили связь этого дерева с образами низшей мифологии (чертями, лешими и прочей лесной нечистью), отразившуюся, в частности, в известной пословице: «Венчали вокруг ели, а черти пели», указывающей на родство образа ели с нечистой силой (ср. у Ф. Сологуба в стихотворении 1907 года «Чёртовы качели»:

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатою рукой.

[406, 347])

Слово «ёлс» стало одним из имён лешего, чёрта: «А коего тебе ёлса надо?», а «еловой головой» принято называть глупого и бестолкового человека.

Ель традиционно считалась у русских деревом смерти, о чём сохранилось множество свидетельств. Существовал обычай: удавившихся и вообще — самоубийц зарывать между двумя ёлками, поворачивая их ничком [154, 91; 340, 312]. В некоторых местах был распространён запрет на посадку ели около дома из опасения смерти члена семьи мужского пола [427, 18-19]. Из ели, как и из осины, запрещалось строить дома [153, 13]. Еловые ветви использовались и до сих пор широко используются во время похорон. Их кладут на пол в помещении, где лежит покойник (вспомним у Пушкина в «Пиковой даме»: «...Германн решился подойти ко гробу. Он поклонился в землю и несколько минут лежал на холодном полу, усыпанном ельником» [347, 348]). Еловыми ветками выстилают путь похоронной процессии:

Ельник насыпан сутра по дороге.
Верно, кого-то везут на покой!

[270, 830]

...тёмный, обильно разбросанный ельник
Вдоль по унылой дороге, под тяжестью дрог молчаливых...

[396, 1]

Веточки ели бросают в яму на гроб, а могилу прикрывают на зиму еловыми лапами. «Связь ели с темой смерти, — как пишет Т.А. Агапкина, — заметна и в русских свадебных песнях, где ель — частый символ невесты-сироты» [3, 5]. (Ср. в фольклоре остарбайтеров, советских людей, угнанных на работу в Германию во время Второй мировой войны:

Может быть под ёлкою густою
Я родимый дом себе найду,
Распрощаюсь с горькою судьбой
И к вам я, может, больше не прийду.

[339, 87])

Время возникновения (или же усвоения от южных славян) обычая устилать дорогу, по которой несут на кладбище покойника, хвойными ветками (в том числе и можжевельником) неизвестно, хотя упоминания о нём встречаются уже в памятниках древнерусской письменности: «И тако Соломон нача работати на дворе: мечь и песком усыпает и ельником устилает везде и по переходам такожде» («Повести о Соломоне», XVI–XVII вв. [цит. по: 394, 49]). На православных кладбищах долгое время не принято было сажать ёлки возле могил. Однако в середине XIX века это уже случалось. «...Две молодые ёлки посажены по обеим её концам», — пишет Тургенев в «Отцах и детях» о могиле Базарова [436, 188].

Смертная символика ели была усвоена и получила широкое распространение при советской власти. Ель превратилась в характерную деталь официальных могильников, прежде всего — мавзолея Ленина, около которого были посажены серебристые норвежские ели:

Ели наклоняются старея,
Над гранитом гулким мавзолея...

[480, 603]

Впоследствии эти ели стали соотноситься с кремлёвскими новогодними ёлками, как, например, в стихотворении Якова Хелемского 1954 года:

Сединою тронутые ели,
У Кремля равняющие строй,

В этот снежный полдень, молодея,
Новой восхищаются сестрой.

[458, 1]

«Новая сестра» — это ёлка в Большом Кремлёвском дворце. Главная ёлка страны Советов. Два противоположных символических значения ели (исконно-русский и усвоенный с Запада) здесь вдруг соединились, создав новое символическое значение: преемственности ленинских идей в празднике советской детворы [158, 84]. Судя по той роли, которую еловая хвоя стала играть в советской официальной жизни, видимо, можно говорить об особом пристрастии Сталина к этому дереву. Его дочь, Светлана Аллилуева, вспоминая своё детство 1930-х годов, пишет о том, как на одной из сталинских дач, в Зубалово, вдруг вырубili огромные старые кусты сирени, «которые цвели у террасы, как два огромных благоухающих стога», и начали сажать ёлки: «...смотришь, везде понатыкано ёлок... Но здесь было сухо, почва песчаная, вскоре ёлки все посохли. Вот мы радовались-то!» [8, 113].

Смертная символика ели нашла отражение в пословицах, поговорках, фразеологизмах: «смотреть под ёлку» — тяжело болеть; «угодить под ёлку» — умереть; «еловая деревня», «еловая домовина» — гроб; «пойти или прогуляться по еловой дорожке» — умереть и др. [393, 343-344]. Звуковая переключка спровоцировала сближение слова «ёлка» с рядом нецензурных слов, что также повлияло на восприятие русскими этого дерева. Характерны и «ёлочные» эвфемизмы, широко употребительные в наши дни: «ёлки-палки», «ёлки-моталки» и т. п.

В настоящее время связь ели с темой самоубийства или насильственной смерти утратилась, и она превратилась в один из символов вечной памяти и вечной жизни: теперь ёлочки часто можно увидеть на многих русских кладбищах, в том числе и заграничных: «Сегодня я зажгла свечи на небольшой ёлочке на кладбище. У меня дома в этом году ёлки не будет. Для кого её украшать?» — записывает пожилая эмигрантка в своём дневнике [490, 25].

Считаясь «смертным деревом», ель, наряду с этим, в некоторых местах использовалась в качестве оберега, видимо, из-за колючести её хвои [3, 5]. Так, например, на севере, в районе Тотьмы, при закладке двора в середине его ставили ёлку [153, 50-51]. Вечнозелёный покров, отразившийся во многих загадках («Зимой и летом одним цветом»; «Осенью не увядаю, зимой не умираю; «Это ты, дерево! И зиму и лето зелено»; «Что летом и зимой в рубашке одной» [148, 64]), стал основанием для использования ёлки на свадьбах в качестве символа вечной молодости: «в Ярославской губернии, когда девушки идут к невесте на девичник, то одна несёт впереди ёлку, украшенную цветами и называемую “девья краса”» [478, 14].

Весь этот сложный и противоречивый смысловой комплекс, закреплённый за елью в русском сознании, не давал, казалось бы, оснований для возникновения её культа — превращения её в объект почитания. Но тем не менее это произошло. Автор книги о русском лесе Д.М. Кайгородов писал в 1880 году: «...выросшая на свободе, покрытая сверху донизу зелёными, густоветвистыми сучьями, ель представляет из себя настоящую зелёную пирамиду, и по своеобразной, стройной красоте своей есть несомненно одно из красивейших наших деревьев» [167, 100]. В. Иофе, исследуя «литературную флору» русской поэзии XIX-XX веков и говоря о «нестабильности ботанического инвентаря», отметил начавшуюся с конца XIX века возрастающую популярность ели, связанную, видимо, с тем, что ель в сознании русских крепко соединилась с положительным символом рождественского дерева: «...ель и сосна, аутсайдеры XIX века, нынче становятся всё более и более популярными» [164, 247].

Петровский указ 1699 года и его последствия

В России обычай новогодней ёлки ведёт своё начало с петровской эпохи. Мнение о том, что ёлка как новогодний символ «первоначально сделалась известною в Москве с половины XVII века» и устраивалась в немецкой слободе, где с ней и ознакомился юный царь Пётр и откуда она была перевезена в Петербург [419, 87], похоже, не имеет под собой никакой реальной почвы. Лишь по возвращении домой после своего первого путешествия в Европу (1698–1699) Пётр I «устраивает, — по словам А.М. Панченко, — экстралегальный переворот, вплоть до перемены календаря» [304, 11]. Согласно царскому указу от 20 декабря 1699 года, впредь предписывалось вести летоисчисление не от Сотворения Мира, а от Рождества Христова, а день «новолетия», до того времени отмечавшийся на Руси 1 сентября, «по примеру всех христианских народов» отмечать 1 января. В этом указе давались также и рекомендации по организации новогоднего праздника. В его ознаменовании в день Нового года было велено пускать ракеты, зажигать огни и украсить столицу (тогда ещё — Москву) хвоей: «По большим улицам, у нарочитых домов, перед воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых против образцов, каковы сделаны на Гостином Дворе». А «людям скудным» предлагалось «каждому хотя по древцу или ветве на ворота или над храминою своей поставить ... а стоять тому украшению января в первый день» [442, 349; 327, 37; 264, 5]. Эта малозаметная в эпоху бурных событий деталь и явилась в России началом трёхвековой истории обычая устанавливать ёлку на зимних праздниках.

Однако к будущей рождественской ёлке указ Петра имел весьма косвенное отношение: во-первых, город декорировался не только еловыми, но и другими хвойными деревьями; во-вторых, в указе рекомендовалось использовать как целые деревья, так и ветви, и, наконец, в-третьих, украшения из хвои предписано было устанавливать не в помещении, а снаружи — на воротах, крышах трактиров, улицах и дорогах. Тем самым ёлка превращалась в деталь новогоднего городского пейзажа, а не рождественского интерьера, чем она стала впоследствии. Текст царского указа свидетельствует о том, что для Петра в вводимом им обычае, с которым он познакомился, конечно же, во время своего путешествия по Европе, важной была как эстетическая сторона (дома и улицы велено было *украшать* хвоей), так и символическая: декорации из вечнозелёной хвои следовало создавать в *ознаменовании* Нового года.

Петровский указ от 20 декабря 1699 года является едва ли не единственным документом по истории ёлки в России XVIII века. После смерти Петра, судя по всему, его рекомендации были основательно забыты, но в одном отношении они имели довольно забавные последствия, добавив к символике ели новые оттенки. Царские предписания сохранились лишь в убранстве питейных заведений, которые перед Новым годом продолжали украшать ёлками. По этим ёлкам (привязанным к колу, установленным на крышах или же воткнутыми у ворот) опознавались кабаки. Деревья стояли там до следующего года, накануне которого старые ёлки заменяли новыми. Возникнув в результате петровского указа, этот обычай поддерживался в течение XVIII и XIX веков. Пушкин в «Истории села Горюхина» упоминает «древнее общественное здание (то есть кабак. — *Е.Д.*), украшенное ёлкою и изображением двуглавого орла» [347, 189]. Эта характерная деталь была хорошо известна и время от времени отражалась во многих произведениях русской литературы. Д.В. Григорович, например, в повести 1847 года «Антон-Горемыка», рассказывая о встрече своего героя по дороге в город с двумя портными, замечает: «Вскоре все три путника достигли высокой избы, осенённой ёлкой и скворещницей, стоявшей на окраине дороги при повороте на просёлок, и остановились» [104, 170]. Иногда же вместо ёлки на крышах кабаков ставились сосенки: «Здание кабака ... состояло из старинной двухэтажной

избы с высокой кровлей ... На верхушке её торчала откосо рыжая иссохшая сосенка; худощавые, иссохшие ветви её, казалось, звали на помощь» [104, 234]. Эта деталь нашла отражение и в стихотворении М.Л. Михайлова 1848 года «Кабак»:

У двери скрипучей
Красуется ёлка...
За дверью той речи
Не знают умолка...
К той ёлке зелёной
Своротит детина...
Как выпита чарка —
Пропала кручина!

[259, 67-68]

А в стихотворении Н.П. Кильберга 1872 года «Ёлка» кучер искренне удивляется тому, что барин по вбитой у дверей избы ёлке не может признать в ней питейного заведения:

Въехали!.. мчимся в деревне стрелой,
Вдруг стали кони пред грязной избой.
Где у дверей вбита ёлка...
Что это?.. — Экой ты, барин, чудак,
Разве не знаешь?.. Ведь это кабак!..

[270, 830]

В результате кабаки в народе стали называть «ёлками» или же «Иванами-ёлкиными»: «Пойдём-ка к ёлкину, для праздника выпьем»; «Видно, у Ивана ёлкина была в гостях, что из стороны в сторону пошатываешься» (ср. также поговорку: «ёлка (т.е. кабак. — *Е.Д.*) чище метлы дом подметает»), а ввиду склонности к замене «алкогольной» лексики эвфемизмами, практически весь комплекс «алкогольных» понятий постепенно приобрёл «ёлочные» дуплеты: «ёлку поднять» — пьянствовать, «идти под ёлку» или «ёлка упала, пойдём поднимать» — идти в кабак, «быть под ёлкой» — находиться в кабаке; «ёлкин» — состояние алкогольного опьянения и т.п. [393, 343-344]. Эта возникшая связь ёлки с темой пьянства органично вписалась в прежнюю семантику ели, соединяющую её с «нижним миром».

На протяжении всего XVIII века нигде, кроме питейных заведений, ель в качестве элемента новогоднего или святочного декора больше не фигурирует: её образ отсутствует в новогодних фейерверках и «иллюминациях», столь характерных для «века просвещения» и представлявших собою достаточно сложные символические комбинации; не упоминается она при описании святочных маскарадов при дворе; и конечно же, нет её на народных святочных игрищах. В рассказах о новогодних и святочных празднествах, проводившихся в этот период русской истории, никогда не указывается на присутствие в помещении ели. Поэтому и иллюстрация в одном из Рождественских номеров журнала «Нива» за 1889 год «Празднование святок в 1789 году», на которой изображена «святочная сцена» в состоятельном доме, где в углу залы стоит большая разукрашенная ель, могла появиться только из-за неосведомлённости как художника так и издателей этого еженедельника в истории русской елки. Впрочем, эта ошибка повторялась

не раз. К гравюре по картине Э. Вагнера «Рождественская ёлка лет назад» дано объяснение:

На картине изображена семейная сцена «ёлка в XVIII веке в богатом доме». Ёлка готова. Пудренный лакей зажигает последние свечи, мать семейства звенит в колокольчик, давая этим знать, что можно входить, отец наблюдает с своего кресла, какое впечатление произвели на детей блестящие игрушки. Дети поражены, даже самый маленький хлопает в ладошки на руках у няни; второй, постарше, держась за руку молоденькой сестры, сдержаннее выражает свой восторг, а средний — буян, прямо несётся к киверу, сабле и барабану, которые так заманчиво красуются, блестя при огнях на стуле около ёлки.

[272, 1174]

Подобная сцена для конца XVIII века просто немыслима.

Помимо внешнего убранства питейных заведений, в XVIII веке и на протяжении всего следующего столетия ёлки использовались на катальных (или, как ещё говорили, скатных) горках. На гравюрах и лубочных картинках XVIII и XIX веков, изображающих катание с гор на праздниках (святках и масленице) в Петербурге, Москве и других городах, можно увидеть небольшие ёлочки, установленные по краям горок. На гравюре 1792 года Д.А. Аткинсона, жившего в России с 1784 по 1801 год, «Катание с гор на Неве» еловые деревья расставлены по всему скату горки и по её бокам. На рисунках и гравюрах XVIII–XIX веков украшения из ёлочек в местах зимних городских увеселений встречаются постоянно: на анонимной гравюре «Катание на чухнах» (конец XIX века) ёлочные ветки разбросаны по замёрзшей Неве, а на рисунках А. Бальдингера (гравюра К. Крыжановского) «Катание на льду на Екатерининском канале в Петербурге» и «Ледяные горы» (1879) всюду — на горках, на подъёме и на их скате — стоят небольшие воткнутые в снег еловые деревья. Устанавливались ёлочки и возле традиционных праздничных балаганов на Семёновском плацу, что видно на одной из гравюр 1890-х годов. В Петербурге ёлками принято было также обозначать пути зимних перевозов на санях через Неву: «В снежные валы, — пишет Л.В. Успенский о Петербурге конца XIX — начала XX века, — втыкались весёлые мохнатые ёлки» и по этой дорожке «дюжие молодцы на коньках» перевозили санки с седоками [440, 165-166]. Все перечисленные примеры к обычаю рождественского дерева не имеют никакого отношения, однако сам факт украшения города зимой вечнозелёной хвоей свидетельствует о том, как постепенно готовилась почва для превращения ёлки в символ Рождества.

Рождественское дерево в России в первой половине XIX века

С ёлкой как с «ритуальным атрибутом рождественской обрядности» [68, 47] мы встречаемся в России в начале XIX столетия. На этот раз встреча с ней состоится уже не в Москве, а в северной столице. Приток немцев в Петербург, где их было много с самого его основания, продолжался и в начале XIX века. Вполне естественно, что выходцы из Германии привозили с собой усвоенные на родине привычки, обычаи, обряды и ритуалы, которые тщательно сохранялись и всячески поддерживались ими на новом месте жительства. Поэтому неудивительно, что на территории России первые рождественские ёлки появились именно в домах петербургских немцев. В русской печати первых десятилетий XIX столетия об этом обычае сообщалось с подробностями, характерными для описания особенностей чужой культуры. А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» (1831), изображая святки в Петербурге 1820-х годов, пишет: «У немцев, составляющих едва ли не треть петербургского населения, канун Рождества есть детский праздник. На столе, в углу залы, возвышается деревцо ... Дети с любопытством заглядывают туда». И далее: «Наконец наступает вожделенный час вечера — всё семейство собирается вместе. Глава оного торжества срывает покрывало, и глазам восхищённых детей предстает Weihnachtsbaum в полном величии...» [45, 33].

Судя по многочисленным описаниям святочных празднеств в журналах 1820–1830-х годов, в эту пору рождественское дерево в русских домах ещё не ставилось. Вряд ли Пушкину когда-либо пришлось видеть ёлку на Рождество или же присутствовать на посвящённом ей празднике. Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни их современники никогда о ней не упоминают, тогда как святки, святочные маскарады и балы в литературе и в журнальных статьях описываются в это время постоянно: святочные гаданья даны в балладе Жуковского «Светлана» (1812), святки в помещицьем доме изображены Пушкиным в V главе «Евгения Онегина» (1825), в Сочельник происходит действие поэмы Пушкина «Домик в Коломне» (1828), к святкам (зимним праздникам) приурочена драма Лермонтова «Маскарад» (1835): «Ведь нынче праздники и, верно, маскарад...» [226, 257]. Подобные примеры могут быть умножены. Однако ни в одном из этих произведений о ёлке не говорится ни слова. Журналы, регулярно помещавшие в рождественских и новогодних выпусках отчёты о разного рода праздничных мероприятиях, проводившихся в Петербурге и в Москве («Молва», «Вестник Европы», «Московский телеграф» и др.), детально описывавшие святочные балы и маскарады в дворянских собраниях, театрах и дворцах — с изображением присутствовавших там людей, костюмов, убранства залы, еды, праздничного сценария, танцев, а порою и случавшихся там разного рода скандальных и пикантных происшествий, — ни в 1820-х, ни в 1830-х годах никогда не упоминают о наличии в помещениях рождественского дерева [см., например: 499, 20]. Отсутствует оно и в так называемых «этнографических» повестях (Н. Полевого, М. Погодина, О. Сомова и др.), авторы которых, зачастую с неприязнью отзываясь о городских нововведениях в ритуал зимних праздников и противопоставляя городские святки «естественному» веселью старинных народных святок, не преминули бы упомянуть и ёлку, если бы она уже была известна [345, 3-24].

Издававшаяся Ф.В. Булгаринным газета «Северная пчела», которая всегда чутко реагировала на новые явления российской бытовой жизни, только-только начинавшие входить в моду, регулярно печатала отчёты о прошедших праздниках, о выпущенных к Рождеству книжках для детей, о подарках на Рождество и т.д. Ёлка не упоминается в ней вплоть до рубежа 1830-1840-х годов. Однако начиная с этого времени «ёлочная» тема буквально не сходит со страниц

предпраздничных выпусков газеты: в поле зрения оказываются подробности, касающиеся устройства как самого праздника в честь рождественского дерева, так и коммерческой стороны дела. Первое упоминание о ёлке появилось в «Северной пчеле» накануне 1840 года: газета сообщала о продающихся «прелестно убранных и изукрашенных фонариками, гирляндами, венками» ёлках [379, 1]. Год спустя в том же издании появляется объяснение входящего в моду обычая:

Мы переняли у добрых немцев детский праздник в канун праздника Рождества Христова: Weihnachtsbaum. Деревцо, освещённое фонариками или свечками, увешанное конфетами, плодами, игрушками, книгами составляет отраду детей, которым прежде уже говорено было, что за хорошее поведение и прилежание в праздник появится внезапное награждение...

[380, 1]

По характеру сообщения заметно, что к началу 1840-х годов обычай устанавливать на Рождество ёлку знаком ещё далеко не всем: «У нас входит в обыкновение праздновать канун Рождества Христова раздачею наград добрым детям, украшением заветной ёлки сладостями и игрушками» [381, 1]. Понимая, что становящееся модным новшество нуждается в объяснении, Булгарин сообщает своим читателям его происхождение:

После уничтожения постов и католических обрядов в Германии обычай собираться вместе в доме старшего из родных также изменился, но каждая семья сохранила обычай дарить детей в вечер перед Рождеством: Weihnachtsabend — сделан детским праздником в Германии. Как на всём земном шаре нет города, нет страны, нет, так сказать, уголка, где бы не было водворённых немцев, и они везде обращают на себя внимание туземцев и покровительство правительства за своё трудолюбие и благонравие, то повсюду перенимают у них обычаи ..., и таким образом детский праздник введён повсюду.

[382, 1]

На протяжении первых десяти лет петербургские жители всё ещё воспринимали ёлку как специфическое немецкое обыкновение. А.В. Терещенко, автор семитомной монографии «Быт русского народа» (1848), пишет: «В местах, где живут иностранцы, особенно в столице, вошла в обыкновение ёлка». Отстранённость, с которой даётся им описание праздника, свидетельствует о новизне для русских этого обычая:

Для праздника ёлки выбирают преимущественно дерево ёлку, от коей детское празднество получило наименование; её обвешивают детскими игрушками, которые раздают им после забав. Богатые празднуют с изысканной прихотью.

[419, 86]

Установить точное время, когда ёлка впервые была установлена в русском доме, пока не представляется возможным. В рассказе С. Ауслендера «Святки в старом Петербурге» (1912) рассказывается о том, что первая рождественская ёлка в России была устроена государем Николаем I в самом в конце 1830-х годов, после чего, по примеру царской семьи, её стали

устанавливать в знатных столичных домах:

— Что же, вы после государя первые обычай этот немецкий приняли, — сказал один старый генерал батюшке.

— Да, было трогательно видеть в прошлом году во дворце, какую радость не только у детей, но и у людей старых вызывало это нововведение, — отвечал отец.

[18, 562]

Пришедшая из Германии ёлка с начала 1840-х годов начинает усваиваться русскими семьями столицы. В 1842 году журнал для детей «Звёздочка», который издавался детской писательницей и переводчицей А.О. Ишимовой, сообщал своим читателям:

Теперь во многих домах русских принят обычай немецкий: накануне праздника, тихонько от детей, готовят ёлку: это значит: украшают это вечнозелёное деревцо как только возможно лучше, цветами и лентами, навешивают на ветки грецкие вызолоченные орехи, красненькие, самые красивые яблоки, кисти вкусного винограда и разного рода искусно сделанные конфеты. Всё это освещается множеством разноцветных восковых свеч, прилепленных к веткам дерева, а иногда и разноцветными фонариками.

[337, 4-5]

В 1846 году в Петербурге вышло подготовленное детской писательницей и педагогом А.М. Дараган методическое руководство по домашнему обучению детей грамоте «Ёлка. Подарок на Рождество» (о котором одобрительно отозвался В.Г. Белинский, назвав его «решительно первой хорошей книгой в этом роде»). Чтобы привлечь внимание родителей к этому руководству, А.М. Дараган посвятила его «Августейшим детям её Императорского Высочества». Для середины 1840-х годов весьма показательным представляется тот факт, что первая часть этого издания завершается данным детям обещанием, что, в случае хорошей учёбы, они непременно получат на Рождество ёлку, после чего следует объяснение ещё далеко не всем известного обычая:

Слушай со вниманием, что здесь сказано про ёлку. Зимой все деревья без листьев. Одна ёлка остаётся зелена. В праздник Рождества Христова умным, добрым, послушным детям дарят ёлку. На ёлку вешают конфеты, груши, яблоки, золочёные орехи, пряники и дарят всё это добрым детям. Кругом ёлки будут гореть свечки голубые, красные, зелёные и белые. Под ёлкой на большом столе, накрытом белой скатертью, будут лежать разные игрушки: солдаты, барабан, лошадки для мальчиков; а для девочек коробка с кухонной посудой, рабочий ящик и кукла с настоящими волосами, в белом платье и с соломенной шляпой на голове. Прилежным детям, которые любят читать, подарят книгу с разными картинками. Смотрите, дети! Старайтесь заслужить такую прекрасную ёлку, вот как эта [дан рисунок наряженной, с горящими свечами ёлки].

[132а, 108-111]

В начале января 1842 года жена А.И. Герцена в письме к своей подруге описывает, как в их доме устраивалась ёлка для её двухлетнего сына Саши. Это один из первых рассказов об устройстве ёлки в русском доме: «Весь декабрь я занималась приготовлением ёлки для Саши. Для него и для меня это было в первый раз: я более его радовалась ожиданиям. Удивляюсь, как

детски я заботилась...» В память об этой первой ёлке Саши Герцена неизвестным художником была сделана акварель «Саша Герцен у рождественской ёлки», которая хранится в музее Герцена в Москве. На ней мальчик, сидящий у няни на руках, смотрит на установленную на столе ёлку. На обороте рукою Герцена написано: «1841. Декабря 29. Новгород» [92, 605-606].

Первое время в русской среде ёлка по преимуществу устраивалась в домах петербургской знати. Остальное население столицы до поры до времени относилось к ней либо равнодушно, либо вообще не знало о существовании такого обычая. Однако мало-помалу рождественское дерево завоёвывало и другие социальные слои Петербурга. И вдруг в середине 1840-х годов произошёл взрыв — «немецкое обыкновение» начинает стремительно распространяться. Петербург был буквально охвачен «ёлочным ажиотажем»: о ёлке заговорили в печати, началась продажа ёлок перед Рождеством, её стали устраивать во многих домах северной столицы. Обычай вошёл в моду, и уже к концу 1840-х годов рождественское дерево становится в столице хорошо знакомым и привычным предметом рождественского интерьера. «В Петербурге все помешаны на ёлках, — иронизировал по этому поводу И.И. Панаев. — Начиная от бедной комнаты чиновника до великолепного салона, везде в Петербурге горят, блестят, светятся и мерцают ёлки в рождественские вечера. Без ёлки теперь существовать нельзя. Что и за праздник, коли не было ёлки?» [302, 91].

Этот внезапный взрыв интереса к ёлке и страстного увлечения ею вызывает удивление. Что же произошло на протяжении 1840-х годов? Думается, что столь стремительный рост популярности немецкого обычая объясняется несколькими причинами.

Прежде всего в основе лежало стремление подражать Западу. Начиная с 1820-х годов и далее — на протяжении двух десятилетий, русские увлекались модой на немецкие литературу и философию. Отсюда и увлечение «немецким нововведением» — рождественским деревом, что подкреплялось модой на произведения немецких писателей и прежде всего — на Гофмана, «ёлочные» тексты которого «Щелкунчик» и «Повелитель блох» были хорошо известны русскому читателю 1840-х годов. Эти произведения печатались к Рождеству отдельными изданиями, предлагая детям специальное праздничное чтение и тем самым способствуя распространению обычая рождественской ёлки [см., например: 324]. Иллюстрации к ним помогали закреплению её зрительного образа. Герой повести Гофмана «Повелитель блох» Перегринус Тис каждый Сочельник устраивает у себя в доме ёлку, готовит сам себе подарки, с нетерпением ожидает встречи с ней; он, как ребёнок, радуется и ёлке и подаркам, а затем относит их детям из бедных семей [102, 356-358]. Ещё более привлекательным «ёлочным» текстом оказалась повесть Гофмана «Щелкунчик», впервые вышедшая в русском переводе в 1839 году под названием «Щелкун орехов». Она была напечатана небольшой книжечкой с единственной иллюстрацией на первой странице, на которой изображена небольшая зала в немецком доме: на столе, покрытом белой скатертью, стоит еловое деревце с зажжёнными на нём свечками и разложенными под ним подарками, среди которых — и знаменитый Щелкунчик. Только что впущенные в комнату Мария и Ганс с восхищением смотрят на ёлку, в то время как их родители внимательно наблюдают за реакцией детей на светящееся дерево и подарки [324]. Эта иллюстрация была одним из первых изображений рождественской ёлки, появившихся в русской печати. Она, а вслед за нею и многие другие, служили образцом для устройства ёлки в русских домах.

В начале 1840-х годов, помимо Гофмана, русскому читателю стали известны произведения и ряда других западноевропейских писателей, в основе которых лежал сюжет, связанный с рождественской ёлкой. В это время уже были переведены на русский язык сказки Андерсена «Ёлка», описывающая судьбу дерева, срубленного для детского праздника, и «Девочка с серными спичками», в которой замерзающей рождественским вечером на городской улице бедной девочке-сироте чудится прекрасная ёлка. Читая «ёлочные» произведения западноевропейской

литературы, русские познакомились с немецким обычаем, и это ускорило его практическое усвоение.

Существенную роль в распространении и популяризации ёлки в России сыграла коммерция. С конца 1830-х годов известные кондитерские Петербурга, воспользовавшись новым увлечением своих покупателей, организовали продажу ёлок уже, так сказать, готовых к употреблению — с висящими на них фонариками, игрушками и (что для кондитеров было самым главным) с произведениями так называемой кондитерской архитектуры: разного рода пряниками, пирожными, конфетами и пр. Ответ на вопрос, почему именно кондитерское производство оказалось ведущим в пропаганде ёлки, связан с историей этого производства в России. С начала XIX века самыми известными в Петербурге специалистами в кондитерском деле стали выходцы из Швейцарии, относящиеся к маленькой альпийской народности — ретороманцам, знаменитым во всей Европе мастерам кондитерского дела. «Их колония в Петербурге была многочисленной и по профессии однородной» [233, 35]. Постепенно они завладели кондитерским делом столицы и, видя возрастающую моду на ёлку, воспользовались ею для улучшения торговли своим товаром. Быстро сориентировавшись, они освоили приготовление готовых к использованию ёлок. «Северная пчела», регулярно оповещая о местах продажи ёлок, в конце 1839 года с сожалением отмечает их отсутствие в популярной кондитерской «гг. Беранже и Вольфа»:

Их можно получить только в кондитерской Доминика (на Невском проспекте, в доме Петровской церкви) и в кондитерской Пфейфера... У каждого из двух поименованных кондитеров ёлки отличаются новым изобретением.

[379, 1]

Через год появляется новое сообщение:

Место не позволяет гг. Вольфу и Беранже иметь готовые ёлки, но у гг. Доминика, Излера и Пфейфера они удивительно хороши и богаты... Но зато, чего тут нет!... Картонные игрушки, называемые сюрпризами, отличаются ныне удивительным изяществом. Это уже не игрушки, а просто модели вещей, уменьшенные по масштабу. Ёлки у г. Пфейфера с транспарантами и китайскими фонарями, а у гг. Доминика и Палера также с фонарями на грунте, усеянном цветами. Прелесть да и только!

[380, 1]

И далее — несколько лет спустя:

Если желаете иметь ёлку великолепную, так сказать, изящную, закажите с утра г. Излеру, в его кондитерской, в доме Армянской церкви, на Невском проспекте. Тогда будете иметь ёлку на славу, которою и сами можете любоваться. Обыкновенные, но прекрасно убранные ёлки продаются в кондитерской г. Лерха...

[384, 1]

Из содержания этих рекламных статей видно, что, наряду с деревьями, в кондитерских продавались и подарки: игрушки, книжки, сласти:

В кондитерской-кофейне (café-restaurant) г. Доминика продаются прекрасные ёлки, со всем убранством и множеством сахарных игрушек. В кондитерской г. Излера продаются также превосходные ёлки, парижские картонажи и игрушки.

[382, 1]

Стоили такие ёлки очень дорого («от 20 рублей ассигнациями до 200 рублей»), и поэтому покупать их для своих деток могли только очень богатые «добрые маменьки», на которых в первую очередь и рассчитывала реклама:

Но без ёлки нет в семействе праздника. Если вы, почтенные маменьки, не обзавелись ещё ёлкой, заезжайте в кафе-ресторан г. Доминика, на Невском проспекте, в доме Петровской церкви. Мы ещё никогда не видели в Петербурге так красиво убранных ёлок, как в нынешнем году у Доминика... Ёлки выносят одну за другою, и их ряды беспрестанно пополняются.

[385, 1]

На первых порах «немецкое нововведение» было доступным лишь состоятельным семьям, в которых организация рождественского праздника с ёлкой с каждым годом становится всё более и более привычным делом. О продаже ёлок на петербургских рынках в это время ещё ничего не слышно. Торговля ими началась несколько позже — с конца 1840-х годов. Продавались ёлки у Гостиного двора, куда крестьяне привозили их из окрестных лесов. Это, конечно же, значительно удешевило цену на деревья, хотя городские бедняки всё равно далеко не всегда могли позволить себе удовольствие устроить ёлку. Ведь помимо самого деревца требовались ещё и ёлочные украшения, и свечи, и подарки для детей. В повести Д.В. Григоровича «Зимний вечер» (1855) бедный петербургский уличный артист переживает по поводу того, что не в состоянии купить своим детям ёлку: «На совести отца лежала ёлка, которую обещал к Рождеству и которой не было» [103, 324].

Если бедняки не могли позволить себе приобрести даже самую маленькую ёлочку, то богатая столичная знать уже с конца 1840-х годов начала устраивать настоящие соревнования: у кого ёлка больше, гуще, наряднее, богаче изукрашена. «Дети одного моего приятеля, — писал И.И. Панаев, — ... разревелись оттого, что их ёлка была беднее, нежели у их двоюродных сестриц и братьев...» [302, 91]. В качестве ёлочных украшений в состоятельных домах нередко использовали не специальные ёлочные игрушки и мишуру, а настоящие драгоценности и дорогие ткани. Концом 1840-х годов датируется и первое упоминание об искусственной ёлке, что считалось особым шиком:

Один из петербургских богачей заказал искусственную ёлку вышиною в три с половиной аршина, которая была обвита дорогой материею и лентами; верхние ветки её были увешаны дорогими игрушками и украшениями: серьгами, перстнями и кольцами, нижние ветви цветами, конфетами и разнообразными плодами.

[419, 87]

К середине XIX века немецкий обычай прочно вошёл в жизнь российской столицы. Ёлка становится для жителя Петербурга вполне привычным явлением. В 1847 году Н.А. Некрасов упоминает о ней как о чём-то всем знакомом и понятном: «Всё же случайное походит на конфеты на рождественской ёлке, которую также нельзя назвать произведением природы, как

какой-нибудь калейдоскопический роман фабрики Дюма — произведением искусства» [269, XI, кн. 2, 30]. Слово «ёлка» начинает использоваться в метафорическом, переносном, смысле, когда возникает необходимость охарактеризовать что-либо или же кого-либо, обвешанного блестящими вещицами. А.Ф. Кони вспоминает, как в 1850-х годах маленький мальчик, на вопрос матери «Кто этот дядя?» о пришедшем к ним в дом с праздничным визитом господине с большим количеством орденов и значков на груди, отвечает: «Знаю, это ёлка» [191, 62].

Само дерево, использовавшееся в качестве неременной и главной принадлежности детского семейного праздника Рождества, первоначально известно лишь под немецким названием *Weihnachtsbaum*, первое время называлось «рождественским деревом» (что является калькой с немецкого). Вскоре оно получает имя «ёлки», которое закрепляется за ним навсегда. «Ёлкой» стал называться и праздник, устраиваемый по поводу Рождества (первоначально — новогодний праздник для детей): «пойти на ёлку», «устроить ёлку», «пригласить на ёлку». Немецкое название, выйдя из употребления, отныне встречается только в переводах произведений западноевропейских писателей и в стилизациях, как, например, в повести Анны Зонтаг «Сочельник перед Рождеством Христовым» (1864), где усыновленный немцем-лесничим и выросший в его доме мальчик уже взрослым приходит на Сочельник в отчий дом и приносит детям «рождественское дерево» и подарки [155, 153].

Говоря об обычае ёлки, необходимо различать два понятия: *ёлку* как помещаемое в жильё вечнозелёное дерево, изображающее собою «неувядающую благостьню Божию» и являющееся символом неумирающей природы (то есть само украшенное рождественское дерево — *Weihnachtsbaum*), и *ёлку* как детский праздник в честь этого дерева (детский новогодний или рождественский праздник с танцами, играми вокруг украшенной ёлки — *Weihnachtsabend*). В.И. Даль заметил по этому поводу: «Переняв, через Питер, от немцев обычай готовить детям к Рождеству разукрашенную, освещённую ёлку, мы зовём так иногда и самый день ёлки, Сочельник» [110, I, 529].

Русская ёлка во второй половине XIX века

Освоение в России рождественской ёлки поражает своей стремительностью. Если в начале 1830-х годов о ней ещё говорилось как о «милой немецкой затее», то в конце этого десятилетия она уже «входит в обыкновение» в домах петербургской знати, а в течение следующего становится в столице широко известной. В середине века из Петербурга, превратившегося в настоящий рассадник ёлки, она разводя по всей России: по её губернским и уездным городам, а некоторое время спустя — и по дворянским усадьбам. К концу столетия ёлка становится известным и вполне естественным явлением как в городе, так и в поместье.

Провинция, конечно, отставала от столицы в усвоении этого обычая, хотя и не слишком сильно: регулярные и разнообразные связи с Петербургом немало способствовали быстрому его распространению. Отдельные свидетельства знакомства провинциалов с ёлкой относятся уже к началу 1840-х годов. Я.П. Полонский, отроческие годы которого прошли в Рязани, вспоминает, что до шестого класса гимназии (то есть примерно до 1838 года) он не видел ни одной ёлки и «понятия не имел, что это за штука». Но уже через несколько лет она, «вместе с французским языком», была «привезена» из Петербурга в Рязань воспитанницами Смольного института [329, 331]. По словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, жившего с 1848 по 1856 год в ссылке в далёкой Вятке, там ёлка была «во всеобщем уважении» с начала 1850-х годов: «По крайней мере, чиновники» считали «непременную обязанностью купить на базаре ёлку», — иронизирует писатель [370, II, 233].

Причина такого быстрого вхождения петербургского новшества в жизнь провинциального города понятна: отказавшись от старинного народного обычая празднования святок, горожане ощутили некий обрядовый вакуум. Этот вакуум либо ничем не заполнялся, вызывая чувство разочарования из-за напрасных праздничных ожиданий, либо компенсировался новыми, сугубо городскими, часто — на западный манер развлечениями, в том числе и устройством ёлки.

Помещичью усадьбу рождественское дерево завоёвывало с большим трудом. Здесь, как свидетельствуют мемуаристы, святки ещё в течение многих лет продолжали праздноваться с соблюдением народных обычаев, по старинке, вместе с дворней, что формировало в бывших барчуках стойкую неприязнь к ёлке. Так, И.И. Панаев, родившийся в 1812 году, писал: «...ёлка не имеет для меня ни малейшей привлекательности, потому что в моём детстве о ёлках ещё не имели никакого понятия» [303, 223]. Но уже Салтыков-Щедрин, родившийся четырнадцать лет спустя, относился к ёлке иначе: «...воспоминания о виденных мною ёлках навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями пройденной жизни!» — заявляет он [370, III, 78].

И всё же мало-помалу петербургская мода начинала проникать и в усадьбу, хотя ещё в течение долгого времени далеко не во всех помещичьих домах можно было увидеть ёлку на рождественских праздниках. Мемуаристы, вспоминая о своём усадебном детстве 1850-х годов, пишут о том, как они, мечтавшие о ёлке, не получали её из-за недостаточной обеспеченности своих родителей. Это может показаться странным, поскольку, казалось бы, уж где-где как не в деревне еловое дерево могло быть наиболее доступным: стоило только послать за ним в лес мужиков. Однако одного дерева для организации праздника было недостаточно: требовались и украшения, и сласти, и свечи, и подарки для детей. Не каждая семья мелкопоместных дворян была в состоянии это осилить.

Кроме того, для устройства ёлки необходимы были определённые знания и навык: для того чтобы подражать жителям столиц, надо было иметь пример для подражания. В 1853 году детская писательница Л.А. Савельева-Ростиславич заметила по этому поводу: «В местах, отдалённых от Петербурга и Москвы, ёлка составляет чрезвычайную редкость не только для детей, но и для их

родителей, если эти помещики, по ограниченности своего состояния, не имели средств быть ни в одной из столиц» [367, 117]. Как можно заметить из приведённого высказывания, к началу 1850-х годов барчукам ёлка была уже не только известной, но и желанной, хотя иногда — недостижимой.

Если до середины XIX века в воспоминаниях, посвящённых святкам в помещичьей усадьбе, устройство ёлки не упоминается, то через десять лет положение изменилось. В мемуарах и в переписке членов семьи Льва Толстого рассказы об организации святочных увеселений непременно включают в себя подробности и эпизоды, связанные с ёлкой, которая стала для них обязательным и важнейшим компонентом зимних торжеств. О рождественских праздниках 1863 года свояченица писателя Т.А. Кузминская, живавшая подолгу в Ясной Поляне и считавшая её своим «вторым родительским домом», вспоминает: «Ежедневно устраивались у нас какие-нибудь развлечения: театр, вечера, ёлка и даже катание на тройках» [208, 291]. Два года спустя, 14 декабря 1865 года, в письме к С.А. Толстой она сообщает: «Здесь готовим мы на первый праздник большую ёлку и рисуем фонарики разные и вспоминали, как ты эти вещи умеешь сделать». И далее: «Была великолепная ёлка с подарками и дворовыми детьми. В лунную ночь — катанье на тройке» [208, 405]. С.Л. Толстой, вспоминая о своём детстве, пишет о ежегодном устройстве ёлки: «На святках, по обыкновению, была ёлка, приезжали гости, и мы наряжались»; «В Новый год была чудесная ёлка, особенно удавшаяся в нынешнем году»; «На святках — крестины Маши. Великолепная ёлка» [428, 42, 54, 57]. О том же сообщает и И.Л. Толстой: «Огромная ёлка до потолка блестит зажжёнными свечами и золотыми безделушками» [424, 66]. В мемуарах Т.Л. Сухотиной-Толстой читаем: «Ожидалось много гостей, и, чтобы им не было скучно, готовилась ёлка, маскарад, катание с гор и на коньках и прочие удовольствия...»; «Она (ёлка. — Е.Д.) доходит почти до самого потолка, и вся залита огнями от множества восковых свечей, и сверкает бесчисленным количеством всяких висящих на ней ярких безделушек» [417, 81, 92]. Всё это происходит в 1860-1870-е годы.

В дальнейшем я ещё не раз буду обращаться к мемуарам детей Толстого: они содержат богатый, разнообразный и обильный материал по истории устройства ёлки в России. Зимние праздники в Ясной Поляне являли собой редкий пример органичного соединения русских народных святок с западной традицией рождественского дерева: здесь «ёлка была годовым торжеством» [424, 65]. Устройством ёлок руководила С.А. Толстая, которая, по мнению знавших её людей, «умела это делать», в то время как инициатором чисто святочных увеселений был сам писатель, судя по воспоминаниям и по литературным произведениям, прекрасно знавший обычаи народных русских святок (вспомним хотя бы соответствующие фрагменты «Войны и мира»).

Все дети Льва Толстого при описании яснополянских святок рассказывают о приходе к ним на ёлку крестьянских ребятишек:

Наконец слышим стремительный топот вверх по лестнице. Шум такой, точно гонят наверх табун лошадей... Мы понимаем, что впустили вперёд нас крестьянских ребят и что это они бегут наверх. Мы знаем, что, как только они войдут в залу, так откроют двери и нам... Дворовые и деревенские дети тоже издали разглядывают всё висящее на ёлке и указывают друг другу на то, что им больше нравится...

[417, 92]

Видимо, присутствие крестьянских детей на усадебных ёлках становится обычным явлением: такой же праздник в дворянском доме изображён и в очерке А.С. Путьяиной 1881 года

«Ёлка»: здесь мальчику и девочке, проводящим зиму в поместье, родители устраивают ёлку, на которую приглашают и крестьянских ребятишек. Описываются весёлые предпраздничные хлопоты: изготовление ёлочных игрушек, покупка родителями вороха гостинцев, привоз из леса ёлки кучером Емельяном, прикрепление дерева к кресту и установка его в углу залы. В воздухе распространяется запах смолы. Дети украшают ёлку, вешают на неё орехи, пряники и конфеты, а также разноцветные фонарики. Они в восторге. Когда в гости приходят крестьянские дети, ёлку зажигают, и все вместе с песнями водят вокруг неё хоровод. Потом с дерева срезают гостинцы [346, 43-55].

О присутствии на ёлке деревенских ребятишек говорится и в повести А.Н. Толстого «Детство Никиты»:

Затем в коридоре хлопнула на блоке дверь, послышались голоса и много мелких шагов. Это пришли дети из деревни... В гостиной раскрылись другие двери, и, теснясь к стенке, вошли деревенские мальчики и девочки. Все они были без валенок, в шерстяных чулках...

[423, 201-202]

В последней трети XIX века ёлка превратилась в провинции и в усадьбе в столь же частое и обычное явление, как в Петербурге и в Москве. Литературные произведения и мемуары, посвящённые этому времени, включают в себя и детальные описания её устройства, и краткие упоминания о её присутствии в доме на рождественских праздниках:

Через открытую дверь соседней залы виднелась громадная ёлка, украшенная цветными и золотыми гирляндами, золочёными орешками, пёстрыми хлопушками, пряничными фигурками, мандаринами. На самой верхушке ёлки как бы улетал ввысь белый ангел с распростёртыми, блестящими крыльями.

[401, 74]

Праздник рождественской ёлки

*Где дети — там ёлка, богаче, беднее.
Но вся в золотых огоньках.
И сколько веселья и сколько восторга
В незлобивых детских сердцах.*

В.п. «Рождественская ёлка»

Согласно немецкой традиции, праздник ёлки считался днём семейного детского торжества, который в памяти ребёнка должен был запечатлеться как день милосердия, добра и всепрощения. Первоначально ёлка устраивалась в доме только для членов одной семьи и предназначалась детям. Интимность, домашность праздника с рождественским деревом поддерживалась и в русских домах. Такие «классические» ёлки, ёлки, так сказать, «немецкого образца», после усвоения в России пришедшего из Германии обычая в большинстве домов организовывались по более или менее устойчивому сценарию.

На первых порах присутствие в доме рождественского дерева ограничивалось одним вечером. Производимое им на детей впечатление оказывалось предельно сильным, до экзальтации. Ёлка приводила детей в состояние крайнего возбуждения, радости, восторга:

То, блестящее сотнями огней, что подымалось к самому потолку, — ослепило меня. Помню, показалось мне, будто открылась дверь не в знакомую залу, а в царство волшебное, небывалое.... Не помню праздника, который больше бы произвёл на меня впечатления.

[18, 562-563]

Ёлка готовилась взрослыми членами семьи и непременно в тайне от детей. В празднике в её честь сочетались и предсказуемость, и сюрприз. Хотя по предыдущим годам дети уже, как правило, знали, что ёлка у них непременно будет, перед каждым очередным праздником они всё же сомневались: а будет ли и на этот раз? Взрослые прилагали все усилия к тому, чтобы поддержать в детях сомнение и тем самым усилить интенсивность их переживаний.

Ожидание детьми очередного явления ёлки, встречи с ней, начиналось задолго до наступления Рождества. Вдруг заполняющее всё пространство ощущение «предпраздничности», при котором «не хочется ничего земного», погружало ребёнка в особое состояние, от которого знакомая им окружающая действительность становилась необычной: «Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило весёлым ветром самое распрекрасное и душистое на свете слово — “Рождество”. Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками» [280, 47]. День Рождества, как никакой другой, привлекал все помыслы детей: «Приближение праздника наполняет детские сердца трепетной радостью ожидания чего-то приятного» [485, 3]; «Эта радость ожидания также чудесна, как будущий сияющий праздник» [178, 80]. Нетерпение детей возрастало с каждым днём. Когда же наконец наступал канун Рождества, им ещё надо было дожить до вечера, а время, как казалось, тянулось вечно: «Часы в этот день тикали так медленно... Как ужасно долго не смеркалось! Рот отказывался есть» [464, 67].

Пока дети, томясь и изнывая, ждали, когда же наконец наступит счастливейшая минута, взрослые занимались своим ответственным делом. Накануне Рождества заранее купленное или

заготовленное еловое дерево тайно от детей проносилось в лучшее помещение дома, в залу или в гостиную, устанавливалось на столе, покрытом белой скатертью, а впоследствии — на полу и украшалось. Старшим членам семьи «надо было пронести ёлку в зал ... так, чтобы никто не видал» [152, 13]. Взрослые, как вспоминает А.И. Цветаева, «прятали от нас [ёлку] ровно с такой же страстью, с какой мы мечтали её увидеть» [464, 67]. О тайном приготовлении рождественского дерева упоминают почти все мемуаристы: «В это время двери залы запираются, и “большие” убирают ёлку...» [424, 66]; «Нас не пускают в залу. Там мама с гостями устраивает ёлку...» [417, 91]; «С середины дня папина комната стояла закрытой; там водружалась и украшалась грандиозная, до высокого потолка, ёлка...» [127, 176].

К ветвям дерева взрослые прикрепляли свечи, развешивали лакомства, украшения, под ней раскладывали подарки для детей, которые, как и сама ёлка, готовились в строгом секрете. И наконец, перед самым впуском детей в залу, на дереве зажигали свечи.

Входить в помещение, где устанавливалась ёлка, до специального разрешения детям строжайшим образом запрещалось. Чаще всего на это время их изолировали в детскую или в какую-либо другую комнату: «Наверху нас запирают в гостиную, а мама с гостями уходит в залу зажигать ёлку...» [417, 92];

Незаслуженного дара
Ждём у запертых дверей...

[207, 79]

В ряде европейских стран существовал обычай, состоявший в том, что детей, перед тем, как их впускали в помещение, где была установлена ёлка, для достижения наиболее сильного эффекта, держали в «отдельной совершенно тёмной комнате»: «...детей запирали перед ёлкой в тёмную комнату для того, чтобы блеск свечей, роскошь игрушек и ёлочных украшений показались им ещё прекраснее» [181, 18]. В русской традиции этот достаточно жестокий обычай, насколько мне известно, принят не был.

Нетерпение детей возрастало с каждой минутой: «Волнение наше доходит до крайних пределов...» [417, 92]; «Волнение наше было такое, что мы уже не можем сидеть на месте, двадцать раз подбегаем к двери ...и время кажется длинным-длинным» [424, 66]. Иногда кому-нибудь из самых бойких ребят всё же удавалось застичь тот момент, когда ёлку проносили в зал, и как они тогда были счастливы: «... и Андрюша, успев увидеть, мчался к нам вверх по лестнице, удирая от гувернантки, захлебнувшись, шептал: “Принесли!”» [464, 68].

Дети не могли видеть то, что делается в доме, но по разным знакам они стремились угадать, что происходит за пределами их комнаты: прислушивались, подглядывали в замочную скважину или в дверную щель: «Мы совершенно не в силах сидеть на месте и то подбегаем к одной двери, то к другой, то пытаемся смотреть в щёлку, то прислушиваемся к звукам голосов в зале» [417, 91]; «...спрашиваем — скоро ли готово, подсматриваем в ключевину...» [424, 66];

В двери светлая полоска
Так заманчиво видна!

...Не видна ещё ребёнку
Разукрашенная ель,
Только луч желто и тонко

Пробивается сквозь щель.

[207, 79]

О, дайте нам ёлку, волшебную ёлку
С гирляндами пёстрых огней;
Заставьте томиться, заглядывать в щёлку.
Гореть у закрытых дверей!

[188, 216]

Слух и обоняние детей обострились до предела: «Чувствуется приятный смолистый запах ёлки...» [417, 91]; «Пахнет хвойным деревом и смолой» [424, 66]; «Все чувства, как вскипевшее молоко, ушли через края — в слух» [464, 68]. Дети слышали, что «внизу... что-то несли, что-то шуршало... что-то протаскивали, и пахло неназываемыми запахами, шелестело проносимое и угадываемое...» [464, 68]; «Этот блеск, этот свежий, такой вкусный запах ёлки восхищали меня необычайно» [18, 563].

Когда же наконец все приготовления бывали закончены, детям либо подавался условный сигнал («раздавался волшебный звонок» [464, 68]; «в ту же минуту раздался звонок» [181, 22-23]), либо за ними приходил кто-то из взрослых или слуг: «...слышим приближающиеся из залы шаги мамá к гостиной двери» [417, 92]; «Обычно мы, все дети, ждали в соседней комнате, пока двери не откроются и лакей Пётр, в чёрном фраке и белых перчатках, не заявит торжественно «Милости просим!»» [392, 6]; «И когда уже ничего не хотелось как будто от страшной усталости непомерного дня ... снизу, где мы до того были только помехой, откуда мы весь день были изгнаны, — раздавался волшебный звук — звонок!» [464, 68].

Двери в залу открывали, и детей впускали в помещение, где была установлена ёлка. Этот момент раскрывания, распаивания, дверей присутствует во множестве мемуаров, рассказов и стихотворений о празднике ёлки: он был для детей долгожданным и страстно желанным мигом вступления в «ёлочное пространство», их соединением с волшебным деревом: «Наконец всё готово. Двери залы отпираются ... и из гостиной вбегаем мы» [428, 42]; «Вслед за этим дверь отворяется на обе половинки, и нам позволено войти...» [417, 92]; «Вдруг раскрылись двери и из соседней комнаты шумною гурьбой вбежали дети» [141, 253]; «...двери отворились настезь и в комнату влился поток яркого света...» [181, 22-23]; «Наконец дверь растворяется, и счастливец, с нетерпением ожидавших этой минуты, впускают в заветную комнату» [337, 4]; «Наконец праздник начался, двери растворились...» [337, 5]; «...вечером вдруг распаивались двери, за которыми мы давно уже стояли в нетерпении» [127, 131]; «...нам навстречу распаиваются высокие двухстворчатые двери... И во всю их сияющую широту, во всю высь вдруг взлетающей вверх залы, до самого потолка, несуществующего — она!» [464, 67].

Впечатление, производимое на детей видом ёлки, «для которой уже не было ни голоса, ни дыхания и от которой нет слов» [464, 69], описано многими мемуаристами. Первой реакцией было оцепенение, почти остолбенение:

«В первую минуту мы стоим в оцепенении перед огромной ёлкой. Она доходит почти до самого потолка...» [417, 92]; «Ослеплённые огнём десятка свечей, ...мы вливались из столовой весёлой гурьбой и на время замирали, не скрывая произведённого на нас впечатления» [392, 12]; «...все замерли от восторга... настолько чудесная картина представилась нам» [392, 6]; «Дети

стояли неподвижно, потрясённые» [423, 202].

Представ перед детьми во всей своей красе, разукрашенная «на самый блистательный лад», ёлка неизменно вызывала изумление, восхищение, восторг: «...и блестящая, как солнце, ёлка... почти ослепила глаза всем» [152, 6]; «Как двери настежь открыли, так дети все только ахнули» [360, 12]; «Дети, конечно, были поражены сияющими огнями, украшениями и игрушками, окружавшими ёлку» [122, 252].

После того как проходило первое потрясение, начинались крики, ахи, визг, прыганье, хлопанье в ладоши и т.п.: «Дети закричали, заахали от радости...» [152, 13]; дети «с громкими криками радости прыгали и скакали около дерева» [135, 18]; «Дети завизжали от восторга: “Ёлка! Ёлка!”» [242, 57]; «Увидев красавицу ёлочку, все захлопали в ладоши и начали прыгать вокруг...» [141, 253]; «Дети поражены, даже самый маленький хлопает в ладошки на руках у няни...» [272, 1165]; «Минуту царила тишина глубокого очарования, сразу сменившаяся хором восторженных восклицаний. Одна из девочек не в силах была овладеть охватившим её восторгом и упорно и молча прыгала на одном месте; маленькая косичка со вплетённой голубой ленточкой хлопала по её плечам» [13, 61-62]. Затем начиналось тихое, интимное общение ребёнка с ёлкой: каждый из них любовался ею, рассматривал висящие на ней игрушки, разбирали свои подарки: «...наигравшись подарками, мы обрывали с ветвей красные, зелёные и голубые хлопушки ... огненные фонтанчики бенгальских огней» [127, 131].

В конце праздника наступала психическая разрядка. Доведённые до крайне восторженного состояния дети получали ёлку в своё полное распоряжение: они срывали с неё сласти и игрушки, разрушали, ломали и полностью уничтожали дерево (что породило выражения «грабить ёлку», «щипать ёлку», «рушить ёлку»). Отсюда произошло и название самого праздника: праздник «ощипывания ёлки»:

Дети набросились на дерево, беспощадно тащили и срывали всё, что можно было взять, поломали ветки, наконец повалили на пол — верхушка подверглась тому же опустошению.

[137, 31]

Ёлка уже упала, и десятки детей взлезали друг на друга, чтобы достать себе хоть что-нибудь из тех великолепных вещей, которые так долго манили собой их встревоженные воображеньца.

[370, II, 235]

Дети... разобрали всю ёлку вмиг, до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек, прежде чем узнали, кому какая назначена.

[123, II, 96]

Напрыгавшись вокруг неё досыта, они... с весёлым визгом и смехом, повалили её на паркет и принялись опустошать так усердно, что, когда лакей вынес дерево на кухню, на нём, кроме десятка яблок да стольких же пряников и конфет, ничего не осталось.

[378, 112]

Детям предоставлялась полная «свобода для ненормативных действий», они «выпускали свои чувства наружу» [298, 96], и в этом отношении разрушение ёлки имело для них психотерапевтическое значение разрядки после пережитого ими долгого периода напряжения. В тех случаях, когда такой разрядки не было, праздник часто заканчивался разочарованием, слезами, скандалами, долго не проходившим возбуждением. Жена Ф.М. Достоевского Анна Григорьевна, вспоминая о первой ёлке, устроенной в 1872 году для тогда ещё совсем маленьких детей, рассказывает о последовавшей после праздника болезненной реакции сына Феди, проснувшегося ночью в истерике и плакавшего до тех пор, пока отец снова не отнёс его к ёлке и подаркам. Родители были столь напуганы этой «загадочною болезнью», что решили, «несмотря на ночь, пригласить доктора», пока не поняли, в чём дело: «очевидно, воображение мальчика было поражено ёлкой, игрушками и тем удовольствием, которое он испытал...» [122, 251]. «Было ужасно весело, — пишет в своих мемуарах князь Ф.Ф. Юсупов, — но кончался праздник почти всегда потасовкой. Я был тут как тут и с наслаждением колотил ненавистных, к тому же мозгляков» [493а, 61].

В празднике ёлки принимали участие все члены семьи, и «большие» и «маленькие». Подрастая, старшие дети начинали участвовать в устройстве ёлки и точно так же скрывали от младших работу по подготовке рождественского дерева и подарков. Этот переход в новый статус совершался в определённом возрасте (примерно с двенадцати лет): «Надобно было пронести ёлку в зал, но так, чтобы никто из детей не видал, и мне удалось сделать это, пока они ещё спали», — пишет тринадцатилетняя девочка в письме, адресованном подруге [152, 13]. А.И. Куприн в рассказе «Тапер» отмечает: «Тина только в этом году была допущена к устройству ёлки. Не далее как на прошлое Рождество её в это время запирали с младшей сестрой ... в детскую, уверяя, что в зале нет никакой ёлки, а что “просто только пришли полотёры”» [211, III, 74].

Организуя праздник, взрослые тоже очень волновались. Готовились загодя, покупая подарки, ёлку и ёлочные украшения. Порою безумно уставали. Младшая дочь В.В. Розанова вспоминает о подготовке праздника ёлки в их семье: «Мама весь день ездила в город покупать подарки и приезжала измученная и ложилась на диван...» [355, 25]. Несмотря на хлопоты и усталость, родителям устройство ёлки доставляло не меньше удовольствия, чем детям сама ёлка. А.Г. Достоевская вспоминает о том, как серьёзно относился к подготовке праздника для детей её муж:

Фёдор Михайлович, чрезвычайно нежный отец, постоянно думал, чем бы потешить своих деток. Особенно он заботился об устройстве ёлки: непременно требовал, чтобы я покупала большую и ветвистую, сам украшал её (украшения переходили из года в год), влезал на табуреты, вставляя верхние свечи и утверждая «звезду».

[122, 252]

Когда дети впускались в помещение, где стояла ёлка, восхищались ею, рассматривали на ней игрушки и разбирали свои подарки, взрослые со стороны смотрели на них, с явным удовлетворением и умилением наблюдая за произведённым на детей впечатлением и вспоминая ёлки своего детства:

При виде сияющих детских личиков, облитых светом множества свечей, мы вспоминаем и своё минувшее детство и свои светлые впечатления, когда неожиданно

отворившиеся двери открывали перед нами ярко освещённое дерево, увешанное подарками. Счастливые впечатления детства. Вот прошло много лет, и они не забываются, а на детском празднике, на ёлке, воспроизводятся с особой рельефностью.

[289, 871]

Как приятно и весело смотреть на разругавшиеся личики и блестящие глазёнки малышей!

[320, 108]

Теперь переживаешь праздничную радостную настроенность вдвойне — и за себя, и за детей: вместе с ними переживаешь снова то, что так хорошо было в детстве.

[70, 60-61]

Взрослые ревностно следили за реакцией детей на столь старательно приготовленную ими ёлку, ожидая от них проявления восторга, радости, веселья. И в тех случаях, когда наряженное дерево не производило должного эффекта или когда дети, игнорируя ёлку, тотчас же бросались к подаркам, родители крайне огорчались, и наоборот — испытывали чувство громадного удовлетворения и даже счастья, когда дети вначале выражали искреннее восхищение столь старательно устроенным, с такой любовью разукрашенным ими деревом: дети, «надобно отдать им честь — долго восхищались деревом прежде, нежели вздумали разбирать свои подарки» [151, 13]. В противном случае старшие считали, что ёлка «не получилась». Ожидавшейся взрослыми реакции младших на ёлку действительно иногда не было. Случалось, что так тщательно подготовленные родителями семейные праздники заканчивались слезами и скандалами, неудовлетворённостью своими подарками и ревностью по отношению к подаркам, полученным другими детьми, а пресловутое обязательное «ёлочное веселье» превратилось в конце концов в предмет шуток и юмористических сценок, которые к концу XIX века стали обычными в рождественских выпусках юмористических журналов. Вот, к примеру, как шутит анонимный юморист в сборнике «Весёлые святки»:

Отец вводит детей к ёлке. «Ну, вот вам и ёлка! Вы теперь должны как следует веселиться, чтобы не зря были затрачены мною деньги на ёлку. А если не будете искренне веселиться — всех выдеру! Так и знайте!»

[131, 61]

В конце праздника опустошённое и поломанное дерево выносилось из залы и выбрасывалось во двор: «...и эта самая ёлка, роскошная и пышная, за минуту была выброшена на улицу» [137, 31]. Иногда оборванное дерево выставляли на чёрную лестницу, где оно, всеми забытое, могло валяться сколь угодно долго: «...её (ёлку. — *Е.Д.*) выставили на площадку чёрной лестницы с тем, чтоб дворники убрали её куда-нибудь... но им было недосуг, и она целую неделю продолжала торчать всё на том же месте, между дверью и стеной...» [378, 112]. В России (в отличие, например, от восточной Словакии, где ёлка после Крещения освящалась, становясь тем самым пригодной для магических действий [48, 388]) использованное на празднике дерево обычно просто выбрасывали или сжигали в печи вместе с другими дровами.

Обычай устанавливать ёлку на рождественские праздники неизбежно претерпевал

изменения. В тех домах, где позволяли средства было достаточно места, уже в 1840-е годы, вместо традиционно небольшой ёлочки начали использовать большое дерево: особенно ценились высокие, до потолка, ёлки, широкие и густые, с крепкой и свежей хвоей: «...в большой гостиной устанавливалась огромная ёлка» [392, 6]; «Ёлка — огромное шестиаршинное густое дерево — блестела огнями» [81, 128]. Вполне естественно, что высокие деревья нельзя было ставить на стол, поэтому их начали крепить к крестовине (к «кружкам» или «ножкам») и устанавливать на полу в центре залы или самой большой комнаты в доме: «...и в зале на месте обеденного стола стоит огромная густая ёлка, от которой на всю комнату приятно пахнет лесной хвоей» [424, 66]. В таких случаях дети уже не имели возможности срывать с ёлки висящие у самого потолка сласти и наиболее ценные или же опасные для маленьких стеклянные украшения. Чтобы обезопасить детей, взрослые вешали их как можно выше. Поэтому к нижним ветвям обычно прикрепляли те игрушки, которые маленькие могли трогать руками и с которыми можно было играть.

Переместившись со стола на пол, из угла в середину, ёлка превратилась в центр праздничного торжества, предоставляя возможность детям веселиться *вокруг* неё, танцевать *вокруг* неё, водить *вокруг* неё хороводы. Стоящее в центре помещения дерево позволяло детям осматривать его со всех сторон, выискивать на нём как новые, так и старые, знакомые по прежним годам, игрушки, встреча с которыми особенно радовала их. Под ёлкой можно было играть, прятаться за ней или под ней и т.д. Одним из главных развлечений русских зимних детских праздников стал «оживлённый хоровод вокруг ёлки» [352, 65]: «...и наконец все дети закружились весёлым хороводом вокруг ёлки» [423, 202]. Не исключено, что этот ёлочный хоровод был заимствован из троицкого ритуала, участники которого, взявшись за руки, ходят вокруг берёзки с пением обрядовых песен. Пели старинную немецкую песенку «O Tannenbaum, o Tannenbaum! Wie grün sind deine Blätter» («О рождественская ёлка, о рождественская ёлка! Как зелена твоя крона») [70, 60-61], которая долгое время была главной песней на ёлках в интеллигентных русских семьях; создавались и русские песни про ёлку:

Возле ёлки в Новый год
Водим, водим хоровод.

[85, 87]

Во время ёлочного хоровода исполнялись и вовсе не относящиеся к ёлке песенки-игры, как, например:

Наш отец Викентий
Нам велел играть:
Что бы он ни делал.
Всё нам повторять...

[127, 131]

а также святочные подблюдные песни:

Уж я золото хороню, хороню.
Уж я серебро хороню, хороню...

[423, 202]

Взрослые стремились к тому, чтобы занять детей какими-нибудь развлечениями, в чём они, впрочем, не всегда преуспевали: «Старшим никак не удавалось собрать их в хоровод вокруг ёлки...» [211, III, 73-74]. А порою и самим детям приходилось в угоду родителям проявлять наигранную весёлость. Анатолий Мариенгоф, вспоминая свои детские ёлки в Пензе начала 1900-х годов, рассказывает о регулярном, повторявшемся из года в год прыганье вокруг ёлки, которое совершалось детьми по указанию старших:

Уже в пять лет эта игра казалась мне скучной и глупой. Тем не менее я скакал, пел и хлопал в ладоши. Что это было — лицемерие? Нет. Похвальное желание доставить удовольствие маме, которая затратила столько сил, чтобы порадовать меня.

[245, 267]

Существенные перемены, произошедшие в организации «ёлочного пространства», изменили суть праздника: уютное домашнее торжество постепенно начало превращаться в мероприятие с участием детей из других семейств. По мере распространения ёлки в России у глав некоторых семей, в первую очередь обеспеченных, возникало желание устраивать праздник ёлки для детей знакомых и родственников. С одной стороны, это было следствием естественного стремления родителей продлить «неземное наслаждение» [152, 6], доставляемое ёлкой своим детям, а с другой — им хотелось и похвалиться перед чужими (взрослыми и детьми) красотой своего дерева, богатством его убранства, приготовленными подарками, угощением и т.п. Хозяева старались изо всех сил, чтобы «ёлка выходила на славу» [211, III, 77], — это было делом чести:

Последнюю копейку ребром, только бы засветить и украсить ёлку, потому что нельзя же мне обойтись без ёлки, когда ёлка была у Ивана Алексеевича и у Дарьи Ивановны.

[302, 91]

На таких праздниках, получивших название *детских ёлок*, помимо младшего поколения, всегда присутствовали и взрослые (родители или сопровождавшие детей старшие). Приглашали также детей гувернанток, учителей, прислуги.

Одно из первых описаний детского праздника, состоявшегося в середине 1840-х годов в богатом петербургском доме, принадлежит А.В. Терещенко:

В десять часов вечера стали съезжаться дети; их привозили маменьки и взрослые сестрицы. Комната, где находилась ёлка, была освещена большими огнями; повсюду блистала пышность и роскошь. После угощения детей заиграла музыка. Танцы начались детьми, а кончились сестричками. После окончания вечера пустили детей срывать с ёлки всё то, что висело на ней. Детям позволяется влезать на дерево; кто проворнее и ловчее, тот пользуется правом брать себе всё, что достанет...

[419, 86-87]

Первоначально ёлка считалась только детским праздником. Взрослые, конечно же, присутствовали на ёлках либо в роли хозяев, либо как родители приглашённых на праздник детей. И им ёлка «приносила много радости»: «Сколько привлекательного для детей в слове “ёлка”! — да и не для детей. Разве и взрослые не спешат в ярко освещённые залы вкушать удовольствие детского праздника?» [289, 871]. Однако после созерцания дерева, реакции на него детей и раздачи подарков роль взрослых оказывалась исчерпанной, и, пока детвора веселилась вокруг него, старшему поколению необходимо было чем-то себя занять. Взрослые удалялись в соседнее помещение, разговаривали, угощались, выпивали и играли в карты.

Со временем начали устраиваться и праздники *ёлки для взрослых*, на которые родители уезжали одни, без детей. Ёлки для взрослых организовывались в домах начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, хозяев промышленных предприятий, богатых коммерсантов [263, 2-3] и т.п. «Да здравствует же ёлка! Тем более да здравствует, что к ней успели примазаться и взрослые!»; «Наступает — и Новый год — и настоящая, большая, самонужнейшая ёлка для взрослых. Повышения, украшения, назначения, опять семейные и дружеские приношения!», — негодовал по этому поводу И.А. Гончаров [98, 101]. В одном и том же доме нередко проходило не одно торжество в честь рождественского дерева, а целая серия праздников, что продлевало время пребывания ёлки в доме: детский семейный праздник, праздник для детей родственников и знакомых, и, наконец, праздник для взрослых. Есть сведения, что любители устраивали даже ёлки для собак: в 1874 году «была запрещена статья «Ёлка», в которой приводилась «переписка» богатой барыни по поводу собачьей ёлки и вся эта затея сопоставлялась с положением бедных и голодных “двуногих”» [73, 32]. И.И. Панаев писал в 1856 году: «Ёлки до того вошли в петербургские нравы, в петербургские потребности, что люди холостые и пожилые устраивают их в складчину для собственного увеселения и забавы» [302, 90]. В 1867 году журнал «Развлечение» писал о ёлке в доме городничего, старого холостяка, у которого на дереве вместо игрушек висели бутылки с алкогольными напитками [498, 18-21]. В рассказе Н.А. Лухмановой 1894 года «Чудо рождественской ночи» родители, оставив дома свою больную дочку с няней, разъезжаются по ёлкам: отец едет «на весёлую ёлку к “милой женщине”»; а его жена «к одной из своих подруг на ёлку для взрослых, с сюрпризами, подарками, без танцев, но с флиртом, под чарующую музыку приглашённых артистов» [234, 4]. В литературных произведениях изображение ёлок для взрослых стало обычным явлением, что свидетельствует о закреплении практики их устройства. *Ёлки для взрослых*, которые часто приурочивались к встрече Нового года, мало чем отличались от традиционных святочных вечеров, балов, маскарадов, получивших распространение ещё с XVIII века, а разукрашенное дерево сделалось просто модной и со временем ставшей обязательной деталью праздничного убранства залы. В романе «Доктор Живаго» Борис Пастернак пишет:

С незапамятных времён ёлки у Свентицких устраивались по такому образцу. В десять, когда разъезжалась детвора, зажигали вторую для молодёжи и взрослых, и веселились до утра. Только пожилые всю ночь резались в карты в трёхстенной помпейской гостиной, которая была продолжением зала... На рассвете ужинали всем обществом... Мимо жаркой дышащей ёлки, опоясанной в несколько рядов струящимся сиянием, шурша платьями и наступая друг другу на ноги, двигалась чёрная стена прогуливающихся и разговаривающих, не занятых танцами. Внутри круга бешено вертелись танцующие.

Первая публичная ёлка была устроена в 1852 году в петербургском Екатерингофском вокзале, возведённом в 1823 году в Екатерингофском загородном саду, который, несмотря на то, что тон здесь задавала аристократическая публика, предназначался для народных гуляний. Установленная в зале вокзала огромная ель «одной стороной... прилегала к стене, а другая была разукрашена лоскутами разноцветной бумаги» [158, 96]. Вслед за нею публичные ёлки начали устраивать в дворянских, офицерских и купеческих собраниях, клубах, театрах и других местах. Москва не отставала от невской столицы: с начала 1850-х годов праздники ёлки в зале Благородного московского собрания также стали ежегодными.

И всё же главной заботой организаторов ёлок оставались дети. С 1860-х годов ёлки в учебных и воспитательных заведениях становятся обычным явлением, что тотчас же нашло отражение в стихотворениях И.С. Никитина и А.Н. Плещеева:

Наступили святок
Радостные дни,
И зажглись на ёлках
Яркие огни.

В нашей школе тоже
Ёлка зажжена...
Нас своим нарядом
Радует она.

[229, 56]

В школе шумно; раздаётся
Беготня и шум детей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня в ней?

Нет! Рождественская ёлка
В ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Деток радует она...

[322, 262]

По мере того как в России осваивался и распространялся обычай устанавливать на Рождество ёлку, в сознании русских людей совершалась эстетическая и эмоциональная переоценка самого дерева, менялось отношение к нему, возрастала его популярность и создавался его образ, ставший основой нового культа. В процессе создания культа неизбежно происходят кардинальные изменения в отношении к предмету нового поклонения, что сказывается на всех аспектах его восприятия — эстетическом, эмоциональном, этическом, символическом, мифологическом. Эти изменения отчётливо прослеживаются на примере ели. Образовавшийся в России середины XIX столетия культ ели просматривается в самых разнообразных явлениях русской жизни — в рекламе и в коммерции, в периодической печати и в разного рода иллюстративном материале, в педагогике и в детской психологии. Возникновение и закрепление нового культа всегда приводит к символизации предмета культа и к обрастанию его легендами.

До тех пор пока ель не стала использоваться в рождественском ритуале, пока праздник в её честь не превратился в «прекрасный и высоко поэтический обычай рождественской ёлки», она, как отмечалось выше, вовсе не вызывала у русских людей острых эстетических переживаний. Однако принятая в качестве обрядового дерева, которое устанавливается в доме на Рождество, ель превратилась в положительно окрашенный растительный символ. Она вдруг как бы преобразилась, и те же самые её свойства, которые прежде вызывали неприязнь, начали восприниматься как её достоинства. Пирамидальная форма, прямой, стройный ствол, кольцеобразное расположение ветвей, густота вечнозелёного покрова, приятный хвойный и смолистый запах — всё это в соединении с праздничным убранством (горящими свечами, украшениями, ангелом или звездой, венчающими верхушку) способствовало теперь превращению её в образ эстетического совершенства, создающий в доме особую атмосферу — атмосферу присутствия Ёлки.

Её стали называть «живой красавицей», «светлой», «чудесной», «милой», «великолепной», «стройной вечнозелёной красавицей ёлкой». Представ перед детьми во всём своём великолепии, разукрашенная «на самый блистательный лад» [42, 128], она неизменно вызывала изумление, восхищение, восторг.

Эта вдруг обретённая ёлкой ни с чем не сравнимая красота дополнялась её «нравственными» свойствами: висящие на ней сласти, лежащие под ней подарки, которые она щедро и расточительно раздавала, превращали её в бескорыстную дарительницу. Отношение детей к ёлке как к одушевлённой красавице, «которая так же живёт и чувствует и радуется, как они, она живёт вместе с ними и они с ней» [479, 8], свидетельствует о персонификации и идеализации этого образа в детском сознании.

Вместе с изменением эстетического восприятия ёлки менялось и эмоциональное отношение к ней. Если Пушкин называл ель «печальным тавро северной природы», то со второй половины XIX века она всё чаще начинает вызывать восхищение, радость, восторг. Явление прекрасного одаривающего дерева было подобно ежегодно повторявшемуся чуду, воспоминания о котором становились лучшими воспоминаниями детства, а ожидание его сделалось одним из острейших переживаний ребёнка: «Не заменимая ничем — ёлка!» [464, 67]. В течение всей последующей жизни каждая очередная ёлка напоминала о лучших моментах детства:

Вот я маленькая стою с волнением за запёртой дверью. В гостиной папа украшает ёлку, и запах хвои, праздничный и весёлый, сулит волшебные подарки.

[178, 80]

Чудная, милая рождественская ёлка! Я люблю тебя! Твои зелёные иглы, твой запах, украшающие тебя свечи и те безделушки, которыми обыкновенно увешивают тебя, — всё напоминает мне детство, юность и милых, близких сердцу, которых забыть невозможно!

[283, 168]

Единственное признание в нелюбви к ёлке и даже в ненависти к ней встретилось мне в мемуарах Нины Берберовой:

К тому, что я всем сердцем ненавидела, относились ёлки, рождественские ёлки, с хлопушками, свечками, обвисающей с веток фольгой — они были для меня символом гнезда. Я ненавидела бумажных ангелов с глупыми розовыми лицами... всё это не имело для меня никакого смысла, кроме одного: в квартире вдруг оказывался центр, где надо было быть, вместо того, чтобы быть свободной... надо было сидеть и смотреть, как горят свечи, и делать вид, что любишь ангелами и ждёшь подарков... то есть делать то, что, по моему тогдашнему пониманию, приводило взрослых в состояние совершенно непонятной и чем-то неприятной мне искусственной экзальтации... Зато какое бывало счастье, когда эту мёртвую, раздетую ёлку наконец уносили вон.

[43, 49]

Это демонстративно «антиёлочное» высказывание соответствует тому образу себя, который создаёт Берберова в своих мемуарах — образу человека, пренебрегающего ритуалом, стремящегося к постоянным жизненным изменениям, переменам. Не удивительно, что далее, говоря о ненависти к церемониям, писательница опять вспоминает о своём неприязненном отношении к ёлке: «...я ненавижу их ещё сильнее, чем ненавидела в детстве ёлку...» [43, 385].

Столь любившийся детям и их родителям праздник не имел в русском прошлом никакой идеологической опоры. В первые годы концепции ёлки и праздника в её честь не существовало. Её красота и «душевная щедрость» нуждались в обосновании: ёлка как дерево, ставшее центром праздничного торжества, и ёлка как праздник, получивший по этому дереву название, должны были обрести какой-то символический смысл. Если Пётр I вводил хвойную растительность в «ознаменование» Нового года и в «знак веселия», то есть в качестве элемента городского декора светского праздника, в котором религиозная (христианская) функция отсутствовала, то с середины XIX века ель, превратившись из новогодней в рождественскую, стала приобретать христианскую символику.

Вместе с заимствованием праздника в России постепенно усваивалось и то значение, которое приписывали рождественскому дереву в Западной Европе: русская ёлка также становится «Христовым деревом». Свойство оставаться всегда зелёной способствовало превращению её в символ «неувядающей, вечнозелёной, благостыни Божией», вечного обновления жизни, нравственного возрождения, приносимого рождающимся Христом. Она устанавливалась в канун Рождества для того, «чтобы люди не забывали закон любви и добра,

милосердия и сострадания» [115, XIX, 411]. Она превратилась в райское дерево, которого люди некогда лишились, но которое в этот день ежегодно возвращалось к ним. Символическое толкование получало не только дерево в целом, но и отдельные его части и атрибуты: его храмообразная форма, вечнозелёный покров, Вифлеемская звезда на верхушке, горящие на нём свечи, которые всегда вызывали особо благоговейные чувства. Даже крестовина, к которой крепили ёлку, стала символизировать крестную ношу Христа, свидетельствуя о прочной опоре рождественского дерева, ибо «кто на крест опирается, тот крепко стоит, не падёт, того никакие невзгоды сокрушить не могут» [360, 6].

В создании символических смыслов ели важную роль начинает играть и безукоризненность её внешнего вида: идеальная ёлка должна быть высокой, стройной, густой, а её верхушка — прямой и острой. Своей формой, устремлённостью ввысь, ёлка напоминала храм, функцию которого она и выполняла, собирая людей вокруг себя. Ежегодно свершавшееся чудо — чудо явления ёлки, подарки, которыми она одаривала, весь несложный праздничный сценарий воспроизводили евангельский сюжет Рождества Христова, в котором главный акцент делался на теме семьи и ребёнка. В результате эстетически и эмоционально воспринимавшийся образ приобретал содержание. Восторг и обожание, соединившись с почитанием и благоговением, превратили праздник ёлки в культовое поклонение ей.

Литературные легенды о рождественской ёлке

Приобретенные ёлкой новые символические смыслы нуждались в логическом объяснении и обосновали, требуя текстов — сказок, легенд и рассказов, которые подтверждали бы её право быть предметом пояснения. В русской народной традиции такие тексты отсутствовали.

Если предмет нового культа не может найти опоры в исконной мифологии (и ёлка здесь не единственный пример), на помощь обычно приходит литература. Когда по всей территории Германии стал распространяться обычай устанавливать на Новый год хвойное дерево и когда оно в процессе христианизации превращалось в рождественское дерево, аналогичная задача стояла перед немецкими писателями, а несколько позже — перед писателями других европейских народов. В результате в Европе возник корпус текстов, в которых культовое дерево и праздник в его честь оказались связанными с евангельскими и церковными событиями [см.: 511; 510].

Во второй половине XIX века в России было создано множество сказок и легенд о ёлке. Значительная часть сюжетов пришла с Запада. Их переводили, перерабатывали, перелагали стихами и печатали в выходивших к Рождеству подарочных книжках, а также в праздничных выпусках журналов, в первую очередь — детских. При этом совершался определённый отбор сюжетов: одни из них по той или иной причине отбрасывались, другие подвергались переделкам и переосмыслению, третьи же усваивались. Так, русская традиция не приняла широко бытовавшие в Германии легенды, связывавшие превращение ели в рождественское дерево с именем Мартина Лютера. Те же тексты, которые не травмировали религиозное и национальное чувство, переходя из сборника в сборник, из журнала в журнал, тиражировались в большом количестве, закрепляя в сознании детей образ рождественской ёлки.

Ёлочные сюжеты не отличались особой изобретательностью, но они вполне добросовестно выполняли свою функцию, доступно объясняя детям происхождение и смысл обычая, в котором они принимали участие. Из них ребёнок получал ответ на вопрос, почему именно ёлка уподобилась чести стать «Христовым деревом». В анонимной «Русской сказке о рождественской ёлке» она рассматривается как символ вечной жизни, напоминающий детям «тот чудный

Божественный свет, который в ночь осенил в поле пастухов, когда им ангел Господень явился и возвестил великую радость о рождении Спасителя» [360, 6]. В одной из «рождественских легенд» говорится о том, как ёлку, пришедшую в Вифлеем вместе с другими деревьями удостоверить в рождении Спасителя, младенец Иисус вознаградил за скромность, сделав героиней праздника в его честь. Варьируясь в деталях, эта возникшая в Германии легенда многократно перелагалась стихами и прозой. Приведу (с небольшими сокращениями) одну из её стихотворных переработок:

Три дерева — пальма, маслина и ёлка —
У входа в пещеру росли;
И первые две в горделивом восторге
Младенцу поклон принесли.
Прекрасная пальма его осенила
Зелёной короной своей,
А с нежных ветвей серебристой маслины
Закапал душистый елей.
Лишь скромная ёлка печально стояла:
Она не имела даров,
И взоры людей не пленял красотой
Её неизменный покров.
Увидел то ангел Господень
И ёлке любовно сказал:
«Скромна ты, в печали не ропщешь,
За это от Бога награда тебе суждена».
Сказал он и — звёздочки с неба
Скатились на ёлку одна за другой,
И вся засияла, и пальму с маслиной
Затмила своей красотой.
Младенец от яркого звёздного света
Проснулся, на ёлку взглянул,
И личико вдруг озарилось улыбкой,
И ручки он к ней протянул.
А мы с той поры каждый год вспоминаем
И набожно чтим Рождество...

[353, 31-32]

Тот же сюжет был обработан Д.С. Мережковским в стихотворении «Детям», впервые опубликованном в 1883 году в детском журнале «Родник», а впоследствии под разными названиями неоднократно перепечатававшемся в рождественских выпусках периодических изданий:

Ликовала вся природа,
Величава и светла,
И к ногам Христа-Младенца
Все дары свои несла.

Близ пещеры три высоких,
Гордых дерева росли,
И, ветвями обнимаясь,
Вход заветный стерегли.
Ель зелёная, олива,
Пальма с пышною листвою —
Там стояли неразлучной
И могучею семьёй.
И они, как вся природа,
Все земные существа,
Принести свой дар хотели
В знак святого торжества.

Предвидя неприкаянность земной жизни Христа, пальма обещает предоставлять ему приют под «зелёным шатром» своей кроны; «отягчённая плодами» олива даёт обет протягивать Христу свои ветви и стряхивать для него на землю «плод золотистый», когда он будет «злыми людьми покинут без пищи».

Между тем в унынье тихом.
Боязлива и скромна,
Ель зелёная стояла:
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтоб принести
В дар Младенцу-Иисусу
Не могла она найти;
Иглы острые, сухие,
Что отталкивают взор,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены в убор.

Горестно понижают ветви ели, и, «между тем как всё ликует, / Улыбается вокруг», она начинает плакать «от стыда и тайных мук»:

Эти слёзы увидала
С неба звёздочка одна,
Тихим шёпотом подругам
Что-то молвила она.
Вдруг посыпались — о чудо! —
Звёзды огненным дождём,
Ёлку тёмную покрыли.
Всю усеяли кругом,
И она затрепетала,
Ветви гордо подняла,
Миру в первый раз явилась,

Ослепительно светла.
С той поры, доньше, дети,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно ёлку
В звёзды яркие свечей.
Каждый год она сияет
В день великий торжества
И огнями возвещает
Светлый праздник Рождества.

[255, 204-206]

Из литературных легенд подобного рода ребёнок узнавал о том, что ёлку ему посылает «Боженька», а приносят её ангелы. В рассказе В. Евстафиевой 1905 года «Ваня» маленькая девочка спрашивает: «Няня, а ангелочки уже прилетели?» — «Прилетели, прилетели, родной мой. Будь паинькой, как я тебя учила, а то они улетят и ёлочку назад к Боженьке унесут» [130, 196]. И далее приводится реакция детей, увидевших нежданную ими ёлку:

Посреди комнаты, вся сверкая огнями, стояла небольшая нарядная ёлка. Вбежавшие дети с восторгом смотрели на неё и, радостно хлопая в ладоши, весело повторяли: «Боженька нам ёлку послал. Боженька добрый!»

[130, 199, см. также: 297]

Символическая соотнесённость ёлки с Иисусом Христом привела к возникновению образа «Христовой» или «Божьей ёлки», которая зажигается в небе рождественской ночью:

— Отчего, скажи мне, мама,
Ярче в небе звёзд сиянье
В ночь святую Рождества?
Словно ёлка в горнем мире
В эту полночь зажжена,
И алмазными огнями
И сияньем звёзд лучистых
Вся украшена она?
— Правда, сын мой.
В Божьем небе
Ночью нынешней святой
Зажжена для мира ёлка,
И полна даров чудесных
Для семьи она людской...

[282, 1041]

Тот же образ разрабатывается во многих других текстах:

Чутко спят дети.
Их в сладких видениях
Ёлка манит с высоты...

[90, 76]

Образ «Христовой ёлки» положен в основу известного в Европе рождественского сюжета о ёлке у Христа, на которую попадают дети-сироты, умершие в канун Рождества. Одним из первых произведений о «ёлке у Христа» стала баллада немецкого поэта Фридриха Рюккерта «Ёлка ребёнка на чужбине». Этот сюжет хорошо знаком нам по рождественскому рассказу Достоевского 1876 года «Мальчик у Христа на ёлке»:

— Пойдём ко мне на ёлку, мальчик, — прошептал над ним вдруг тихий голос. ... и вдруг, — о, какой свет! О, какая ёлка! Да и не ёлка это, он и не видал ещё таких деревьев! ... Это «Христова ёлка», — отвечают они ему. — У Христа всегда в этот день ёлка для маленьких деточек, у которых там нет своей ёлки...

[123, XXII, 16]

Именно благодаря образу «Христовой ёлки» трагическое повествование о смерти ребёнка получает у Достоевского светлый финал. Сразу же после появления этого рассказа он становится образцовым рождественским текстом. Уже на следующее Рождество 1876 года о нём писали как о произведении, «отличающемся высокими поэтическими достоинствами (напоминающими творчество Гофмановского гения)», где «бедному замерзающему ребёнку снится ёлка с радужными огнями и плодами у Христа» [289, 871]. О широком распространении представлений о «Христовой ёлке» свидетельствуют многие тексты: в рассказе Е. Тихоновой «Рождественская ёлка» (1884) дочери лесничего, отец которой был посажен в тюрьму, Христос прислал с ангелами ёлку, пообещав, что вскоре он будет выпущен на свободу [420, 1808-1817]; в рассказе В. Табурина «Ёлка на небе» (1889) сын прачки, посланный за щепками для растопки печки, заблудился в городе и начал замерзать; его подбирает «барыня» и относит к себе в дом, где отогревшийся ребёнок видит наряженных ангелами детей и роскошное дерево, которое он принимает за ёлку, устраиваемую «Боженькой бедным детям» [418]; в рассказе некоего В.Н. «В лесу» (1898) девочка Дашутка, ища в лесу «тятюку», думает, как хорошо её умершему «братику» на небе, где «ангелы ему устраивают ёлку — большую, как у господ» [77, 4] и др.

Из легенд, сказок и рассказов о рождественской ёлке ребёнок узнавал, как она неизменно выступает в роли спасительницы и защитницы униженных и обездоленных; как её наличие в доме способствует выздоровлению тяжелобольных детей [468; 489], как вместе с ёлкой в дом возвращаются блудные сыновья, дочери, мужья и жёны, находятся потерявшиеся или же украденные дети [163], как в семью приходит мир и благополучие [120; 130; 9; 183 и др.]. В рассказе Е. Тихоновой «Рождественская ёлка» (1884) ёлка приютила и согрела мальчика, спешившего на Рождество в город к маме [420]; в рассказе К.В. Назарьевой «Потухшая ёлка» (1894) вместе с ёлкой к детям возвращается мать, а к отцу — жена, покинувшая его много лет назад [267]; в рассказе Ковалева «Сочельник» (1894) вернувшийся на Рождество из дальних странствий разбогатевший возлюбленный героини приносит ёлку, делает ей предложение и высказывает желание усыновить её детей [190]; в рассказе А.И. Куприна «Тапер» (1900) именно на празднике ёлки происходит встреча маленького музыканта-тапера со знаменитым

композитором и пианистом Антоном Рубинштейном, определившая его дальнейшую судьбу как музыканта [211, III, 84], и т.д., и т.п.

Согласно таким текстам, появление ёлки, само её присутствие создаёт благоприятную атмосферу, которая как бы стимулирует свершение счастливых событий. Ёлка становится для детей «путеводной звездой к добру», как в стихотворении С. Караскевича «Ёлка» (1904), в котором умирающая мать завещает отцу ежегодно зажигать ёлку «для сиротинок детей», надеясь, что это будет для них спасением:

Маяком она сыну блеснёт.

Остановит над пропастью дочь.

[176, 1056]

Подобного рода рождественские «ёлочные» утопии в неисчислимом количестве заполняли праздничные номера газет и журналов, создавая идеализированные картины семейного счастья, которое принесла в дом рождественская ёлка.

Двойственность символики русской ёлки

Усвоение в России западных представлений о рождественской ёлке привело к тому, что образ её получил двойственный и противоречивый характер: оставаясь в народном сознании соотносимой с «нижним миром», продолжая традиционно использоваться в похоронном ритуале, где она выполняла функцию «древа смерти», ель одновременно с этим оказалась прочно связанной с темой Рождества. Вступившие в противоречие символические смыслы нуждались в мотивировке, что привело к возникновению особой группы текстов, пытавшихся связать эти смыслы и объяснить двойственность восприятия русскими людьми этого дерева. Так, например, согласно одной из «рождественских легенд», из ели, росшей на берегу Иордана, был сделан крест, на котором распяли Христа, отчего она и получила название «крестного дерева». С тех пор ели лишились счастья: они усыпают своими ветвями путь к могиле и точат смолистые слёзы. Но Господь, сняв с них проклятье, сделал их «символом светлым Христова рожденья», и поэтому теперь вокруг них слышны детские голоса и смех, а сами они ликуют и «славят Рожденье Спасителя мира» [35, 368].

Эти два смысла ели в некоторых произведениях перекликаются и дополняют друг друга, как, например, в сказке П.В. Засодимского «История двух елей» (1884), где рассказывается о судьбе двух ёлок-близнецов, одну из которых срубают на Рождество и, используя на празднике, выбрасывают; через двадцать лет срубают второе, уже старое дерево; его хвоей устилают дорогу, по которой несут гроб с человеком, который когда-то мальчиком участвовал в празднике в честь первой ёлки [151]. В стихотворении в прозе И.Ф. Лонжинского (1886) в первой части («Ёлка») очаровательная девочка Липочка танцует на празднике детской ёлки; во второй части («Ель») девушке Липе под елью объясняется в любви молодой человек; в третьей («Ельник») — Олимпиаду правожают на кладбище по дороге, усыпанной еловыми ветвями [231]. То же в стихотворении Александра К. «Ёлка, Ель и Ельник» (1884) [173]. При слове «ёлка» в сознании всплывал и образ разукрашенного рождественского дерева, и хвойные ветви, использовавшиеся в погребальном обряде, и ёлки, посаженные на могилах: «И невольно вспоминается сегодня ещё одна ёлочка. Она зеленеет на одной из могил на

русском кладбище в Sainte Geneviève des Bois», — говорится в печальном «Рождественском рассказе», написанном двумя русскими эмигрантами [490, 26]. Эта двойственная символика ели постоянно напоминала о себе:

Разгорелись ёлки яркими огнями.
Разубрались фольгой, лентами, цветами,
Любо деткам видеть, как гирлянды вьются,
Как из тёмных веток куколки смеются,
Будут всем подарки, и венки, и розы.
Детский сон украсят золотые грёзы.
Наши ж ёлки дремлют тёмные, густые, —
На дороге жизни сторожа немые —
Только ночи тускло светят им звёздами,
Да зима сурово кутает снегами,
Да по ветвям тёмным ледяным узором
Разубрал мороз их, проходя дозором.

[284, 1086]

Полемика вокруг ёлки

Несмотря на всё возрастающую популярность ёлки в России, отношение к ней с самого начала усвоения русскими людьми этого обычая не отличалось полным единодушием: споры о ёлке, о правомерности устройства праздника в её честь сопровождают всю её историю. Приверженцы русской старины видели в ёлке очередное западное новшество, посягающее на национальную самобытность: она вызывала раздражение неорганичностью и уродливостью своего вторжения в народный святочный обряд, который, как считалось, необходимо было бережно сохранять во всей его неприкосновенности. Для других ёлка была неприемлемой с эстетической точки зрения. О ней иногда отзывались с неприязнью как о «неуклюжей, немецкой и нестроумной выдумке»:

...взять из лесу мокрое грязное дерево, налепить огарков, да нитками навязать грецких орехов, а кругом разложить подарки! Ненатурально, и детям, я думаю, приторно смотреть, просто невыносимо! Копоть, жара, сор, того и гляди ещё подожгут какую-нибудь занавеску!

[98, 103]

Некоторые удивлялись тому, как это колючее, тёмное и сырое дерево, да к тому же ещё и мёртвое («Труп уничтоженной ели, начавший слегка разлагаться...») могло превратиться в объект почитания и восхищения.

В последние десятилетия XIX века в России впервые стали раздаваться голоса в защиту природы и прежде всего — лесов. А.П. Чехов писал:

Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные

пейзажи... Лесов всё меньше и меньше, реки сохнут, дичь переверелась, климат испорчен, и с каждым днём земля становится всё беднее и безобразнее.

[471, IX, 491]

В эти годы в печати прошла «антиёлочная кампания», инициаторы которой, тогдашние экологи и экономисты, ополчились на любимившийся обычай, рассматривая вырубку тысяч деревьев перед Рождеством как настоящее бедствие. Среди них были и учёные, и публицисты, и писатели, как, например, Ф.Ф. Тютчев (сын поэта), который в рассказе «Горе старой ёлки» (1888) с тревогой отмечал, что в лесу перед Рождеством ежегодно вырубается множество стройных молодых елей [438, 1-2] (та же самая проблема, впрочем, стояла и в связи с вырубанием берёз на Троицу, против чего не раз выступали детские писатели: в рассказе А. Кедровой «Что случилось в лесу» мальчик накануне Троицы видит сон, побудивший его отказаться от рубки берёз [179]). В одной из литературных «экологических» сказок высаженная в кадку и поставленная в оранжерею Ёлочка, несмотря на хороший уход, тоскует по лесу и в конце концов умирает [375, 2-3].

Некоторые противники ёлки, сожалея о напрасно истраченной древесине, выдвигали на первое место экономические проблемы. К последним присоединился И.А. Гончаров в своём незавершённом очерке-фельетоне «Рождественская ёлка», над которым он работал для газеты «Голос» в 1870-е годы: «Крестовский и другие окрестные леса уже стонут и трещат под топорами!» — с тревогой замечает он. Писатель высказывает мысль о необходимости запретить этот обычай:

А на ёлку не мешало бы и проклятие наложить! Ведь эти ёлки такая же пустая трата леса! Вот хоть бы в Петербурге примерно двадцать тысяч домов: положить на каждый дом по две ёлки: будет сорок тысяч ёлок, а в домах бывает по десяти, по двадцати квартир — Боже ж ты мой! Сколько будущих домов, судов, телег, саней, посуды и всего прочего погибает даром!

[98, 100]

Распространению праздника ёлки и процессу его христианизации препятствовала и Православная церковь, а вместе с нею — ортодоксально настроенная часть русского общества. Если в лютеранских кирхах ёлку возжигали во время рождественской литургии, то в православных церквях еловые деревца (ненаряженные и не зажжённые) появились совсем недавно. В домах духовенства ёлка никогда не устраивалась. Церковные власти стали самым серьёзным противником ёлки как иноземного (западного, неправославного) и к тому же языческого по своему происхождению обычая. Запреты церкви на устройство праздников ёлки и осуждение приверженцев этого обычая сопровождали ёлку на протяжении всей её дореволюционной истории. Святейший Синод вплоть до революции 1917 года издавал указы, запрещавшие устройство ёлок в школах и в гимназиях: «Прежде для всех учащихся заведено было делать ёлку, по обыкновению, с наградой и сюрпризами; но вот уже года два как это удовольствие сочли за несоответствующее воспитательным целям» [72, 2].

Не была принята ёлка и в крестьянской избе: как отмечает Т.А. Агапкина, «в крестьянском быту восточных славян ни рождественское, ни новогоднее украшение домов еловыми ветками и срубленными деревцами в XIX в. привиться не успело» [3, 4]. Если для городской бедноты ёлка была желанной, хотя часто и недоступной, то для крестьян она оставалась чисто «барской

забавой». Крестьяне ездили в лес только за ёлками для своих господ или же для того, чтобы нарубить их на продажу в городе. И «старичок», согласно известной песенке, срубивший «нашу ёлочку под самый корешок», и чеховский Ванька, в Сочельник вспоминающий поездку с дедом в лес за ёлкой, привозили её вовсе не для себя, а для господских детей. Чехов пишет о своём маленьком герое:

Он вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Весёлое было время! ... Срубленную ёлку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать её...

[471, IV, 504]

Крестьянские дети видели ёлку только в том случае, если господа приглашали их к себе на праздник. Тот же чеховский Ванька просит своего деда:

Милый дедушка, а когда у господ будет ёлка с гостинцами, возьми мне золочёный орех и в зелёный сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны.

[471, IV, 503]

Иногда о рождественском дереве крестьянские ребятишки узнавали из рассказов их родных, служивших у господ. В стихотворении Я.П. Полонского 1877 года «Ёлка» крестьянский мальчик в Сочельник спрашивает свою бабушку, долгие годы жившую в барском доме:

Наяву или во сне
Про рождественскую ёлку
Ты рассказывала мне?
Как та ёлка в барском доме
Просияла, как на ней
Были звёзды золотые
И гостинцы для детей.

[328, 195]

Рождественские открытки начала XX века, сопровождаемые надписью «Мороз дедушка идёт, / Вам подарочки несёт» и изображающие Деда Мороза входящим в крестьянскую избу с ёлкой и с мешком подарков за плечами, где на него с изумлением смотрят ребятишки, вовсе не отражают реальности. Однако в предреволюционные годы крестьянские дети, видевшие ёлку в барских домах или участвовавшие в школьных ёлках, иногда устраивали её сами в одной из изб. В рассказе М.А. Круковского 1914 года «Своя ёлка» рассказывается о деревенских ребятишках, которые, после того как им не устроили ёлку в школе, сами срубают дерево, обряжают его тряпочками и конфетными обёртками и зажигают на нём свечи. Крестьяне удивляются: «Уделали ёлку, поют там, пляшут. Просто сказка. Чудно смотреть на них» [204, 354].

К праздникам ёлки и к связанным с ними мероприятиям отрицательно относилась и часть педагогов, считая, что эти праздники только «портят детей», а подарки «вызывают у них оскомины»: дети, по их мнению, «не ценят ни ёлки, ни подарков, занимаются ими короткое время, привыкая к тому, что всё должно им “валиться с неба”» [250, 157]. Даже тогда, когда ёлка

в России, как казалось, окончательно «укоренилась», член «кружка свободного воспитания» Е.М. Швейцер в брошюре «О вреде ёлок и подарков» (М., 1915) решительно выступил против устройства ёлок. Мемуаристка, пишущая о том, что Швейцер никогда не пускал на ёлки своих детей, комментирует его поведение: «Он в чём-то, мне кажется, “пересаливал”» [250, 157].

В полемике по вопросу о правомерности устройства праздника ёлки для детей сторонники ёлки встали на защиту «прекрасного и высокопоэтического обычая рождественской ёлки», полагая, что «в лесу всегда можно вырубить сотню-другую молодых ёлок без особенного вреда для леса, а нередко даже с пользой» [172, 1]. Профессор Петербургского Лесного института, автор книги о русском лесе Д.М. Кайгородов, регулярно публиковавший на страницах рождественских номеров газеты «Новое время» статьи о ёлке, уверенно заявлял: «С лесом ничего не станет, а лишать детей удовольствия поиграть возле рождественского дерева жестоко» [172, 1].

Отрицательное отношение к любимившемуся обычаю вызывало возражение у части педагогов, воспитателей и писателей, которые всеми силами стремились отстоять ёлку и найти ей оправдание. Защитники ёлки настойчиво повторяли, что «рождественская ёлка имеет для детей огромное значение. Она даёт им столько удовольствий, что и выразить трудно... Этот обычай следовало бы поддерживать и распространять всеми способами» [478, 8]; «И сколько радостей она приносит для детей, сколько восторгов, сколько разговоров!» [478, 2-3].

Благодаря усилиям литераторов и педагогов ёлка вышла победительницей из борьбы со своими противниками. Новый обычай оказался столь обаятельным и чарующим, что отменить его так никому и не удалось.

Псевдонародная ёлочная мифология

Наблюдая за полемикой, которая велась вокруг ёлки с середины XIX века, можно увидеть, как параллельно с утверждением этого дерева в качестве рождественского символа намечается тенденция, свидетельствующая о поисках компромисса в вопросе о ёлке. В печати начали появляться тексты, в которых отчётливо проявляется стремление связать праздник ёлки с русской народной культурой. Думается, что этот процесс носил вполне сознательный характер. Инициатива принадлежала людям, с одной стороны, лояльным к Православной церкви, а с другой, не хотевшим лишать детей любимившегося им праздника. Осознавая, сколь «благодетельна и желательна для детей праздничная ёлка» [478, 10], они упорно боролись против её отмены, считая это «безвредное развлечение» вполне «позволяемым» [47, 457]. Так началась работа по созданию новой ёлочной мифологии, где образу ёлки придавался как бы «исконный», фольклорный (точнее сказать — псевдофольклорный) характер. Последовательность и отдельные детали этого процесса сейчас уже трудно восстановить. Однако, просматривая рождественские номера педагогических журналов, детской периодики, а также всевозможные выходившие к Рождеству антологии, можно заметить, как в последней трети XIX века литература для детей начинает активно «насыщать» ёлку новыми значениями, связывая её с придуманными (чаще всего в результате несложных контаминаций) персонажами новогодней детской мифологии. (Аналогичные явления наблюдались и в других странах [см.: 508].) Эти новые представления о ёлке и о создающемся вокруг неё «мире» явились результатом коллективной деятельности и свидетельствовали о рождении нового «ёлочного фольклора», на первых порах получавшего распространение по преимуществу среди образованных слоёв городского населения.

Каждый из созданных в это время образов имеет свою историю и закреплённые за ними

характеристики, но, соединившись в едином мифе, они предоставили возможность создавать литературные сказки, легенды, стихотворения, пьески, предназначенные для праздника ёлки. Они же позволили внести разнообразие в ёлочный праздничный сценарий, что было весьма существенно, поскольку праздник ёлки в детских учебных и воспитательных учреждениях требовал от педагогов определённой программы его проведения. Именно этот слой псевдонародной «ёлочной» мифологии в наибольшей степени способствовал укоренению ёлки на русской почве.

В новом для неё мире ёлка, продолжая оставаться сезонным растительным символом, стала связываться не столько с Рождеством, сколько с Новым годом и зимой, а пространственно — с лесом. Теперь из лесу её приносили Мороз, русский «старичок», «срубивший нашу ёлочку под самый корешок», «старички-кулачки» (что-то вроде русифицированных гномов), о которых рассказывала своим внукам бабушка, видевшая в лесу, как они заготавливали ёлки [360], Зима, которая «стучится к нам во двор / С свежей ёлочкой» [20, 441], или же «бабушка зима», как в известном стихотворении В.А. Соллогуба 1872 года:

Снегом улица покрылась...
Вот уж и сама
В гости к нам заторопилась
Бабушка зима.
Вся под белой пеленою
Ёлочку несёт
И, мотая головою,
Песенку поёт:
«Дети, к вам, на радость вашу
Ёлку я несу...
Ёлку всю я изукрашу.
Лакомств припасу.
Будут всякие игрушки:
Мячики, коньки,
Избы, куклы, погремушки,
Звери и волчки».

[403, 1]

Ёлка становилась не только главной героиней торжества, но и посланницей русского зимнего леса. На её ветвях в качестве украшения появились имитирующая снег вата («Ватный снег внизу лежит / Наверху звезда блестит...» [85, 67]), блёстки, изображающие иней, шишки, грибочки и прочие лесные атрибуты. Вокруг ёлки закружились «снежинки» — одетые в белые платьица девочки, исполняющие дошедшую до нас новогоднюю зимнюю песенку-сценку: «Мы белые снежиночки...» [485, 124]. На праздник ёлки к детям начали приходить лесные жители: зайчики, белочки, ёжики, волки и медведи. Сценки с их участием, в том числе и народные сказки о животных («Теремок», «Теремок Мышки», «Как комар убился» и пр.), стали на праздниках ёлки обычным явлением.

Если ёлки для взрослых постепенно соединились со святочными маскарадами, то формы детского ряженья в русской народной культуре вообще отсутствовали [160, 89-90]. В первые годы на детских ёлках ряженье также не было принято. Дети приходили на праздник просто в

нарядных платьях. Однако постепенно, по мере вхождения ёлки в быт русского города, ряжение детей на ёлках становится всё более привычным: на фотографии 1892 года «Детский бал у новогодней ёлки» вокруг разукрашенного дерева толпятся дети в маскарадных костюмах. В наши годы ряжение детей на праздниках ёлки представляется нам совершенно естественным, и мало кто задумывается над тем, что столь знакомые нам детсадовские и школьные ёлочные маски и персонажи «ёлочных» текстов, неизвестные народной святочной традиции, были придуманы педагогами и писателями второй половины XIX века. Именно тогда начали оформляться персонажи праздника ёлки: Дед Мороз, Снегурочка, «бабушка Зима», Метелица, Снежинки, персонифицированные образы Старого и Нового года и другие новогодние образы.

Весь этот «лесной мир» вместе с ёлкой создавал атмосферу зимнего леса: игрушечных зверей вешали на ёлку, дети приходили на праздник в масках зайчиков, медведей и т.п., о зверях пели песенки и рассказывали стихотворения:

Вокруг стройного дерева, увешанного сверху донизу всякой всячиной, мы, дети, должны были петь и скакать, хлопая в ладоши:

Заинька вокруг ёлочки попрыгивает.
Лапочкой о лапочку постукивает!..

[245, 267]

Результатом этих перемен в организации праздника ёлки для детей явились и изменения в восприятии образа ёлки, растущей в лесу, в естественных для неё условиях:

Ёлка ветви свои опустила,
Белый иней осыпал её...
Отчего мне так близко, так мило,
Деревцо ты родное моё?

[88, 433]

О ели стали писать как о самом прекрасном из всех деревьев:

Широко раскинув ветви
В шубе снеговой,
Посреди поляны ёлка
Ввысь ушла стрелой.
На красавицу лесную
Лунный свет упал,
И огнями лёд кристаллов
В ветках заиграл.
Бриллиантовые нити
В хвое заплелись,
Изумруды и рубины
На снегу зажглись.
Ясной звёздочкой у ёлки

[457, 28]

Теперь уже не только стоящее в доме наряженное дерево, но и растущая в лесу ель стала выступать в роли спасительницы и защитницы, укрывая от стужи и метели заплутавших детей и взрослых. Во многих произведениях говорится о том, как ёлка спасает «бедных зверюшек» от охотников и волков, укрывая их своими ветвями. В одной из сказок М. Юрьевой 1904 года поймавший зайца волк подслушивает, как старая ель рассказывает молодым ёлочкам, «отчего ёлки зелены»: много лет назад ёлку благословил человек, поскольку она единственная из всех деревьев спрятала и обогрела его потерявшегося сына, проявив любовь, добро и сострадание. Разжалобившийся волк отпускает пойманного им зайчишку [493].

К концу XIX века детская литература буквально заполняется литературными сказками о ёлке, лесных зверятах и птичках. В сказочке А. Ульянова 1900 года «Заячья ёлка» рассказывается о зайчике Белячке, жившем в доме вместе с детьми. Когда же летом его привозят на дачу, он сбегает в лес, где встречается с зайчиком Русачком. Перед Рождеством Белячок вспоминает о празднике ёлки в «человеческом» доме, рассказывает об этом своему другу, и они оба решают устроить в лесу «заячью ёлку» и пригласить на неё гостей. И вот к растущему на поляне прекрасному дереву сбегаются зайцы, начинают прыгать вокруг ёлки, беседовать между собой, есть капусту, морковку и другие овощи. Когда же к ёлке вдруг приходит Михайло Иванович Топтыгин, все зайчата в перепуге разбегаются в разные стороны [69]. Нечто аналогичное происходит и в сказке В.П. Желиховской 1902 года «Заячья поляна» [146]. И. Юрко в стихотворном рассказе 1911 года «Ёлка у медведя» повествует о том, как даже медведь, проснувшийся зимой и вылезший из берлоги, устраивает ёлку для лесных жителей:

Думал да гадал он.
 Деток как утешить.
 Детки небольшие,
 Нужно их потешить,
 Думал и надумал:
 Деткам в утешенье
 Нужно сделать ёлку
 И для украшения
 Дикой стройной ёлки
 Накупил игрушек...

...Притащились к Мишке
 Два матёрых волка,
 Были волченята,
 И под свист метели
 Хоровод устроен
 Вкруг красивой ели.

[492, 48]

В рассказике «Пропадал и нашёлся», напечатанном в 1903 году в журнале «Малютка», повествуется о ручном скворце, который однажды вылетел в окно и на воле рассказал другим птичкам про ёлку в доме. После праздника дети решают не выбрасывать свою ёлку, а выставить её на оконный карниз, сделав из неё кормушку для птиц:

— Знаешь что, няня, — весело кричали детки ранним утром в погожий и мягкий зимний денёк, — милая няня, мы надумали вот что. Ёлочка теперь не нужна. Её хотят выставить в сад. Милая няня, устроим ёлочку для бедных птичек, которые живут за нашим окном. Мы навесим кусочков хлеба, насыплем зёрен и выставим ёлочку за окно...

[342, 11-12]

Вместе с другими птичками к ёлочке-кормушке прилетает клевать зёрна и их скворец.

В рождественском номере журнала «Мирок» за 1913 год дана картинка «Рождественская ёлка в лесу для птиц», а журнал «Тропинка» в 1911 году помещает «Загадочную картинку», на которой нарисована роскошная растущая в лесу ель с подписью под ней:

Лесной дед Корневик созвал на ёлку зверей, но, когда мы с вами пришли, они испугались и разбежались. Мы должны их отыскать. На ёлку пришли: лось, олень, кабан, 2 медведя, медвежонок, 2 лисицы, 3 волка, 5 зайцев.

[432, 967]

Подобные картинки-загадки со спрятанными предметами-персонажами с детства хорошо знакомы и нам.

Таким образом, принесённое из лесу дерево начинает вызывать в сознании образы зимы, зимнего леса, зимней природы, деревьев, среди которых ёлка росла, зверей, которые пробегали мимо или же прятались под неё, птиц, которые садились на её ветви, и т.п. Благодаря этому образ ёлки прочно срастается со знакомым зимним лесом, и в мечтах и снах уводит ребёнка в её родной лес:

И вдруг раздаётся сухой шорох игл, дверь моей комнаты отворяется, и входит большая ёлка, вся разукрашенная шарами, бусами, звёздами, золочёными орехами... Она протягивает ко мне зелёную ветку и говорит: «Пойдём со мной в мой родной лес! Там встретим Новый год!» И весь лес встречает с радостью свою разряженную подругу: как заскрипели, как застонали от восторга старые ели, сосны, пихты и кедры, увидев нашу ёлку! Как восхищались другие маленькие ёлочки её нарядным убором! Редко разбросанные по сторонам, утопающие в сугробах дубы, берёзы, осины и липы, лишённые листьев, одетые лишь снегом да ледяной бахромою, кивали ей: «Здравствуй, здравствуй, родная!»

[283, 181-182]

При утвердившейся связи ёлки с лесом наилучшим, самым естественным и вместе с тем романтичным местом встречи Рождества или Нового года становится именно лес. В очерке В. Романова «В гостях у дедушки Мороза» (1883) на новогодней ёлке старик рассказывает о том, как он с десятилетним сыном встретил на Рождество в лесу Деда Мороза: они возвращались из

города, доехать до дому не успели, ночевали на займке, и рабочие устроили мальчику ёлку в лесу с Дедом Морозом и ряжеными [357, 4]. В автобиографическом рассказе А.В. Круглова 1896 года «Ёлка в царстве зверей» мальчику, едущему в возке домой на рождественские каникулы, взрослые зажигают свечи на растущей в лесу ёлке, и эта ёлка на всю жизнь остаётся для него лучшим рождественским воспоминанием [202]. В рассказе Л.Ф. Черского 1904 года «Весёлая ёлка» мальчику также устраивается в лесу ёлочное торжество [470]. Организация праздника на природе, в естественных условиях, около растущей в лесу ели одно время становится даже модной. В рассказе А.И. Куприна 1911 года «Начальница тяги» молодых людей приглашают на праздник в окрестности Сиверской, где «ёлку предполагали устроить в лесу, — настоящую живую ёлку, но только с электрическим освещением» [211, V, 337-338].

На первых порах тексты о ёлке и её мифология связывались лишь с зимним праздничным сезоном — как будто бы положительные качества этого дерева проявлялись только в этот период. В другое время отношение к ней всё ещё оставалось нейтральным. Однако постепенно приобретённые елью свойства начинают закрепляться за ней и сказываются не только на зимних праздниках, но и в любое другое время.

Легенды о ёлке (чаще всего в переработанной драматургической форме) попадали в рекомендации по проведению праздников в детских заведениях и тем самым закрепляли в сознании детей этот прекрасный и поэтический образ. Костюмы лесных зверюшек, которые в детстве мы и наши дети надевали на праздники ёлки в детском саду и в младших классах школы, объясняются тем, что образы эти прочно утвердились в детской «ёлочной» литературе конца XIX века. Когда в конце 1935 года советская власть после нескольких лет борьбы с ёлкой (см. об этом далее) вернула её детям, именно эти произведения органично вписались в новогодний праздничный ритуал и дошли до наших дней. Они были не только практически полностью подхвачены детскими учреждениями, кинематографом и драматургией, но и существенно дополнены произведениями советских поэтов и писателей, сотрудников журналов «Мурзилка», «Пионер», «Вожатый» и другими, а также личной инициативой и фантазией детсадовских и школьных педагогов.

*Наша ёлка зажжена.
Здравствуй, вечер благовонный.*

В. Ходасевич. «За снегами»

Украшение культового дерева — явление обычное и многократно засвидетельствованное. Однако украшение рождественской ёлки выходит далеко за пределы всех известных фактов ритуального декорирования предметов растительного культа. Неординарность ёлки в этом плане заслуживает особого внимания: здесь вполне правомерной оказывается постановка вопроса об истории украшения дерева и символике предметов, которыми она увешивалась; здесь можно говорить об истории ёлочных украшений и их производстве; об изменениях, происходивших в самом ритуале украшения, о разных стилях, о моде на те или иные ёлочные игрушки, о семейных традициях и т.д. и т.п. Не имея пока полных и точных ответов на все эти вопросы, постараемся осветить их хотя бы в самых общих чертах.

Возвращаясь к началу — к новогоднему языческому культу ели у древних германцев, напомним, что в те времена к выбранному в лесу обрядовому хвойному дереву обычно прикрепляли горящие свечи, а на его ветви клали цветные тряпочки. С тех пор как ель превратилась в рождественское дерево, главная особенность её декора состояла в освещении: зажигавшиеся на ней свечи символизировали собой звёзды рождественской ночи. Вслед за этим на ёлку стали вешать фрукты — прежде всего яблоки: и в качестве символических даров младенцу Иисусу, и в знак того, что ель рассматривалась как райское древо, приносящее плоды. Согласно средневековому церковному календарю, 24 декабря является днём Адама и Евы. В Германии в этот день разыгрывались сценки о Рае. Перед представлениями актёры обычно проходили через весь город, причём Адам нёс «древо жизни», на котором висели яблоки [505, 74]. Затем на ёлке появились облатки — лепёшки из пресного теста, употребляемые католиками и протестантами во время причастия, которые, конечно же, соотносились со священными дарами дереву, ставшему символом Христа.

Изучая историю ёлки, встречаешься с разными фактами: и когда она вовсе не освещалась (на крупном дереве, установленном вне дома, поддерживать огонь свечей было трудно), и когда на ней, кроме горящих свечей, больше ничего не было. И всё же можно, как кажется, утверждать, что история украшения ёлки была задана, во-первых, её освещением (свечи), во-вторых, фруктами (яблоки) и, наконец, в-третьих, символическими изделиями из теста. На первых русских ёлках так и было [152, 25]. Дальнейшие факты свидетельствуют о стремлении умножить эти три составляющие ёлочного декора: продемонстрировать их обилие, даже изобилие, избыточность:

...ёлка гнулась от множества игрушек и сластей, пылала весёлым счастливым огнём, трещали хлопущки, вспыхивали внезапно бенгальские огни и рассыпались звёздочками.

[355, 25]

Освещение дерева одними свечами стало казаться недостаточным: возникало желание видеть дерево как можно более блестящим и сверкающим, и потому его начали обвешивать

мишурой, канителью (тонкими металлическими нитями), блёстками и разнообразными блестящими вещицами, что, благодаря горящим свечам, создавало игру света и делало его ярким и сияющим. Производством гирлянд, цепей, мишуры, сделанных из тонкой фольги в виде хвои, «дождика» (длинных тонких нитей из фольги), блёсток и т.п. занимались специальные артели по изготовлению ёлочных украшений, размножившиеся с середины XIX века. Чем ярче блестела ёлка, тем она считалась красивее и торжественнее, наиболее соответствующей праздничной атмосфере: определения «сияющая ёлка», «блестящая ёлка» [195, 7], «светлая ёлка» [384, 1] в применении к рождественскому дереву становятся одними из самых употребительных.

Помимо яблок на ёлку стали вешать и другие плоды: цитрусовые (в первую очередь — мандарины), орехи (ставшие непременным украшением ёлки), груши, виноград. А облатки, которые, естественно, не могли использоваться на русских ёлках, были заменены кондитерскими изделиями (фигурными пряниками и печеньем), а также конфетами. Множество разнообразных висящих на ёлке предметов и делало её прекрасной посланницей младенца Иисуса, приносящей детям дары.

Следующим этапом в украшении ёлки стало использование разнообразных предметов, которые по существу являлись умножением, увеличением в количестве, трёх первоначальных составляющих её декора: блестящие вещицы ещё больше усиливали игру света; искусственные фрукты, сделанные из стекла или ваты, имитировали обилие плодов райского дерева; «игрушечные» сласти (имитация конфет, пряников и пр.) создавали ощущение множества как принесённых елью даров, так и даров, которые давали ей люди. Стекланные украшения делались из толстого зеркального стекла и потому были гораздо тяжелее современных хрупких стекланных игрушек. Появились они на русских ёлках в середине XIX века [158, 89]. Это были шары, бусы, сферические зеркальные предметы в виде прожекторов, сосулков и пр.

По мере того как ёлка превращалась в светское увлечение, на ней начали появляться собственно *ёлочные игрушки*. Первое время большая часть стекланных украшений была иностранного производства. Однако вскоре их изготовление наладили и в России. Тогда же в широком ассортименте стали делать игрушки из ваты и папье-маше (плотного вещества, состоящего из бумажной массы, смешанной с клеем, гипсом или мелом). Они покрывались бертолетовой солью, которая делала их поверхность более плотной и придавала им тусклый нежный блеск. Стремление к удешевлению устройства ёлки (требовавшей от родителей значительных затрат и далеко не всем бывшей по карману) привело изготовителей ёлочных украшений к необходимости осваивать производство игрушек-картонажей. Делать их было просто, и стоили они недорого, а между тем детям они всегда нравились.

Предназначавшаяся детям и служившая символом Рождества ёлка должна была и висящими на ней игрушками вызывать в их сознании евангельский сюжет. Поэтому на дереве появляются звёзды рождественской ночи, лежащий в яслях младенец Иисус, ослики, ягнята и другие животные, находившиеся, согласно легенде, в хлеву, где родился Христос, а также ангелочки, напоминавшие об ангеле, возвестившем волхвам и пастухам о рождении Спасителя. Вспомним в этой связи воскового ангела из рассказа Леонида Андреева 1899 года «Ангелочек», полученного на празднике ёлки мальчиком Сашкой и растаявшего в отдушине печки, и стихотворение Блока 1909 года «Сусальный ангел». Верхушка дерева обычно венчалась Вифлеемской звездой, ангелом или рождественской феей. Иногда она оставалась свободной или же к ней прикреплялась свеча. Острые стекланные «верхушки» («пики»), известные во времена моего детства, вошли в употребление только в советское время.

С тех пор как ёлка стала «русифицироваться», обрстая новой мифологией, становятся популярными игрушки, изображающие персонажей русских народных сказок, лесных зверюшек (зайчиков, белочек, медведей), а также домашних животных и птиц (поросят, собачек, кошечек,

курочек, петушков, уточек, гусей и т.п.). Экзотические звери — слоны, крокодилы, жирафы и пр. — появляются на ёлке несколько позже. Пришедшее из лесу дерево должно было стать носителем атмосферы зимнего леса, отчего его обсыпали блёстками, имитировавшими иней, вырезанными из бумаги узорными «снежинками» или же попросту маленькими кусочками ваты.

Разнообразие висящих на ёлке игрушек давало возможность детям долго рассматривать их среди ёлочных ветвей и любоваться ими, что передано в стихотворении А.Н. Плещеева 1887 года «Ёлка»:

Детский взор игрушки манят...
Здесь лошадка, там волчок,
Вот железная дорога,
Вот охотничий рожок.
А фонарики... а звёзды,
Что алмазами горят...
А орехи золотые,
А прозрачный виноград!

[322, 262-263]

Узнавание знакомых игрушек, известных по прошлым ёлкам, и встреча с новыми доставляли детям громадное удовольствие:

Потом хожу вокруг ёлки и разглядываю висящие на ёлке игрушки и сладости. Встречаю одетых мною скелетцев и склеенные мною картонажи.

Но как много и новых вещей!

Вот пряники в виде львов, рыб, кошек... Вот огромные конфеты в блестящих бумажках, с приклеенными к ним фигурами лебедей, бабочек и других животных, сидящих в гнёздах пышной кисеи... Вот очень забавные флакончики в виде козлят, поросят и гусей, с красными, жёлтыми и зелёными духами. У поросят и козлят пробки воткнуты в морды, а у гусей в хвосты.

[417, 92]

Ёлка сияла «блестками золотого дождя, малиновой и тёмнозелёной серебристостью стеклянных шаров; наверху темно блестя звезда из бронзовых нитей; картонажные ангелы, деды-морозы, серебряные зайцы, белки, крокодилы...»

[127, 132]

С подробным перечислением висящих на ёлке предметов постоянно встречаешься в мемуарах, рассказах, стихотворениях о ёлке:

О, Господи, когда ж всё это оглядеть!
Там шарик засверкал, тут запестрели флаги,
Кольшутся венки из золотой бумаги!
Зелёные шнуры протянуты — на них
Фигурок множество и страшных и смешных:

То парня на коньках увидишь, то китайца,
То птичье гнёздышко, то с барабаном зайца;
Где — красноносый хват, где — бородатый гном,
Чуть не целуются телёнок со слоном,
И чёрный трубочист, и чёрный негр, — и это
Из сахара ведь всё! Что ни возьмёшь — конфета...

[230, 895]

В начале XX века, судя по поздравительным открыткам, на ёлках, как пишет Е.В. Иванов, можно было увидеть «шары, бусы, гирлянды, звёзды, канитель, ёлочный снег и снежинки, ёлочный дождик, серпантин, конфетти, свечи, хлопушки, флаги, кольца, колокольчики, шишки, фонарики, деревья, грибы, веера, кукол, письма, корзинки, домики, коней, всадников, трубочистов, детей, Деда Мороза, чертей, ангелов, клоунов, воздушные шары, парашюты, сердца, барабаны, горны, свиней, роги изобилия, яблоки, орехи, груши, огурцы, цветы, конфеты, баранки, пряники, печенье, рогалики, кренделя и “подарки” (нечто упакованное и перевязанное лентой)» [158, 90]. Конечно, далеко не каждая домашняя ёлка украшалась столь богато и разнообразно, однако свечи, яблоки и изделия из теста бывали всегда: «Ёлка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками» [280, 50].

Рекламирование в предрождественские дни в средствах печати комплектов ёлочных украшений стало в начале XX века обычным явлением. Приведу один из примеров такой рекламы, помещённой в декабрьском номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1916 год. Здесь на фоне довольно страшенького Деда Мороза с ёлкой в руке и обвешанного подарками (саблями, барабанами, куклами, клоунами и пр.) помещён следующий текст:

Обязательно сейчас же надо прислать нам Ваш заказ, а то посылки опоздают к Рождеству... Я предлагаю вновь составленные чудные, полные коллекции ёлочных украшений в 5 р., 10 р., 15 р., 25 р. и 50 р.

Несмотря на то, что решительно всё вздорожало, цены остались без повышения, и в состав, например, 5 р. коллекции вошли флаги, свечи, подсвечники, обезьяны, Парижские птички, Бразильские бабочки, фейерверки, бусы, масса картонажей, дождь, кометы, звёзды и проч. Тут так много разнообразия, что остаётся только удивляться, как за 5 р. можно так много дать. Колл<екции> в 10 р., 15 р. и дороже тоже весьма богато составлены, и никто не может предлагать такие богатые и изящные вещи так дёшево. Более чем 20-ти летн<ая> практика сделала своё дело и коллекции дошли до совершенства.

Вследствие просьбы заказчиков, я изготовил в этом году ещё кол<лекцию> в 2 р. 95 к. и тут вложено решительно всё необходимое для полного украшения ёлки.

Эта коллекция в 2 р. 95 к. решительно вне всякой конкуренции по полноте, изяществу и дешевизне!

Высылка наложенным платежом. Базар марок. С.-Петербург. Невский, 20, кв. 26.

Убранство ёлки далеко не всегда ограничивалось повешенными на её ветви украшениями и игрушками. Шершавый и буроватый её ствол (вызывавший у некоторых неприятные ощущения и казавшийся неэстетичным) стали обёртывать белой бумагой, материей или «снегом» (аптекарской ватой, посыпанной бертолетовой солью): «Таким аптекарским нетающим

снегом, — вспоминает Анатолий Мариенгоф, — покойная мама окутывала красноватый ствол рождественской ёлки» [245, 267]. Крестовина, к которой крепили дерево, также обычно скрывалась под чем-нибудь белым: «Пень под глухой пеленой простыни», как писал Борис Пастернак в одном из своих стихотворений о ёлке [307, II, 33]. К концу XIX века в состоятельных домах у подножия ёлки иногда ставились всевозможные декорации, чаще всего — картины зимнего леса: «К рождественской ёлке, совершенно убранной и осыпанной блестящим снегом — ватой, очень подойдёт зимний вид, устроенный под ёлкой или вблизи её», — советует устроителям ёлки журнал «Нива» в 1909 году, предлагая, наряду с этим, и другие варианты:

Подножие ёлки можно устроить так: закладывают крест, в который вделана ёлка, зелёным мхом, сухой травой и ёлочными ветками, среди коих кое-где можно положить камешки; затем устанавливают картонные или ватные грибы небольшой семейкой, а если среди этой зелёной груды поставить плюшевого зайца, которого очень часто можно найти среди детских игрушек, то под ёлкой будет очень красиво.

[277, 905-906]

В одном из рассказов конца XIX века приглашённая на ёлку дама рассказывает, что у своих знакомых она видела ёлку, под которой «француженка» придумала сделать плато, озеро с нимфами и амурами [459, 3]. В некоторых местах (преимущественно на Украине) под ёлку принято было ставить маленькие вертепы (изображение сцены Рождества Иисуса в Вифлеемском хлеву). Такие вертепы изготавливались из картона и ткани, а из мишуры делались фигурки Богоматери и младенца Иисуса.

В 1999 году журнал «Родина» напечатал статью Ю. Хитрово «Ёлка на потолке». «Скажите, вы видели ёлку на потолке? А вы? А вы? Нет? А вы, читатель, когда-нибудь видели ёлку на потолке?» — спрашивает рассказчица, заранее уверенная в отрицательном ответе на свой вопрос. Далее она подробно рассказывает о ёлках на потолке, которые в 1950-х годах в тесной комнате громадной коммунальной квартиры, расположенной на шестом этаже большого дома в центре Москвы, на углу улицы Петровки и Столешникова переулка, устраивала её мать. Ёлка свисала с потолка, подвешенная кверху «ногой», упираясь в потолок стволом. «Я уверена, — продолжает рассказчица, — что никто в целом мире, за исключением только всей нашей семьи да немногих соседей, иногда приводивших к нам своих друзей, чтобы показать им диковинку, никогда не видел подобного зрелища». Она утверждает, что «патент на данное изобретение принадлежит только» её маме:

Только благодаря ей мы не только видели, — мы жили под такой ёлкой, под её разливающимся мерцанием, манящим и успокаивающим, и любовались ею долгие зимние месяцы несколько лет подряд. И это она, наша мама, устраивала для нас, своих детей, такую необыкновенную, восхитительную, волшебную ёлку!

[461, 18-23]

Говоря об уникальности чудесной ёлки своего детства, рассказчица заблуждается: инвертированные (перевёрнутые) образы мирового древа существовали задолго до того, как её мама стала устраивать ёлку на потолке в московской коммунальной квартире 1950-х годов: «С неба корень тянется вниз, с земли он тянется вверх»; «Наверху корень, внизу ветви», — говорится в древнейших памятниках индийской литературы «Атхар-ваведе» и «Катхупанишаде». Такие перевёрнутые деревья часто изображались на ритуальных предметах в

разных культурных традициях. Древние германцы в дни зимнего солнцестояния также иногда подвешивали ель к потолку за корень; то же самое бывало и в эпоху зарождения обычая рождественского дерева. Ёлка могла свисать вниз либо корнем, либо верхушкой, что можно увидеть на некоторых немецких гравюрах XVI–XVII веков. Время от времени о ёлках на потолке (устроенных так по обычаю, вынужденно или же демонстративно) узнаешь и из документов нового времени. В 1915 году «Нива» поместила фотографию с подписью «Рождество на позициях», на которой русские солдаты встречают Рождество в землянке, где с потолка свешивается еловое деревцо. К фотографии даётся объяснение: «За ветхостью пола ёлка подвешена к потолку» [278, 954]. С ёлкой на потолке однажды встречали Новый год и футуристы. Мне случалось видеть ёлки под потолком и в праздничном декоре магазинов. В Петербургском «Пассаже», например, однажды перед Новым годом маленькие ёлки были подвешены под потолком в сделанных из бумаги прозрачных китайских вазах. Так что явление это не столь уж уникальное.

И наконец, следует сказать об истории искусственных ёлок. Первое упоминание о такой ёлке в России датируется концом 1840-х годов [419, 87], но мода на искусственные ёлки возникла в конце XIX века, о чём можно судить по ряду рассказов и очерков этого времени. Металлические ёлочки выставлялись в витринах магазинов, на ёлочных базарах можно было увидеть ярко-зелёные искусственные «ёлки-крошки» [27, 193] и т.д. Однако массовое производство пластиковых ёлок различной величины, формы, конструкций началось с 1960–1970-х годов, в эпоху химизации. По стране прокатилась агитационная волна за их покупку и использование на новогоднем празднике. Параллельно с этим прошла очередная экологическая кампания, целью которой была борьба за сохранность лесов, особенно пригородных. Отсутствие ёлочных плантаций, действительно, приводило к существенным вырубкам леса в предновогодний период. В это время многие советские семьи приобрели пластиковые ёлки, которыми стали пользоваться из года в год. Материальная выгода и отсутствие лишних хлопот, связанных с покупкой ёлки, по-видимому, и стали причиной их популярности. И всё же большинство продолжало следовать традиции, отдавая предпочтение настоящей, «живой», недавно срубленной в лесу, пахучей «лесной красавице». Это бывало даже в тех случаях, когда, несмотря на все усилия, так и не удавалось достать дерево «первой свежести», желанной величины, густоты и формы.

С тех пор как в некоторых семьях ёлку перестали готовить втайне от детей, взрослые начали привлекать их к изготовлению ёлочных украшений. Процесс наряженья дерева превратился в прекрасный семейный ритуал, который доставлял детям не меньше, а может быть даже больше радости, нежели ёлка, явленная им уже в полном своём уборе. Вот как Чехов в рассказе 1887 года «Мальчики» описывает сцену изготовления ёлочных украшений:

Отец и девочки сели за стол и занялись работой... Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба...

[471, V, 458]

Педагоги и родители рассматривали участие детей в изготовлении ёлочных игрушек как одну из форм трудового воспитания, приучения детей к рукоделию и развития в них вкуса: «Уже одно заготовление материала для ёлки, которое часто (и очень удачно) совершается воспитателями при содействии самих же детей, способно занять этих последних и доставить им

громадное удовольствие в течение нескольких дней» [478, 4].

Убеждённость в педагогической пользе такой совместной работы привела к тому, что в продаже появились руководства для семейного изготовления ёлочных игрушек, которые дети могли делать сами под руководством взрослых. В книжках-рекомендациях по устройству домашних и школьных ёлок давались советы, рисунки и выкройки игрушек. Во множестве выходили издания, где предлагались «полуфабрикаты», из которых дети могли делать игрушки из картона, бумаги, папье-маше и других материалов. К рождественским выпускам детских журналов также печатались приложения с выкройками игрушек и с объяснениями, как их изготовлять. Так, например, журнал для самых маленьких «Малютка» в качестве приложения к одному из последних выпусков за 1907 год напечатал брошюрку под названием «Делание цветов для ёлки» [241]. То же самое регулярно предлагал и «журнал для семейного чтения» «Нива»: «Для детей не может быть большего удовольствия, как украшать ёлку. Красивые образцы украшений, которые мы даём здесь, большею частью приспособлены для украшения бонбоньерок», — сообщается в декабрьском выпуске этого издания в 1908 году [276, 879-880]. Книжки-заготовки давали возможность нарядить ёлку, не потратив на это много денег или же вообще обойтись без покупок: «Во многих семьях, во многих школах на Руси бывают ёлки. Но много есть таких глухих местечек, где негде достать украшений для ёлки. Попробуем же сами сделать кое-что для нашего милого рождественского деревца», — предлагает автор одной из таких книжек [485, 192].

В повести «Детство Никиты» А.Н. Толстой пишет, что во время совместного изготовления игрушек матушка рассказывала, «как в давнишнее время ёлочных украшений не было и в помине и всё приходилось делать самому» [423, III, 198]. Для игрушек-самоделок использовались всевозможные подручные материалы: пустое яйцо (для головы клоуна или паяца), материя, вата, бумага и т.д. Одним из самых распространённых самодельных украшений стали бумажные цепи, изготовление которых было столь простым, что к этому делу можно было привлекать самых маленьких детей.

«Перед самым Рождеством и перед ёлкой начинается детская суматоха и возня с устройством и клейкой разных украшений и картонажей» [277, 905]. Дети сами или же под руководством взрослых делали фонарики, корзиночки, домики, флажки и пр. О таких занятиях в преддверии страстно ожидаемой ёлки рассказывается в воспоминаниях детей Льва Толстого. Мы узнаём, как в начале 1870-х годов перед Рождеством С.А. Толстая ездила из Ясной Поляны в Тулу для закупки множества специальных голеньких куколок, которых дети прозвали «скелетцами». Т.Л. Сухотина-Толстая вспоминает:

Теперь этих кукол давно уже не делают. А в моё время ни одна ёлка не обходилась без «скелетцев». Это были неодетые деревянные куклы, которые гнулись только в бёдрах. Головка с крашеными чёрными волосами и очень розовыми щеками была сделана заодно с туловищем. Ноги были вделаны в круглую деревянную дощечку, так, чтобы кукла могла стоять. Этих «скелетцев» мама покупала целый ящик, штук в сто.

Дети шили для них нарядные костюмы, одевали их и подвешивали на ёлку:

Все мы запасались иголками, нитками, ножницами и начинали мастерить платья для голых «скелетцев». Одевали мы их девочками, и мальчиками, и ангелами, и царями, и царицами, и наряжали в разные национальные костюмы: тут были и русские крестьянки, шотландцы, и итальянцы, и итальянки.

Потом, уже на празднике, эти наряженные «скелетцы» раздавались приглашённым на ёлку крестьянским ребятишкам. Мемуаристка детально описывает сложный процесс золочения орехов и приделывания к ним петелек, а также изготовления картонажей:

По вечерам мы все собирались вокруг круглого стола под лампой и принимались за работу... Мама приносила большой мешок с грецкими орехами, распущенный в какой-нибудь посудине вишнёвый клей ..., и каждому из нас давалось по кисточке и по тетрадошке с тоненькими, трепетавшими от всякого движения воздуха, золотыми и серебряными листочками.

Кисточками мы обмазывали грецкий орех, потом клали его на золотую бумажку и осторожно, едва касаясь его пальцами, прикрепляли бумажку к ореху. Готовые орехи клались на блюдо и потом, когда они высыхали, к ним булавкой прикалывалась розовая ленточка в виде петли так, чтобы на эту петлю вешать орех на ёлку. Это была самая трудная работа: надо было найти в орехе то место, в которое свободно входила бы булавка, и надо было её всю всунуть в орех. Часто булавка гнулась, не войдя в орех до головки, часто кололись пальцы, иногда плохо захватывалась ленточка и, не выдерживая тяжести ореха, выщипывалась и обрывалась.

Кончивши орехи, мы принимались за картонажи. Заранее была куплена бумага, пёстрая, золотая и серебряная. Были и каёмки золотые, и звёздочки для украшения склеенных нами коробочек. Каждый из нас старался придумать что-нибудь новое, интересное и красивое. Клеились корзиночки, кружочки, кастрюлечки, бочонки, коробочки с крышками и без них, украшенные картиночками, звёздочками и разными фигурами.

[417, 88-89]

О семейном изготовлении ёлочных игрушек вспоминает и Елизавета Рачинская:

На столе в столовой снималась скатерть. Дети во главе с отцом садились клеить ёлочные цепи, серебряные и золотые, нарезаая неширокими полосами тускло отсвечивающие металлом листы бумаги и склеивая их кольцо в кольцо; золотили и серебрили орехи, отдувая в сторону лёгкие, сияющие листки, переложённые прозрачными бумажками, осторожно отделяя один и кладя на него предварительно обмазанный белком большой грецкий орех; бумажка нежно прилипала к нему, по ней легко похлопывали ваткой, выделяя при этом всю красоту, все выпуклости и извилины нарядной ореховой скорлупы; потом кончики осторожно обрезались ножницами и аккуратно заделывались; в серединку, туда, где сходятся половинки ореха, вставлялась тонко обструганная палочка, и к ней прикреплялась пухлая, праздничная, яркая шерстинка.

[348, 15]

Ирина Токмакова, рассказывая о ёлках своего детства, пришедшегося на 1930-е годы, также описывает процесс изготовления ёлочных игрушек:

В то далёкое довоенное время у нас вечерами все — взрослые и дети — собирались за квадратным обеденным столом... Начиналось священнодействие. На стоявшей в прихожей керосинке... варился крахмальный клейстер. Когда он

поостынет, им густо промазывались кусочки ваты. Вата становилась податливой, и из неё можно было вылепить, например, морковку, корзиночку, грибочки, кто поискуснее, у того получался даже зайчик или цыплёнок. Когда клейстер высыхал и игрушка становилась твёрденькой, её раскрашивали школьными акварельными красками. Ах, как хороши были грибочки, помещённые в корзиночку на заготовленный ещё с лета зелёный мох!

Далее следует подробный рассказ об изготовлении клоунов и матрёшек из яичной скорлупы, цепей, бабочек и снежинок из бумаги, гирлянд из соломы. Самым трудным был процесс делания китайских фонариков. «У меня, — признаётся Ирина Токмакова, — как следует такой фонарик не получился ни разу!» [421, 122-123].

Многие мемуары и автобиографические повести включают в себя рассказы о семейном изготовлении ёлочных игрушек: и повесть А. Круглова «Далёкое Рождество», и «Детство Никиты» А.Н. Толстого, и «Чук и Гек» Аркадия Гайдара:

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки! Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутов и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

[86, 62]

В воспоминаниях эпизоды, посвящённые подготовке к ёлке и особенно деланья украшений, даются, как правило, наиболее обстоятельно и подробно: не только сознание, но и руки в течение всей последующей жизни хранили память о материале, из которого в детстве с таким увлечением изготавливались игрушки. Чего стоят такие детали, как старательный поиск детьми нужного места в орехе для просовывания в него булавки или палочки или же «отдувание в сторону» лёгких сияющих листков, которыми обклеивались орехи.

Елизавета Рачинская вспоминает:

Ёлку украшали опять-таки всей семьёй. Сутра в Сочельник на рояле, на столах и креслах, на подоконниках и даже прямо на полу появлялись лёгкие картонные коробки с гнёздышками внутри, где в опилках, в стружках, в шёлковой бумаге, в вате ютились райские птички, деды-морозы, девки-чернавки, яркие разноцветные стеклянные игрушки... причудливый, фантастический мир детского счастья, такой хрупкий и такой прекрасный, такой волшебно нереальный и в тоже время теперь, через многие годы, кажущийся единственно реальным из всего, что было когда-то в жизни.

[348, 16]

В каждом доме, в каждой семье закреплялся свой, излюбленный облик ёлки, отличающийся и внешним видом (высотой, густотой, хвоей, формой), и стилем её украшения, в чём отражалась семейная традиция, вкус и характер членов семьи:

При украшении ёлки соблюдались раз и навсегда принятые порядки. В глубине, ближе к стволу, вешались сначала крымские яблочки, просвечивавшие сквозь тёмную хвою своими розовыми бочками; потом шли орехи, которые никогда не допускались выше середины дерева. Ствол и крестовина, покрытая ватой с блёстками, опутывались золотыми и серебряными бумажными цепями и цепями из цветных леденцов. Внизу

же вешались шоколадные фигурки зверей, птиц, детей и чудные печатные пряники с картинками, незабываемо вкусные, без которых не обходилось ни одно Рождество. Чем выше, тем ёлка становилась наряднее и ярче. На кончиках ветвей повисали блестящие стеклянные шары, покачивались, распутив хвосты, райские птицы; подняв паруса, куда-то в неведомую даль по зелёным хвойным волнам плыли сказочные корабли, летели ангелы, прижимая к груди миниатюрные ёлочки, весёлые колокольчики на самом верху, вблизи лучистой Вифлеемской звезды, казалось, вот-вот зазвенят хрустальным праздничным звоном, а серебряные пушистые цепи и дрожащий, струящийся «дождь», наброшенный, как сверкающая сетка, поверх всего этого великолепия, превращали ёлку в какое-то сказочное видение, от которого трудно было оторвать глаз.

[348, 16]

Новшества, которые меняли привычный стиль украшения ёлки, вызывали у детей сопротивление. Н.В. Розанова вспоминает о своём огорчении в связи с тем, что её сёстры, увлечшись «декадансом», «стали украшать ёлку только снегом и свечами (ах, этот декаданс!), и как же скучно было смотреть на это дерево! Мне думалось, что все немного притворяются, восхищаясь “строгой прелестью” и иллюзией настоящей свежей ёлки!.. Какая тоска! Это вместо золотых орехов, пряников, яблок, хлопушек, от которых деревцо гнулось, но продолжало весело полыхать огнями...» [355, 26].

Как за границей, так и в России в рекомендациях по устройству ёлки излагались общие эстетические принципы её декорирования — в зависимости от формы и величины дерева, а также возможностей помещения: «Подобно другим украшениям, дерево должно гармонировать по оформлению, цвету, гамме и духу с помещением, в котором оно установлено. Оно должно отражать хороший вкус» [503, 9].

В советское время даже ёлочные украшения использовались с пропагандистскими целями: производство игрушек с советской символикой, отражающих самые разнообразные достижения социалистического общества, было обычным делом. Целый ряд предприятий начали выпускать игрушки картонажи, которые в ассортименте советских ёлочных украшений заняли одно из первых мест. Из картона штамповались животные, птицы, рыбы, звёзды, автомобили, дирижабли, аэропланы и т.д., склеивались две половинки с петелькой наверху, оклеивались серебряной бумагой и пускались в продажу. Первое время они делались по старым штампам; налаживание заготовки новых штампов для производства картонажей ощущалось как первейшая потребность игрушечного производства, которая вскоре была удовлетворена [134, 36].

Когда ёлка в СССР была разрешена, в Комитет по игрушке какой-то человек принёс набор ёлочных украшений, который «в декоративном и световом отношении давал близкие современные образы: стратостат, парашют, дирижабль, фабрика, Днепрогэс, военное судно, метро и т.д.». Рассказывая об этом, составительница сборника «Ёлка в детском саду» Е.Л. Флерица в целом одобрила этот набор («Для ребёнка будет приятно найти на ёлке эти новые предметы»), но вместе с тем она и упрекнула изготовителя игрушек в том, что «он противопоставляет свою тематику “старой” и предлагает дать ёлке с одной классово-выдержанной тематикой». По её мнению, «старым и чуждым ассортиментом являются религиозные образы (ангелы, изображение рождества христово). Этого, — решительно заявляет советский педагог, — на нашей ёлке дети не увидят» [448, 14].

С появлением электричества в некоторых обеспеченных домах вместо свечей на ёлку стали вешать электрические гирлянды. В 1872 году электрическое освещение впервые было

использовано на празднике ёлки в зале Дворянского собрания в Петербурге. Мода на освещение домашних ёлок электрическими лампочками возникла в конце XIX века. В одном из рассказов того времени слуги, обряжая рождественское дерево, наряду с другими украшениями, вешают на него электрическую гирлянду, поскольку, по мнению их хозяйки, «теперь ни в одном порядочном доме не налепят восковых свеч» [459, 3]. В романе Леонида Добычина «Город Эн» мальчик, от имени которого ведётся повествование, рассказывая о событиях Рождества 1902 года, замечает: «На ёлке горели разноцветные лампочки. Инженер сообщил нам, что они — электрические» [118, 118]. В одних домах предпочитали (и до сих пор продолжают предпочитать) традиционные свечи, в других — электрические гирлянды. Это противопоставление не снято и поныне. В некоторых семьях возник обычай зажигать ёлочные свечи от стоящих под иконами лампадок: «После рождественской службы дома зазорили (по выражению матери) ёлку от лампадного огня» [280, 50]. Во многих семьях до сих пор свечи, в отличие от лампочек, считаются признаком уюта, естественности и теплоты: «В комнате так тихо и так ласково светятся свечи на ёлке» [490, 26]. В наибольшей степени это свойственно домам, в которых принято придерживаться традиции: «...только в этом доме на ней всегда были и остаются до сих пор исчезнувшие из магазинов настоящие живые свечи» [356, 113].

Особое внимание уделялось выбору ёлки: дерево должно было быть стройным, правильной формы, густым и свежим, а иглы его — упругими и живыми. Опытные покупатели знали, что если срез выделяет смолу, можно быть уверенным в том, что дерево свежее, недавно срубленное. Если же у купленной ёлки обнаруживался какой-нибудь дефект (кривизна ствола, недостаток ветвей с какого-либо боку, искривлённая верхушка и т.п.), то считалось необходимым «провести работу по улучшению её внешнего вида», чтобы скрыть эти недостатки. Дерево с недостатками стремились «исправить», обрезая нарушающие его симметрию ветки, а потом проволокой или верёвочками прикрепляя их в нужном месте; выпрямляли или подрезали верхушку; устанавливали дерево таким образом, чтобы скрыть его несовершенство или же чтобы сделать дефекты менее бросающимися в глаза. В стихотворении О.А. Белявской 1911 года «Ёлкич» проснувшиеся засветло дети бегут в зал, где, увидев бородатого старика, колющего лучинки, спрашивают его: «Для чего тебе, Ёлкич, лучина?» и слышат в ответ:

Чтобы прямо стояла лесина.
Вишь, всё на бок, на правый она норовит,
Мы — лучины под правую ножку.
«Погляди-кось, теперь хорошо ли стоит?»
«Чуть-чуть вправо, нет — влево немножко».

[39, 23-24]

(Ср. также: «Надо и ёлочек нарубить, кресты на подножки им изготовить, чтобы ёлочки и на полу так же, как в лесу, прямо стояли» [360, 6].)

Бывали случаи, когда перед праздниками ёлки разыгрывались настоящие детские «драмы». Е. Скрыбина рассказывает, что её семья в 1905 году вынуждена была переехать из Нижнего Новгорода в Петербург. Привыкшие к тому, что в Нижнем им обычно приносили ёлку на дом знакомые торговцы, родители и на новом месте не спешили с покупкой ёлки, а когда наконец приехали на ёлочный базар, то там «ёлочек нужного размера и вида не оказалось. Вернулись ни с чем, — пишет мемуаристка. — Моему отчаянию не было границ». Все попытки достать дерево оканчивались неудачей, и только на второй день Рождества, когда девочка потеряла всякую

надежду, позвонил её двоюродный брат, предложив привезти ёлку, которая уже была использована в Офицерском собрании для солдат их полка:

Долго я помнила тот момент, когда несколько солдат внесли знаменитую ёлку в нашу квартиру. Много веток было сломано и дерево действительно имело плачевный вид. Братья утешали меня, что они приложат все усилия, дабы исправить нанесённый дереву урон. Я не особенно доверяла и ждала с трепетом вечера, когда соберутся все мои маленькие гости. Когда же в назначенный день и час десятки приглашённых детей, ожидавших открытия дверей в кабинете отца, ворвались в гостиную, то все замерли от восторга, а я не поверила своим глазам — настолько чудесная картина представилась нам.

По-видимому, мать и братья приложили большие усилия, чтобы придать ободранному дереву такой исключительно красивый вид.

[392, 13]

Ёлка, приносившая детям столько удовольствия, таила в себе и определённые опасности. Одна из них была связана с обычаем вешать на дерево сласти, которые дети могли срывать и съедать. В XIX веке предназначавшееся для ёлки съестное делалось как можно более ярким и блестящим. Для этой цели кондитеры использовали специальные краски, порою включавшие в себя ядовитые вещества, из-за чего не раз случались отравления детей. В газетах конца XIX века встречаются заметки медиков, которые предупреждают родителей об этой опасности, не рекомендуя им позволять детям съедать висевшие на дереве сласти ввиду того, что они могут быть окрашены ядовитыми веществами. Сусальные орехи обычно красились веществом, в которое входило олово; конфеты обёртывались в свинцовую бумагу; в некоторые сласти добавляли анилин, а крашенные нити содержали мышьяковые и анилиновые краски. Яблоки же, висевшие на ёлке, могли стать ядовитыми от капающего на них окрашенного свечного воска. Обсуждая вопрос гигиены рождественской ёлки, медики писали: «Конечно, как-то тяжело портить удовольствие детей запрещением снимать с ёлки висящие на ней заманчивые сласти. Но лучше отравить им немножко их праздничное настроение, чем допустить отравление их ядовитыми красками» [95, 1287]. Разумеется, появление на ёлке съестного, которое могло стать причиной отравления, явилось следствием стремления сделать ёлку как можно более эффектной. Однако сласти, превратившиеся в «запретный плод», исказили смысл самого праздника, на котором дети всегда получали с ёлки разные «вкусности». В наше время обычай вешать на дерево пряники и конфеты, широко распространённый ещё несколько десятилетий назад, начинает постепенно исчезать, о чём нередко высказываются сожаления. Светлана Волкова, родившаяся в 1977 году, делится своими детскими впечатлениями:

Ёлку мы украшали разного рода игрушками, гирляндами, ватой и старыми конфетами. Это были старые конфеты в красивых, ярких и пышных обёртках, ими раньше украшали ёлки, и мне очень жаль, что «сейчас» эта «традиция» ушла... Позже конфеты исчезли с ёлки вовсе, остались только стеклянные шарики, гирлянда из цветных лампочек и гирлянды блестящие...

[80]

Другую опасность — опасность пожара — таили в себе горящие на ёлке свечи. И хотя маленькие металлические подсвечники стали использовать очень рано, возгорание ёлок было

нередким явлением, и во многих семьях рассказы о пожарах во время праздника вошли в семейный фольклор. И.М. Дьяконов вспоминает, как однажды, когда он пытался обойти вокруг ёлки, у него загорелись волосы: «Оказывается, я задел головой о свечку» [127, 8]. Бывали случаи с трагическим исходом. Об одном из них, запомнившемся с детства и тяжело пережитом, рассказывает Юрий Олеша:

Господин Орлов пошёл с дочкой на ёлку в гости, и там, когда дети танцевали, ёлка опрокинулась, в результате чего дочка Орлова сгорела. В тот день, когда её похоронили, он пошёл в цирк. Мы, дети, ужасались, когда нам рассказывали об этом, но взрослые оправдывали Орлова, — он, говорили они, очень горевал и именно поэтому пошёл в цирк.

[293, 83]

Поэтому неудивительны запреты на использование свечей на общественных ёлках в целях противопожарной безопасности: «На ёлке может быть допущено только электрическое освещение... Совершенно нельзя допускать освещения ёлки свечами или керосиновыми лампами» [136, 3].

Если в первые годы после усвоения ёлки в России дерево, согласно немецкому образцу, устанавливалось в Сочельник, то впоследствии по поводу того, когда следует устраивать ёлку, стали возникать разногласия. Деятели Православной церкви не раз писали, что устраивать ёлку накануне Великого праздника, в последний день Филиппова (или Рождественского) поста, не пристало: слишком серьёзное и торжественное событие свершается в ночь на Рождество и никаких развлечений в этот вечер и в эту ночь быть не должно. Поэтому они рекомендовали устраивать её на второй или даже лучше на третий день праздника, а иногда и на Новый год. И всё же в большинстве домов, по немецкому обычаю, дерево продолжали устанавливать, наряжать и зажигать именно в Сочельник. Однако постепенно «ёлочный режим» становился всё более и более гибким. В домах закреплялись свои традиции, которые поддерживались из года в год. А.Н. Бенуа вспоминает: «Обыкновенно ёлка у моего старшего брата устраивалась не так, как у нас, — вечером 24 декабря, а ранним утром 25, ещё до восхода солнца (что, кстати сказать, получалось довольно своеобразно и таинственно)» [42, 349]. Порою отложенный по той или иной причине праздник проводился на Новый год или даже на второй неделе святок, ближе к Крещению. Так, например, в одном из рассказов Е.А. Бекетовой говорится, что празднование ёлки пришлось перенести на Новый год: «...со всех сторон собирались весёлые люди праздновать весёлую ёлку, отложенную до Нового года по болезни Жени...» [32, 46].

Первоначально ёлка была предметом, так сказать, разового пользования — она стояла лишь в течение одного вечера, в конце которого дети опустошали её, и она выбрасывалась. Однако со временем её пребывание в доме всё более и более удлинялось. Как детям, так и взрослым хотелось продлить присутствие в доме прекрасного дерева, и его не спешили убирать: «...и часто ёлочка несколько дней не оставляет той комнаты, где в первый вечер зажгли её» [152, 6]. В семьях, где дерево принято было держать в помещении в течение нескольких дней, общение с ним детей продолжалось и впоследствии, доставляя им дополнительное и в чём-то несхожее с первым днём удовольствие. Зажигание на ёлке свечей (а позже — фонариков или лампочек) превратилось в важный семейный ритуал: «Ёлку у Павловых в этом году зажигали два дня сряду» [378, 111]; «Второй раз ёлка зажигалась на моё рождение...» [127, 132]. Нередко её оставляли стоять до Крещения, а иногда до конца святок и даже позже. «У нас прелестная ёлка, будет стоять до Крещения (6/19-го января)...», — писала Марина Цветаева 11 января 1925 года

своей чешской корреспондентке Анне Тесковой [465, 27]. Порою дерево оставалось в доме до конца января: «А если ёлка была свежая и хорошо стояла, то она зажигалась ещё и в третий раз, на Алешин день рождения, 31 января», — вспоминает И.М. Дьяконов [127, 132]. Т.П. Милютин, обручившаяся со своим первым мужем 8 февраля, вспоминает, что в этот день в доме «ещё стояла нарядная, по вечерам светящаяся и звенящая ёлка»: «Сияла огнями ёлка, на наши левые руки были надеты кольца. Долгие годы я разбирала ёлку только после 8 февраля» [257, 60].

Удлинение срока пребывания ёлки в доме (что особенно стало характерно для последних десятилетий) привело к возникновению анекдота, датируемого, скорее всего, 1980-ми годами:

Приходит мужик на первомайскую демонстрацию и жалуется сотрудникам, что жена ему сутра всё настроение испортила: у всех праздник, всем хорошо, всем весело, а она нудит: «Вынеси ёлку! Вынеси ёлку!»

Порою дерево, установленное в сосуд с водой и регулярно поливаемое, освоившись в домашнем тепле, начинает давать свежие побеги, и тогда его высаживают в грунт на балкон или вывозят на дачу, где оно, несмотря на известную «капризность» деревьев еловой породы, иногда приживается, продолжая свою жизнь и тем самым как бы разрушая жертвенный образ рождественской ёлки, так много раз обыгранный в «ёлочной» литературе.

Ёлочные подарки и их дарители

В Германии обычай вручения детям подарков именно на ёлке был известен, по меньшей мере, с середины XVIII века. В русских же семьях ещё до того, как в моду вошла ёлка, детям также было принято готовить к Рождеству подарки. Однако, судя по заметкам в прессе о том, что в Европе на Рождество «имеют обыкновение обмениваться подарками» [383, 1], в России этот обычай не имел широкого распространения. Он был воспринят у немцев вместе с рождественским деревом, о чём, как о новшестве, в 1842 году сообщает журнал «Звёздочка»: «Прежде родители делали это у нас просто, отдавая детям подарки в то время, когда они приходили в утро первого дня поздравлять их с праздником; теперь около приготовленной ёлки или под нею раскладываются и расставляются подарки, и к каждому прикрепляется билетик с именем того из детей, которому он назначается» [337, 4-5]. Прикрепление билетиков или записок к подарочным пакетам практиковалось и на детских ёлках с большим числом приглашённых. Н.В. Розанова вспоминает: «...потом, помню, писалось множество записок и прикалывалось к каждой игрушке, чтобы знать, кому из гостей какой подарок, и всё это укладывалось на стол...» [355, 25]. Подарки к ёлке приобретались в магазинах и в кондитерских, где, начиная с 1840-х годов, перед Рождеством, наряду с убранными ёлками, продавались игрушки и книги, а также другая праздничная продукция, главным образом импортная: «В кондитерской г-на Излера получены из Парижа превосходные картонажи и сюрпризы...» Иногда в предрождественские дни бывал столь большой покупательский спрос на подарки, что «надлежало ждать очереди, чтобы подойти к товарам» [384, 1].

Для детей, в зависимости от возраста, готовились разные подарки: «Старших детей дарят туалетными весами и книгами, младших — книгами, игрушками и конфетами» [382, 1]. «Северная пчела», призывая своих читателей купить «премильную новую детскую книжечку “Ёлка”», пишет: «Не забудьте к ёлке книжечек! Это стоит конфеток» [385, 1]. Анастасия Цветаева вспоминает «золотые обрезы книг в тяжёлых, с золотом, переплётах, с картинками, от которых щемило сердце» [464, 69]. Такие книги ей с сестрой обычно дарили на ёлку.

Первое время подарки готовились старшими членами семьи и предназначались только детям: «Детям в этот день готовится и ёлка с сладостями, и масса подарков ... Старики для себя берут масленицу, а Рождество со святками отдают детворе» [402, 2]. Ёлочные подарки, «лучшие подарки года», как и саму ёлку, готовили в строжайшей тайне от детей. О незабываемых предрождественских днях своего детства пишет Елизавета Рачинская:

...Особенно ярко запомнились рождественские праздники, с приближением которых наш дом начинал жить какой-то новой, таинственной жизнью. Старшие о чём-то оживлённо совещались, замолкая при появлении детей. Отец, иногда с матерью, несколько раз ездил в Москву. Степан выходил к поезду его встречать и возвращался нагруженный всевозможными свёртками, коробками, плетёнками, кульками и кулёчками.

[348, 14]

Дети, конечно же, знали, что на ёлке они получают подарки и ждали их с тем же нетерпением, с каким и встречи с ёлкой. При описании ёлок детства мемуаристы никогда не забывают упомянуть о разложенных под ёлкой подарках: «Большие», убрав ёлку; «раскладывают по столикам наши подарки» [424, 66]; в зале «мама с гостями» «расстановливает по столам подарки...» [417, 91]; «А под ёлкой, на белой простыне, скрывавшей крестовину, были

расставлены подарки» [127, 131]; «Там же под ёлкой лежали бумажные пакеты с подарками для мальчиков и девочек, завёрнутые в разноцветные платки» [423, III, 202]; «Запас наших игрушек пополнялся раз в год, на ёлке» [424, 65].

Впущенные, наконец, в помещение, где стояла убранная ёлка, и налюбовавшись на неё, дети знакомились со своими подарками:

Вдоль стены наши столики с подарками: цветная почтовая бумага, сургуч, пенал, это почти всегда дарилось всем... Огромная кукла, «закрывающая глаза»... Детская кухня, кастрюлечки, сковороды, тарелки и вилки, медведь на колёсиках, качающий головой и мычащий, заводные машинки, разные всадники на лошадях, мышки, паровики и чего-чего только нам не дарили.

[424, 67]

Дети любили рассматривать подарки и на следующий день, наедине, без взрослых, «без отвлеканья к нерассмотренным ещё подаркам...» [465, 69-70].

Со временем во многих семьях подарки к ёлке стали делать не только родители детям, но и дети родителям. Дети, как правило, дарили старшим вещи собственного изготовления, которые взрослыми, конечно же, ценились гораздо больше, нежели покупные. Девочки готовили предметы рукоделия (главным образом, вышивки), мальчики — разного рода поделки из дерева и других материалов. Принято было дарить рисунки, а также стихи, которые дети красиво переписывали, оформляли и читали на празднике. На худой конец можно было воспользоваться и готовыми текстами, переписав их из сборников стихотворений «на случай» (многие из которых были приурочены к Рождеству) и выучив наизусть. Для того чтобы дать представление об этих стишках, приведу несколько цитат:

Милый папаша!
Ёлка для нас —
Радость вся наша
В нынешний час.
Зелень, игрушки,
Свет там и сям,
Куколки-душки,
Что ж лучше нам?

[138, 3-4]

Вас поздравляю с Рождеством
Я, маменька, моя родная,
От сердца детского желая.
Вас сим порадовать стишком.
Я мал и молод; нет во мне
Ни дара, ни искусства.
Чтоб мог я выразить вполне
Мои признательные чувства.

[133, 24]

Сегодня праздник Рождества
И торжество по воле Божества.
Когда б я, мама, жил подоле
И знал немного бы поболе,
Я долго ждать бы не заставил
И вам Христа тотчас прославил...

[133, 29]

Когда со второй половины XIX века в некоторых помещичьих усадьбах на праздник ёлки стали приглашать крестьянских ребятишек, то и они, конечно, получали подарки. И.Л. Толстой вспоминает:

В это время большие раздают деревенским детям скелетики, пряники, орехи и яблоки. Их впустили в другие двери, и они стоят кучей с правой стороны ёлки и на нашу сторону не переходят. «Тётенька, мне, мне куколку! Ване уже давали. Мне гостинцу не хватило».

[424, 66]

О раздаче на ёлке подарков крестьянским ребятишкам рассказывает и Т.Л. Сухотина-Толстая:

Когда все нагладелись на ёлку и на свои подарки, мама с помощью Ханны и своих гостей раздаёт с ёлки всем детям «скелетцев», пряники, крымские яблоки, золочёные орехи и конфеты, и все, нагруженные своими подарками и сладостями, расходятся по домам.

[417, 93]

Дарили подарки и на ёлках в учебных и воспитательных заведениях. Они покупались на пожертвованные деньги или же на средства самих учителей. Вручению подарков на общественных ёлках предшествовали выступления детей (что иногда практиковалось и на семейных ёлках): чаще всего декламация стихотворений или исполнение песен, реже — танцы.

На первых порах дети знали, что подарки им готовят родители. Позже эта роль стала приписываться младенцу Христу, поскольку обычай дарения на Рождество поддерживался евангельской легендой о волхвах или трёх восточных магах, принёсших Иисусу дары: «Сам Господь наш Иисус Христос в этот великий праздник Младенцем является, всех детей утешает, всем им разные дары посылает в память того, как сам от волхвов дары получил, когда в Вифлееме родился» [360, 6]. В память этого евангельского события и подарки дарили прежде всего детям. Аналогичная мотивировка одаривания детей на Рождество использовалась и в других странах: у французов, например, в качестве дарителя выступал маленький Иисус (Petit Jesus). Согласно обычаю некоторых европейских народов, не все дети были достойны рождественских подарков, но только те, которые «хорошо себя вели» в течение года. «Плохие» дети, «шалуны», или ничего не получали, или получали вместо подарков розги. Насколько мне

известно, этот суровый обычай в скором времени выпал из праздничного сценария, а в моих материалах о русской ёлке он ни разу не встречается: в день Рождества предполагалось полное равенство детей, ибо Иисус любит всех одинаково. И всё же в ряде стихотворений мотив лишения «шалунов-проказников» ёлочных подарков сохранился:

А коль есть шалун-проказник.

То скажу я вам.

То такому я на праздник

Ничего не дам.

[403, 1]

К концу XIX века в России стала оформляться легенда о новом дарителе ёлочных подарков. Эта легенда пришла из Европы и связана с традицией одаривания детей в день тезоименитства св. Николая. В скандинавских странах издавна существовал обычай готовить детям подарки в день св. Николая, который отмечался 6 декабря и считался детским праздником. Св. Николай Мирликийский, родившийся в III веке нашей эры в Ликии (Малая Азия, бывшая тогда провинцией Римской империи) и там же ставший впоследствии архиепископом, был одним из самых почитаемых святых. Он покровительствовал рыбакам, пивоварам, паломникам и вообще — путешественникам, а также детям. Последнее обстоятельство послужило тому, что у ряда северных европейских народов, по преимуществу протестантских, возник обычай 6 декабря одаривать детей гостинцами. Накануне этого дня дети писали св. Николаю записки с просьбой принести подарки, высказывая в них свои заветные желания. Подарки св. Николай оставлял на подоконнике, опускал в каминную трубу (для чего накануне 6 декабря трубу оставляли открытой) или же клал их в детские чулочки и в башмачки, которые дети с вечера, ложась спать, оставляли возле камина. На окне или у камина принято было оставлять еду для святого. Особенно популярен св. Николай был у голландцев, у которых он и превратился в дарителя. Голландские дети в течение нескольких столетий в ночь на 6 декабря ставили возле камина свои башмачки. В некоторых домах этот обычай сохранился до сих пор. Иногда ему следовали и русские семьи, ориентированные на западную культуру, о чём, например, пишет В.В. Набоков в автобиографической книге «Другие берега»:

По английскому обычаю, гувернантка привязывала к нашим кроваткам в рождественскую ночь, пока мы спали, по чулку, набитому подарками...

[266, IV, 155]

В других же европейских странах со временем произошло слияние двух приходящихся на декабрь праздников — дня св. Николая и дня Рождества Христова. По мере того как всё меньше отмечался первый праздник, всё большую популярность завоёвывал второй, и традиции, связанные с первым, переносились на второй и усваивались им. Св. Николай, превратившийся в мифологическое существо, стал теперь приходить не в день своих именин, а в ночь на Рождество. Он получил имя Санта Клауса (Santa Claus), что является искажением имени св. Николая (Saint Nicolas). Формирование мифа о Санта Клаусе совершалось постепенно, в процессе переработки существовавших о нём легенд. Особенное распространение миф о Санта Клаусе получил в Англии, а впоследствии — в Америке. Этот новый персонаж уже мало чем напоминал греческого св. Николая. Внешне он представлялся в образе доброго старого

джентльмена, весёлого, бодрого и краснощёкого старика с длинной белой бородой, одетого в красную шубу и высокую красную шапку. Иногда Санта Клауса отождествляют с существами подземного мира — гномами, что подтверждается и его внешним видом (длинной белой бородой) и одеждой (гномов обычно изображают в красных плащах и колпаках) [174, 93-94]. Порою Санта Клауса связывают с нечистой силой, что, по предположению Б.А. Успенского, объясняется объединением образа св. Николая с противником Бога Громовержца; этот факт характерен не только для славянских территорий, но и для Запада [439, 116]. Некоторые фольклористы полагают, что представление о персонаже, столь щедро одаривающем детей в день св. Николая или на Рождество, смешалось с верой в старое тевтонское божество, живущее где-то на севере и приходящее оттуда на праздник, чтобы раздать подарки. Дети знали, что канун Рождества — Сочельник — это то время, когда к ним в санях, запряжённых оленем, приезжает Санта Клаус для того, чтобы опустить мешок подарков в трубу и наполнить башмачки или чулочки хороших детей игрушками и сладостями.

Любопытно, что практичные американцы ещё в XIX веке поставили вопрос не только о том, *кто* приносит подарки, но и о том, *откуда* он их берёт. В результате возникло представление о Санта Клаусе, который прилежно трудится перед Рождеством над изготовлением игрушек для детей: сохранилась гравюра, созданная в 1869 году, на которой бодрый упитанный старик в добротных сапогах и с дымящей трубкой во рту энергично работает рубанком на верстаке. В «мастерской» Санта Клауса топится печка типа «буржуйки», на которой варится клей, на полу и на полках расставлены уже сделанные им игрушки (традиционный конь-качалка, домик, куклы); на стенах аккуратно развешаны инструменты. На полу валяются стружки и доски [см.: 512, 174].

Помимо св. Николая, превратившегося в Санта Клауса, у европейских народов существовали представления и о других мифологических дарителях, которые, посещая дома на зимних праздниках, приносили детям подарки. История «коллег» или двойников Санта Клауса достаточно запутанная. В странах Скандинавии в этой роли мог выступать Рождественский Дед, во Франции — Пер Ноэль (Père Noël или Bonhomme Noël), а в Англии и в Америке — Отец Рождество (Father Christmas) и др. [см.: 509]. Прообразом английского образа Father Christmas'a, возможно, является Рождественский Дед — традиционный персонаж рождественских пантомим, представляющих собой особую разновидность народной драмы. В последние десятилетия Santa Claus и Father Christmas стали взаимозаменяемыми. В Голландии св. Николая (Sinterklass'a) иногда сопровождает его помощник Чёрный Пётр (Zwarte Piet). Св. Николай скачет на белом коне через крыши города, за ним следует Чёрный Петр, напоминающий собою мавра. Чёрный Петр залезает в трубы для того, чтобы оставить детям подарки, в то время как св. Николай, опасаясь запачкать свою белую мантию и красную рясу, просто бросает конфеты в каминную трубу и в «ожидающие» его башмачки [500, 25]. Пер Ноэль оставляет подарки для французских детей на очаге или в камине. Иногда его тоже сопровождает помощник или же компаньон Père Fouettard, который приносит связки прутьев для плохих детей. У немцев, так же как и у скандинавов, существовал культ св. Николая, однако вскоре после Реформации он был замещён «Рождественским дитя» (Christkinder), которое обычно изображалось с нимбом и едущим на белом осле. Не вполне ясно, был ли это младенец Иисус или же посланный им ребёнок. Его обычно сопровождал чернолицый великан, известный под разными именами, из которых наиболее распространённым был Кнехт Рупрехт (Knecht Ruprecht). Были у немцев и другие дарители: Николай в мехах (Pelznickel) и рождественский человек (Weihnachstmann).

В некоторых районах Италии подарки приносит волшебница Бефана (Befana). Согласно древней христианской легенде, проезжавшие мимо её дома три мудреца пригласили её идти вместе с ними в Вифлеем. Бефана отказалась присоединиться к ним, сославшись на занятость, и

за это каким-то таинственным вихрем была исторгнута из своего дома. С тех пор над ней тяготеет проклятие, которое не даёт ей умереть, и она, неприкаянная, бродит по всему свету. Сожалея о своём отказе идти в Вифлеем, Бефана каждый год накануне двенадцатой ночи (5 января, дня поклонения волхвов) соскальзывает на метле в трубы для того, чтобы наполнить детские башмачки и чулки конфетами и игрушками. В Испании подарки доставляют сами маги, идущие поклониться родившемуся Христу [500, 27]. Образы всех этих рождественских дарителей оформились относительно недавно — не ранее середины XIX века.

Разнообразные контакты с Европой, а также развитие собственно русской «ёлочной» мифологии привели к тому, что и во многих русских семьях миф о дарителе начал изменяться. Детям стали говорить, что подарки на ёлку им приносит старик, которого называли по-разному, но при этом никогда не использовали имя св. Николая. Связи с Европой и распространение с конца XIX века рождественских открыток, которые на первых порах были только иностранного производства, привели к быстрому усвоению мифа о новом дарителе подарков, тем более, что в России для этого уже была приготовлена почва. Имя Санта Клауса у русских не прижилось: в связи с созданием нового русифицированного ёлочного мифа и даритель должен был получить русское имя. Поэтому начались эксперименты по выбору подходящего образа и имени дарителя.

В западной литературе относительно русских дарителей закрепилась странная легенда, переходящая из книги в книгу. Когда и на какой основе она возникла, как она сформировалась, неизвестно. Состоит она в следующем (привожу перевод из недавнего, времени перестройки, источника):

В России до того, как коммунисты взяли верх, Бефана имела в качестве своего женского двойника старую крестьянскую женщину по имени Бабушка и св. Николая, которые 7 января (по русскому календарю) оставляли подарки возле украшенной ёлки. Коммунистические лидеры упразднили этот праздник. В настоящее время игрушки на Новый год приносит Дедушка Мороз, сопровождаемый Снежной Девушкой. Дерево называется новогодним. Может быть, вместе со свежим ветром, который начинает дуть по Советскому Союзу, святой Николай и Бабушка вернутся. Дедушка Мороз — это толстый старый парень в красном костюме, который выглядит точно так же, как и Санта Клаус.

[500, 28]

Несоответствие этой легенды тому, что было в действительности, показательное и любопытно. «Крестьянская женщина Бабушка» скорее всего попала в неё из стихотворения В. Соллогуба «Зима», в котором (напомню) говорится о том, что «в гости к нам заторопилась / Бабушка зима», которая «Ёлочку несёт / И, мотая головою, / Песенку поёт...» [403, 2]. Что же касается св. Николая, якобы приносившего русским детям подарки на Рождество, то, как уже говорилось, в русской традиции он никогда не выступал в роли дарителя. «Дедушка Мороз» и «Снежная Девушка», как мы увидим далее, вовсе не являются образами, созданными в советскую эпоху, а надежды на то, что «св. Николай» и «Бабушка» снова вернутся к нам, уже не оправдались: наоборот — идёт процесс активного развития и, я бы сказала, усложнения образов Деда Мороза и Снегурочки, их приживания и «узаконения» в русской жизни. Функции этих персонажей в современном рождественско-новогоднем ритуале меняются с каждым годом. Но речь об этом ещё впереди.

Праздник ёлки всё шире и шире охватывал русские семьи (где порою в нём участвовало довольно большое количество детей) и учебно-воспитательные заведения (где детей было ещё больше). На плечи его организаторов ложились тяжёлые обязанности по его организации. Обилие присутствовавших на ёлке детей требовало продуманности проведения «ёлочного» мероприятия: его уже нельзя было пускать на самотёк, как это бывало на первых детских ёлках. А между тем концепция праздника детской ёлки и формы его проведения всё ещё не были окончательно выработаны: «Известно, какая путаница царит во взглядах на рождественское ёлочное торжество», — писал в 1889 году Б. Быстров [478, 1]. Потребность в уяснении его смысла и значения, а также в рекомендациях по его устройству ощущалась очень остро. Эту возникшую в обществе потребность осознали педагоги и детские писатели: первые занялись отбором, а вторые — сочинением подходящих для ёлки литературных произведений, многие из которых перелагались на музыку. С 1870-х годов началась подготовка пособий по устройству праздников ёлки в семьях и в детских учреждениях. Появляются популярные книги, объясняющие символику дерева и содержание праздника в его честь, а также включающие в себя предложения по проведению ёлочного торжества. По мнению составителей пособий, дети должны были принимать в этом деле самое активное участие. Книги по устройству праздника ёлки, адресованные родителям, воспитателям и учителям, составлялись преимущественно по одной и той же схеме: сперва давался краткий очерк о ёлке и смысле торжества в честь неё, после чего предлагался материал для его проведения с приложением объяснений по изготовлению детских костюмов и ёлочных игрушек, сопровождавшийся рисунками, выкройками, схемами. Практическая значимость таких изданий (в первую очередь — для школ рубежа XIX-XX веков) не вызывает сомнений: помогая организаторам уяснить, с какой целью и что именно они организуют, авторы предлагали материал и программу праздника.

Содержание и построение таких книжек даёт возможность прояснить вопрос о том, каким хотели видеть праздник ёлки русские педагоги. Подготовленное Д.Д. Семёновым пособие о ёлке «для школы и семьи» «Рождественская ёлка в живых картинах, сценах, песнях и играх» представляет собой один из первых развёрнутых опытов по составлению книжки-рекомендации для устройства праздника ёлки: с продуманной концепцией, программой, строго отобранными текстами, рисунками, нотами и т.п. В начале книжки делается попытка разобраться в вопросе о ёлке. Отметив, что ёлка становится в России всё популярнее, автор формулирует цель, которую, по его мнению, обязаны преследовать организаторы детских ёлок. Прежде всего этот праздник не должен быть для детей просто «скоропреходящим удовольствием». Устраивать его необходимо таким образом, чтобы он «приобретал воспитательное значение»:

Эти заботы, эти хлопоты, эти приготовления, эта таинственность, эти украшения и подарки, которыми обставляется «ёлка», выражают так много самой чистой и бескорыстной любви к детям со стороны родителей, родных и знакомых, влекут за собою так много радостей и удовольствий, что воспоминание об «ёлке» оставляет неизгладимый след на впечатлительную душу ребёнка.

[388, 3-4]

«Силу воспитательного влияния» ёлочного торжества в семье Д.Д. Семёнов усматривает в преподнесении ёлки детям в качестве «символа христианской любви старших к младшим». Таким образом, главный акцент в интерпретации семейных ёлок делается на том, чтобы дети

чувствовали силу родительской любви и ценили её. Школьные ёлки, по его мнению, обладают своей спецификой. Эти праздники не в состоянии возбудить тех глубоких родственных чувств, которые возникают на семейной ёлке, и поэтому в школах их прежде всего следует «обставлять» «эстетическими наслаждениями», которые должны воспитывать в детях добрые чувства. Только в таком случае они будут в состоянии восполнять недостаток семейной любви у лишённых домашних ёлок бедных детей. При должной организации, благодаря школе, и дети из необеспеченных семей, по мнению автора, получают возможность весело и счастливо проводить рождественские праздники. «Обставленная таким образом “ёлка” получит не столько увеселительный, сколько образовательный и общественный характер...» [388, 4].

Можно без особого труда заметить, что составитель книжки стремится к тому, чтобы сделать ёлку прежде всего «воспитательным» мероприятием. На том же настаивали и авторы других пособий по проведению ёлки. Б. Быстров в изданной в 1903 году «Святочной хрестоматии» также называет ёлку «воспитательным торжеством» и пишет, что «она должна пробуждать в детях добрые чувства» [479, 5]. Того же взгляда придерживается и М.Г. Липовецкий, составитель сборника «для чтения и устройства литературных вечеров в школе и дома» [229], и составительница книги «Школьный праздник “Рождественская ёлка”» К.В. Лукашевич, которая особо подчёркивает необходимость «пользы», приносимой праздником ёлки детскому организму, предоставляя ему возможность хорошо отдохнуть: «Разумно и с любовью и заботой устроенные детские праздники являются единственным гигиеническим средством для детского отдыха перед новым учением и экзаменами» [485, 4].

Подготовка к ёлке, ожидание её, восторг детей при виде «живой красавицы», ряженьё, воспоминание о ней — всё это имеет огромное значение, поэтому, по мнению составителей пособий, обычай рождественской ёлки следует распространять и поддерживать; благотворно влияют на детей и приготовления к школьным праздникам, состоящие в изготовлении ёлочных украшений, шитьё костюмов, разучивании сенок, стихотворений и песен: «...всё это даёт так много пищи для ума и сердца, развивает изобретательность и приучает к труду» [485, 4].

Религиозный момент в книжках-рекомендациях по устройству ёлок сводится к минимуму или же вообще отсутствует. Это бросается в глаза как при чтении вводных статей, так и при просмотре материала, который предлагается для устройства ёлок. По мнению Б. Быстрова, этот праздник является собственно святочным детским торжеством, поэтому его не стоит связывать с днём Рождества Христова. Ёлка «ничем не напоминает нам рождение Спасителя, а по происхождению своему она ... скорее учреждение “языческое”, чем христианское» [478, 29]. И всё же именно Б. Быстров в «примерной программе» праздника настаивает на том, что его необходимо начинать с чтения Евангельских глав, рассказывающих о событиях Рождества Христова, и только после этого переходить к его светской части. Так же поступают при построении своих сборников Н.Ф. Сумцов [332] и М.Г. Липовецкий [229].

Ёлочные мероприятия требовали от организаторов определённой развлекательной программы: для того чтобы праздник ёлки «прошёл разумно, весело, красиво, в полном порядке, учитель или учительница должны заранее выработать программу» [485, 5]. В пособия для проведения ёлок включались описания стихийно возникавших видов ёлочных развлечений, которые дополнялись другими формами, приобретая вид продуманного сценария. Составители пособий предлагали, как правило, уже апробированные (по их словам, «подмеченные нами») во многих школах и семьях «номера», которые «могут быть практикуемы в каждой школе, даже в каждой небогатой семье» [388, 5].

Во-первых, считалось необходимым, чтобы главный интерес праздника был сосредоточен на самом дереве — ёлке. Поэтому рекомендовалось отводить ёлке самое видное место: на празднике в её честь следовало декламировать стихотворения и исполнять песенки про ёлку:

«Ёлку» А.Н. Плещеева, «Ёлку» и «Привет» И.С. Никитина, «Ёлку» А.П. Полонского и др. [см., например: 261]. Корпус стихотворений, песен, пьесок про ёлку расширялся с каждым годом, постоянно пополняясь новыми произведениями, извлекаемыми из детских журналов и сборников, а также текстами, написанными самими составителями пособий по проведению ёлок. Б. Быстров, например, сочинил и рекомендовал для использования песенку «Ёлка, ёлка...», так, впрочем, никогда и не вошедшую в ёлочный репертуар:

Ёлка, ёлка прелесть, диво!
Как разубрана она,
Как обвешана красиво,
Вся подарками полна!

Точно звёздочки сияют,
Огоньки на ней горят,
А игрушки взор ласкают,
Красотой своей манят...

Ему же принадлежит и «драматическая картина» «Ёлка», сюжет которой основывается на народной сказке «Морозко» и сказке Андерсена «Ёлка». Здесь мачеха уговаривает отца отвезти падчерицу Аннушку в лес, где девочка превращается в Ёлочку, вскоре попавшую на праздник и испытывающую счастье быть центром праздничного торжества [см.: 478].

Во-вторых, праздник ёлки, ставший сезонным зимним праздником, непременно должен был включать в свой репертуар «зимнюю» стихотворную классику: «Зима... Крестьянин торжествуя...» Пушкина; «Не ветер бушует над бором...» Некрасова, «Чародейкою зимою...» Тютчева, «Бабушка-зима» («Снегом улица покрылась...») В. Соллогуба и многое другое из русской поэзии, столь богатой «зимними» текстами. Под пение песенки «Мы белые снежиночки...» девочки, наряженные в белые марлевые платица, танцевали танец снежинок. Этот «номер» уже в конце XIX века составлял непременную принадлежность детской ёлки.

В-третьих, поскольку праздник ёлки проводился на святках, то в его программу обычно входили классические святочные тексты: фрагменты из баллады Жуковского «Светлана» («Раз в крещенский вечерок...» и «Вот в светлице стол накрыт...»), «Гадание Татьяны» и «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина» Пушкина, стихотворение Фета «Гадание» и ряд других. Все эти произведения прочно срослись с праздником ёлки и закрепились за ним.

Убежденность в том, что ёлочное торжество в школе должно проходить в форме литературно-музыкального вечера, приводила к включению в рекомендации по его проведению текстов, не имеющих ни к ёлке, ни к зиме, ни к святкам никакого отношения. Непременным считалось разыгрывание сценок, постановка маленьких пьес, инсценированное исполнение песен. Авторы предоставляли свои режиссерские разработки, описание костюмов, давали советы по выбору исполнителей: какого типа ребёнок подходит к той или иной роли. В предлагавшиеся программы включён большой и разнообразный литературный материал: «Ангел и дитя» (по стихотворению И.С. Никитина «Молитва дитяти»), «Весна» (по стихотворению А.Н. Майкова «Весна! Выставляется первая рама...»); «Мужичок с ноготок» (называвшийся также «Малютка-мужичок») по «Крестьянским детям» Некрасова и др. В репертуар школьных праздников ёлки входили инсценировки народных сказок (прежде всего с «зимней» тематикой: «Морозко» и «Снегурочка») и народных игр — в берёзку («Во поле берёзонька стояла»), «в сватушки», «в козла» и пр. Рекомендовались и более сложные «номера»: хоры из оперы

Римского-Корсакова «Снегурочка», хор мальчиков из оперы Бизе «Кармен».

Ёлка в школе превращалась таким образом в светское мероприятие, преследующее воспитательные и образовательные цели, мало чем отличаясь от обычных литературных вечеров. Однако именно на этих праздниках отбирался и шлифовался набор текстов для праздника ёлки, вводились новые произведения, отпадали, навсегда забываясь, старые.

Литература сопутствовала ёлке на протяжении всей её истории в России. Именно она во многом способствовала популяризации праздника в честь ёлки и выработке её символики. Более того, при отсутствии исконной (народной) основы культа ели литература сыграла едва ли не решающую роль в процессе распространения ёлки в России. С начала 1840-х годов стихотворные и прозаические произведения о ёлке, а также очерки, в популярной форме излагающие её смысл и символику, становятся обычным явлением [см., например: 288; 338]. Помимо текстов в праздничных выпусках газет и журналов, к Рождеству выпускались сборники стихотворений, повестей и рассказов для детей, посвящённые ёлочному торжеству: «Ёлка на праздник Рождества Христова» (СПб, 1858); «Подарок детям на ёлку» (Берлин, 1870); «Ёлка. Поздравительные стихотворения на торжественные случаи для детей» (М., 1872); «Ёлка: Книжка-игрушка» (М., 1879); «Подарок детям на ёлку» (СПб, 1879); «Ёлка» (М., 1882) и многие другие [см.: 180]. К концу XIX века рождественский рассказ о ёлке становится в периодической печати обязательным компонентом праздничного выпуска, что не раз обыгрывалось писателями-юмористами. Газетчики, стремясь выполнить свою «праздничную повинность», состоящую в написании рассказа к Рождеству, «делали экскурсии в область далёкого детства», когда они сами «скакали в коротеньких панталончиках вокруг ёлки», описывали первые ёлки своих детей и т.д. [31, 4], а в шуточных руководствах для писателей, вымучивающих к праздникам рождественский рассказ, утверждали, что «без поросёнка, гуся, ёлки и хорошего человека» такой рассказ «не действителен» [292, 3].

В тех произведениях, где ёлка была представлена как главный атрибут рождественского праздника, она либо способствовала свершению счастливых событий, либо обнажала трагический разрыв, существующий между реальностью и рождественской утопией.

Для русских писателей «критического направления» изображение праздника детской ёлки уже с 1840-х годов стало удобным поводом для «вскрытия язв» российской жизни, изображения социального неравенства, лицемерия и духовной пустоты столичной и провинциальной знати.

Одним из первых к изображению «детской ёлки» обратился Достоевский. Его исполненный сарказма и горечи фельетон 1848 года «Ёлка и свадьба» посвящён описанию «детского бала», устроенного в петербургском доме «одного известного делового лица со связями, с знакомством, с интригами». Детский бал с ёлкой показан здесь как удобный для взрослых предлог «устроить свои дела». Один из гостей, наблюдая на ёлке за детьми, присматривает себе невесту — одиннадцатилетнюю девочку, за которой, как «кое-кто замечал шёпотом», имелось приданое в триста тысяч рублей. Подсчитав, во что превратится это приданое через пять лет, он прямо на празднике задумывает женитьбу на девочке, что и было им впоследствии реализовано. В представлении Достоевского, ёлка должна была служить гарантией того, что в её присутствии не могло совершаться ничего дурного. Уже своим наличием в пространстве она как бы обеспечивала безопасность, защиту ребёнка, предполагая полное равенство детей, которые «все были до невероятности милы и решительно не хотели походить на *больших*, несмотря на все увещания гувернанток и маменек». Однако на деле всё происходит иначе: возникают постыдные ситуации, которые, по Достоевскому, компрометируют не столько ёлку, сколько устроителей детского торжества. При раздаче подарков автор «не мог не подивиться мудрости хозяев»: самый дорогой подарок получила дочка самых богатых родителей. «Потом следовали подарки понижаясь, смотря по понижению рангов родителей всех этих счастливых детей». Сын

гувернантки хозяйских детей «получает только одну книжку повестей... без картинок и даже без виньетки». (Полвека спустя Лев Толстой в романе «Воскресение» напишет о том, что именно неравноценность полученных на ёлке подарков послужила толчком к началу борьбы за справедливость политического арестанта Маркела Кондратьева:

Обиду эту он почувствовал в первый раз, когда на Рождество их, ребят, привели на ёлку, устроенную женой фабриканта, где ему с товарищами подарили дудочку в одну копейку, яблоко, золочёный орех и винную ягоду, а детям фабриканта игрушки, которые показались ему дарами волшебницы и стоили, как он после узнал, более пятидесяти рублей.

[425, XIII, 405])

Наблюдая за сыном гувернантки, автор замечает, что, несмотря на малый возраст, он уже чувствует своё принижённое положение, своё место в этом обществе. Испытывая непреодолимое желание поиграть с другими детьми, мальчик не смеет, однако, подойти к ним, а решившись наконец на это, заискивающе улыбается и заигрывает с ними: одному из мальчиков отдаёт своё яблоко, другого возит на себе. И всё же «какой-то озорник препорядочно поколотил его», при том, что побитый ребёнок не посмел даже заплакать, а его маменька не только не пожалела своего сына, но «велела ему не мешать играть другим детям»: родители приглашённых на ёлку бедняков находятся в том же унижительном положении, что и их дети. Фельетон «Ёлка и свадьба» явился первым подходом Достоевского к теме ёлки и ребёнка, которая ещё не раз станет предметом печальных раздумий писателя о судьбе городских детей [123, II, 95-101].

Если «Ёлка и свадьба» Достоевского построена на противопоставлении детской ёлки (долженствующей быть символом справедливости на земле) её уродливому проявлению в жизни, то И.И. Панаев в очерке 1856 года «Святки двадцать пять лет назад и теперь» отрицает сам новомодный праздник, столь непохожий на естественное веселье старинных русских святок. Являясь страстным защитником народных святок и противником ёлки, Панаев с раздражением и язвительностью изображает праздник детской ёлки в доме «разбогатевшего петербургского выскочки». Автор негодует уже по поводу того, что детское торжество назначено на десять часов вечера: «В наше время, — пишет он, — когда не было ёлок, малютки уже покоились безмятежным сном в это время, а теперь с ёлками, в десять часов начинается для них праздник... Для них!» Весь очерк от начала и до конца выдержан в ироническом тоне. Рассказчика всё раздражает и всё приводит в негодование в устроенном для детей празднике: и то, что главной заботой хозяев являются не столько дети, сколько взрослые (в особенности знатные гости); и то, что привезённые на праздник дети выглядят, как «большие» (завитые, раздушенные, разодетые наподобие взрослых и ведущие себя, как взрослые); и то, что пятилетний сын и восьмилетняя дочь хозяина стремятся занять гостей точно теми способами, как это делают их родители. Его неприятно поражает странно сдержанная реакция детей на прекрасное разряженное дерево: «Дети обступили ёлку без шума, без крика, без удивления, без детского восторга», поскольку, как иронизирует автор, «кричат, удивляются, восторгаются только дети дурного тона». Некоторое время дети «гуляют» около ёлки, после чего начинается розыгрыш в лотерею висящих на ней подарков, причём выходит так, что «самые блестящие и дорогие подарки достаются княжнам и графине...» Свечи на ёлке тушат, а «дети расходятся недовольные, завидуя друг другу». Около четырёх часов ночи гости разъезжаются. «Так оканчивается *детская ёлка*», — заключает И.И. Панаев. Несмотря на разницу в отношении к новомодному обычаю, праздник ёлки у Достоевского и у Панаева во многом изображён сходно,

однако, в отличие от Достоевского, в очерке Панаева дети, лишённые детской непосредственности, во многом оказываются под стать своим родителям [302, 85-98].

С ещё большей желчью изображает детский праздник Салтыков-Щедрин в очерке 1857 года «Ёлка». Здесь устроенную в доме богатого провинциального купца детскую ёлку рассказчик рассматривает через оконное стекло, что предоставляет ему прекрасную возможность наблюдать со стороны за поведением как детей, так и взрослых. Если само дерево вызывает у него чувство умиления («В пространной зале горит это милое деревцо, которое так сладко заставляет биться маленькие сердца»), то дети раздражают его отсутствием непосредственности: и здесь они ведут себя подобно взрослым, «чинно расхаживая по зале» и «только издали посматривая на золотые яблоки и орехи, висящие в изобилии на всех ветвях, и нетерпеливо выжидая знака, по которому ёлка должна быть отдана им на разграбление...» И здесь дети бедных родителей, по обычаю приглашённые на праздник, испытывают то же унижение, что и в фельетоне Достоевского: сын хозяина бьёт «Оську-рядского», в то время как Оськина мать «не столько ублажает его, сколько старается прекратить его всхлипыванья новыми толчками». Для взрослых же детская ёлка становится лишним поводом выпить и закусить, что они и делают, «не теряя золотых мгновений». На этом празднике о благолепии и равенстве присутствующих на нём детей и взрослых и речи быть не может, а «милое деревцо» ни в малой мере не способствует созданию атмосферы «мира и в человецех благоволения» [370, II, 234-235].

К теме несоответствия идеи праздника ёлки российской реальности, извращающей его смысл, в 1876 году вновь возвращается Достоевский, когда в «Дневнике писателя» делится своими впечатлениями от ёлки, устроенной в клубе художников. Внимание писателя прежде всего привлечено к поведению детей, в которых он (подобно Панаеву и Салтыкову-Щедрину) отмечает «раннюю испорченность»:

Тут были даже шестилетние дети, но я наверно знаю, что они уже в совершенстве понимали: почему и зачем они приехали сюда, разряженные в такие дорогие платьица, а дома ходят замарашками... Мало того, они наверно уже понимают, что так непременно и надо, что это вовсе не уклонение, а нормальный закон природы.

[123, XXII, 9]

Тема искажения идеи праздника детской рождественской ёлки развивается и в рассказе Леонида Андреева 1899 года «Ангелочек». В доме богачей Свешниковых мальчики ещё до того, как их пускают к ёлке, стреляют друг в друга пробками из игрушечного ружья, так что у многих из них распухают носы, в то время как девочки смеются, «прижимая обе руки к груди и перегибаясь...» Предупредив детей о необходимости соблюдать тишину, взрослые наконец пускают их в помещение с ёлкой:

Заранее вытирашив глазёнки и затаив дыхание, дети чинно, по паре, входили в ярко освещённую залу и тихо обходили сверкающую ёлку. Она бросала сильный свет без теней на их лица с округлившимися глазами и губками.

Мальчик Сашка, приглашённый на ёлку из милости хозяев, чувствует здесь себя чужим и озлобленным: «Сашка был угрюм и печален, — что-то нехорошее творилось в его маленьком изъязвленном сердце». Чужой и враждебной кажется ему и сама ёлка, ослепляя его «своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей», равно как чужими были для него «столпившиеся вокруг неё чистенькие, красивые дети, и ему хотелось толкнуть её так, чтобы она

повалилась на эти светлые головки» [13, I, 161-162].

Именно этот рассказ Леонида Андреева явился иллюстрацией к мрачным мыслям Блока о переменах, произошедших в русской жизни на рубеже веков. В 1906 году в журнале «Золотое руно» (№ 11-12) была опубликована его статья «Безвременье», в которой наступившее российское безвременье поэт связывает с извращением самой идеи семейного детского праздника. Снова обращаясь к теме несоответствия его исконного смысла современной реальности, Блок идеализирует прошлое, утверждая, что в русской жизни было время, когда этот праздник отвечал его высокому назначению, создавая прекрасную жизненную гармонию:

Был на свете самый чистый и светлый праздник. Он был воспоминанием о золотом веке, высшей точкой того чувства, которое теперь уже на исходе, — чувства домашнего очага. Праздник Рождества был светел в русских семьях, как ёлочные свечки, и чист, как смола. На первом плане было большое зелёное дерево и весёлые дети; даже взрослые, не умудрённые весельем, меньше скучали, ютясь около стен. И всё плясало — и дети и догорающие огоньки свечек.

Здесь Блок и вспоминает «Ангелочка» Леонида Андреева:

Мальчик Сашка у Андреева не видал ёлки и не слушал музыки сквозь стекло. Его просто затащили на ёлку, насильно ввели в праздничный рай. Что же было в новом раю? Там было положительно нехорошо.

Ссылаясь на рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», Блок пишет, что Достоевский видел в семейном празднике ёлки «непоколебимость домашнего очага, законность нравов добрых и светлых». Однако уже Достоевский, по мнению Блока, предчувствовал наступление нового века: «Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты во вьюжную площадь» [46, V, 66-70].

Достоевский написал свой фельетон «Ёлка и свадьба» в 1848 году, во времена (по словам Блока) «добрых и чистых нравов русской семьи», но многим ли отличается детская ёлка в изображении Достоевского оттого, как её изобразил Леонид Андреев в конце века и как её ощущал Блок в эпоху «безвременья», в 1906 году? Мрачная и печальная русская литература уже с первых лет появления ёлки в России дискредитировала реальность, не соответствующую прекрасной идее райского дерева.

Сюжет «Чужая ёлка»

*А другие дети
Тоже Божьи пчёлки,
Лишь в окно глядели
На чужую ёлку...*

И. П-въ. «Серёже Пассек».

Как в европейской, так и в русской литературе образ Христовой ёлки, который уже рассматривался нами в связи с мифологией рождественского дерева, оказался тесно связанным с сюжетом о ребёнке-сироте, который смотрит в окно на ёлку в богатом доме. Первым известным

произведением, написанным на этот сюжет, стала опубликованная в 1816 году рождественская баллада немецкого поэта Фридриха Рюккерта (1788-1866) «Ёлка ребёнка на чужбине» («Des fremden Kindes heiliger Christ»), где ребёнок-сирота бегает по улицам города и заглядывает в освещённые окна богатых домов, за которыми он видит украшенные свечами ёлки. На сердце ребёнка становится невыносимо тяжело. Рыдая, он обращается с жалобой к Христу: «У каждого ребёнка есть сегодня своя ёлка, свои свечи, они доставляют ему радость, только у меня, бедного, её нет». К сироте приближается другой ребёнок в белом одеянии и со свечечком в руках, который говорит: «Я — Христос, день рождения которого празднуют сегодня, я был некогда ребёнком, — таким, как ты. И я не забуду о тебе, даже если все остальные позабыли... Я заставлю твою ёлку сиять здесь, на открытом воздухе, такими яркими огнями, какими не сияет ни одна там, внутри». И сиротка вдруг увидел на небе «свою ёлку», сверкающую звёздами, и сердце его забилось, и он почувствовал себя как во сне. Спустившиеся с ёлки ангелочки увлекают его с собою наверх, к свету. Так дитя-сирота попадает на ёлку к Христу и забывает обо всём, что было «уготовано ему на земле» [123, XXII, 322-323]. Баллада Рюккерта получила в Европе широкую известность и породила большое количество подражаний. На русский язык она переведена не была, однако многие тексты свидетельствуют о её известности в России уже с 1840-х годов [см.: 453, 370-390].

С середины XIX столетия сюжет о «чужой ёлке» становится одним из самых распространённых на страницах рождественских номеров массовых и детских периодических изданий. Разглядывание бедным ребёнком через окно ёлки в богатом доме делается его обязательным мотивом. Этот сентиментальный сюжет разыгрывался в нескольких вариантах.

В первом варианте ребёнок-сирота, рассматривающий ёлку через оконное стекло, замерзает и в предсмертном сне видит своих умерших родителей, Христа и Христову ёлку. Самой известной русскому читателю разработкой этого варианта стал рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» (1876). Только что осиротевший шестилетний ребёнок бродит по холодному городу и видит в освещённых окнах ёлку:

А это что? Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это ёлка, а на ёлке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков ... Глядит мальчик, дивится, уж и смеётся, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить.

[123, XXII, 35]

Со временем этот рассказ Достоевского приобрёл репутацию хрестоматийного рождественского текста и многократно переиздавался в сборниках и в святочных хрестоматиях [см., например: 299; 314; 332]. Несмотря на трагический конец, этому варианту свойственна светлая тональность: страдания ребёнка на земле сменяются блаженством вечной жизни на небе и воссоединением его с родными. Для произведений, разрабатывающих этот вариант, образцом служили и другие европейские рождественские тексты, как, например, «Девочка с серными спичками» Андерсена, хорошо известная русскому читателю уже с начала 1840-х годов:

Морозным утром за выступом дома нашли девочку: на щеках её играл румянец, на губах — улыбка, но она была мертва; она замёрзла в последний вечер старого года.

Одно из стихотворных переложений этой сказки, сделанное Л.Н. Трефолевым в 1873 году, заканчивается тем, что явившаяся при свете горящих спичек бабушка

Малютку на руки взяла,
И в небесах она предстала,
Где нет ни горя, нет ни зла...
И Новый год настал. Малютку
Нашли сидящей у стены.
Все спички, сложенные в грудку,
У ней уж были сожжены.

[431, 274]

Действие русских переложений сюжета о «чужой ёлке» обычно переносится в современную российскую обстановку, обрастая деталями местного быта. Так, например, в рассказе А.В. Круглова «Заморыш» (1882) деревенский мальчик, служащий в городе «в людях», засматривается на ёлку в окне богатого дома и в предсмертном сне видит святки в родной деревне [203, 1-2]. О мальчишке-сироте, служащем «в людях», повествует и рассказ Стеценко «Стёпкина ёлка» (1888), герой которого в Сочельник бежит из города домой в деревню, засматривается по дороге на «чужую ёлку» и, замерзая, перед смертью видит во сне родной дом [412, 1099-1107]. В рассказе Е.О. Дубровиной «К вечному свету» (1884) такой же деревенский ребёнок в тоске по родной деревне идёт домой, теряет в лесу и засыпает. Во сне ему чудится ёлка и поцелуи отца [125, 1792-1799, 1832-1837]. В рассказе К.М. Станюковича «Рождественская ночь» (1894) мальчик, просящий рождественским вечером милостыню на улицах сибирского города, долго любуется ёлкой, стоя под окном богатого дома; дядя-пьяница, забрав у него милостыню, избивает его. Мальчик заболевает и в предсмертном сне видит блестящую ёлку, лицо своей умершей матери и ощущает её горячие поцелуи [410, 5-14]. В рассказе В.Я. Светлова «К звёздам» (1897) голодный и замёрзший больной ребёнок видит перед смертью чудные сны [376, 1203-1211].

Второй вариант сюжета о «чужой ёлке» отличается от первого лишь отсутствием мотива предсмертного сна-видения: ребёнок любуется ёлкой в окне богатого дома, замерзает, и утром люди находят его трупик. Такая концовка придавала тексту безнадежно трагическую окраску: «Мириады звёзд смотрели с неба на маленького Боруха, спавшего под снежной пеленой счастливым сном, от которого не просыпаются» [294, 3]; «До самого утра глядел в комнату мёртвый Фриц» [469, 3].

В третьем варианте этого сюжета ребёнок не умирает: он с восторгом рассматривает ёлку в окне, мечтает о такой же ёлке для себя и бредёт дальше своей дорогой. Безукоризненным и — одновременно — испошленным воплощением этого варианта является стихотворение неизвестного автора, напечатанное в 1896 году в газете «Новое время»:

В лохмотьях, продрогший, голодный
Стоял мальчуган под окном
Виднелась зажжённая ёлка
Ему за вспотевшим стеклом...

Как много красивых игрушек!
Хлопушки и звёзды блестят...
Вкруг бегают резвые дети,
Их лица весельем горят.

А сколько орехов, гостинцев!
А как там уютно, светло!
Подарки... Счастливые дети,
Как им хорошо и тепло.

И долго на радость чужую
Глядел он с невольной тоской
И думал, любуясь на ёлку:
«Хоть раз бы мне праздник такой!»

[398, 2]

И наконец, ещё один, четвёртый, вариант сюжета о ребёнке и о «чужой ёлке». В этом случае замерзающего ребёнка подбирает прохожий, приводит его к себе домой, кормит, поит, укладывает спать, а иногда — оставляет его у себя навсегда. Концовка текстов, разрабатывающих этот вариант, совпадает с известным «Сироткой» («Вечер был; сверкали звёзды...»), где прозябшего и посиневшего «малютку» «приютила и согрела» старушка: она накормила его и уложила в кроватку, после чего «малютка» «улыбнулся, закрыл глазки и уснул спокойным сном» [316, 129]. Это стихотворение, написанное в начале 1840-х годов К.А. Петерсоном (пасынком Ф.И. Тютчева), было подвергнуто народной обработке и стало популярной песней. В рассказе Н.И. Познякова «Без ёлки» (1902) извозчик, увидев перед окном богатого дома рассматривающего ёлку маленького мальчика, берёт его к себе в семью четвёртым ребёнком [326, 23-31]. Аналогичный сюжет разрабатывается К.С. Баранцевичем в рассказе «Мальчик на улице» (1896) [23, 301-321]. В рассказе П.В. Засодимского «В метель и вьюгу» (1905) в первый день Рождества на улицу выходит рабочий для того, чтобы позвать первого встречного ребёнка к себе на ёлку, которую он устроил в память своего умершего маленького брата. Он находит в снегу полузамёрзшую девочку, приносит её к себе домой и, узнав, что она круглая сирота, оставляет её у себя [150]. Данный вариант в наибольшей степени соответствовал рождественской идиллии диккенсовского типа.

Некоторые авторы, стремясь следовать схеме рождественского рассказа со счастливым концом, «обеспечивают» малютку своей ёлкой. В рассказе К.М. Станюковича «Ёлка» (1894) маленький петербургский нищий-попрошайка, вернувшись с «работы» в «трущобную» квартиру, с восторгом рассказывает своему опекуну- «майору» про ёлку, которую он видел в окне чужого дома, после чего «майор», вспомнив ёлки своего детства, крадёт серебряные ложки, продаёт их и устраивает своему заболевшему приёмышу рождественский праздник с ёлкой. Мальчик изумлён, ему кажется, что ёлка ему привиделась во сне. Не в меньшем восторге был и сам «майор»:

Он довольно скоро распил с Матрёной Ивановной полштоф и любовно поглядывал на своего товарища и на ёлочку, осветившую радостным светом их убогую каморку и горемычную жизнь.

[410, 17-32]

Иногда сюжет о «чужой ёлке» сворачивался в проходной эпизод текста, как, например, в рассказе А.И. Куприна «Чудесный доктор» (1897), где два бедных мальчугана рождественским

вечером бегут по улицам Киева, преодолевая соблазн полюбоваться на виднеющиеся в окнах ёлки:

...сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели ёлку ... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

[211, II, 269]

Возникший в городе культ ёлки привёл к тому, что в рождественских текстах темы города, ёлки и ребёнка оказались тесно связанными: в бездушном и бесчеловечном городе ёлка становилась единственным его защитником. Российская действительность давала этому сюжету множество реальных подтверждений. В очерке «Мальчик с ручкой» 1876 года Достоевский писал:

Перед ёлкой и в самую ёлку перед Рождеством я всё встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьём, значит, его всё же кто-то снаряжал, посылая.

[123, XXII, 13]

Именно этот случай, по свидетельству писателя, и подтолкнул его написать «Мальчика у Христа на ёлке». В рассказе К.С. Баранцевича «Мальчик на улице» (1896) старик, бродящий в Сочельник по главной улице города, при встрече с маленьким нищим думает о нём:

Жалкое отродье городского пролетариата, какой-нибудь незаконнорождённый сынишка прачки или лакея, вечный обитатель душных подвалов и заплесневелых углов!..

[23, 309]

Оригинальная версия сюжета «чужой ёлки» дана М.Е. Салтыковым-Щедриным в рассказе «Ёлка», включённом в «Губернские очерки» [370, II, 233-240], о котором уже говорилось в другой связи. Здесь сам рассказчик, засмотревшись на ёлку в окне «крутогорского негоцианта», вдруг замечает рядом с собой замёрзшего («подскакивающего с ноги на ногу») мальчугана, внимание которого также приковано к ёлке. Мальчик подплясывает «на одном месте, изо всех своих детских сил похлопывая ручонками, заочневшими на морозе». На первый взгляд, ребёнок этот напоминает рассказчику знаменитого «малютку»: он замёрз, он один поздним вечером на улицах пустого города, он с завистью смотрит на «чужую ёлку» и мечтает о такой же ёлке для себя («— Вот кабы этакая-то ёлка..., — задумчиво произнёс мой собеседник»). И этим его мечтам, подобно мечтам других «малюток», также не суждено сбыться («— А дома у вас разве нет ёлки? — Какая ёлка! У нас и хлеба почти нет...»).

При виде этого мальчика рассказчик, «имея душу чувствительную», настраивает и себя самого, и своего читателя на сентиментальный лад. Но тут же оказывается, что крутогорский мальчуган — отнюдь не традиционный «малютка»: он вовсе не «голодный и холодный» сирота, а вполне «домашний» ребёнок: у него есть родители, он одет в дублённый полушубок, а на далёкой тёмной улице оказался по своей собственной вине, за что его «тятка беспрерывно заругает». Реплики мальчика свидетельствуют о том, что его интересует не только ёлка, а, может быть,

даже не столько ёлка, сколько происходящие внутри помещения события отнюдь не праздничного характера. С живым любопытством наблюдая за тем, как хозяйский сын «задирает» «Оську-рядского», он ни в малейшей степени не сочувствует Оське: «...Ишь разревелся смерд этакой! Я бы те не так ещё угостил!» Вместо ожидаемой солидарности с обижаемым бедным мальчиком, он презирает его: «Эка нюня несообразная! — прибавил он с каким-то презрением, видя, что Оська не унимается». Более того, он сам испытывает желание «задрать» бедного Оську: «“Я бы ещё не так тебе рожу-то насолил!” — произнёс мой товарищ с громким хохотом, радуясь претерпенному Оськой поражению». Так под пером Салтыкова-Щедрина традиционный «малютка» превращается в энергичного, знающего себе цену и умеющего постоять за себя мальчика, вполне уверенного в себе и ориентирующегося в окружающей его обстановке. Этот маленький герой — будущее губернского города — менее всего способен вызвать чувство умиления. Показательно, что в первом и во втором изданиях «Губернских очерков» этот рассказ имел название «Замечательный мальчик».

Автор получил предупреждение. Но всё ещё погружённый в праздничную ауру, он, доверяя своему впечатлению, совершает шаг, который вполне соответствует сентиментальной схеме: подобно старушке из стихотворения «Сиротка», он, проникшись «состраданием к бедному мальчику», приглашает его к себе домой. «Ёлочный» сюжет, как может показаться, развёртывается в соответствии с четвёртым вариантом: «малютка» подобран.

Однако вместо ожидаемой идиллии и перед рассказчиком, и перед читателем развёртывается вовсе не сентиментальная сцена. В гостях мальчишка ведёт себя крайне развязно и насмешливо по отношению к взрослым: он тут же залезает с ногами на диван, «минуя сластей, наливает в рюмку вина и залпом выпивает её». Разочарованный рассказчик с горечью констатирует: «Мне становится грустно; я думал угостить себя чем-нибудь патриархальным, а вдруг встретил такую раннюю испорченность». То «патриархальное», чем намеревался «угостить» себя рассказчик, — это и есть ожидаемый финал сюжета о «малютке». Если бы мальчик, благодарный за приют и угощение, «улыбнулся, закрыл глазки и уснул спокойным сном», рассказчик получил бы то, на что он себя настроил. Но вышло по-другому, и, испытывая чувство стыда и досады, он отправляет домой «почти пьяного» мальчишку. Традиционный сюжет и традиционный образ («канонизированный дрожащий от холода малютка» [415, 3]) оказываются несоответствующими реальности. Щедринская разработка сюжета «чужой ёлки» предвосхищает вопрос, поставленный Достоевским относительно героя «Мальчика у Христа на ёлке»: «На другой день, если бы этот ребёнок выздоровел, то во что бы он обратился?» И, сам отвечая на него, писатель с горечью констатирует, что со временем «эти дети становятся совершенными преступниками» [123, XXII, 14].

Таким образом, у Салтыкова-Щедрина схема сентиментального рождественского сюжета подвергается существенной ломке. Автор как бы играет «в обманки» со своим читателем. Он создаёт знакомую ситуацию, литературный штамп, и тем самым подсказывает её развитие. Но следующий за нею сюжетный ход не соответствует привычной схеме, и в результате читательское ожидание оказывается обманутым. Эта игра «в обманки» ведётся не только с читателем, но и с рассказчиком: жизнь предлагает ему не предсказуемый литературный вариант, на который он настроился, но «суровую реальность».

Салтыков-Щедрин высмеивает и развенчивает как банальный сюжет «чужой ёлки», так и своего рассказчика, увидевшего в ребёнке «достаточную жертву для своих благотворительных затей». Истинное милосердие оборачивается здесь пустыми «благотворительными затеями», а сам ребёнок превращается в «жертву благотворительности». Отсюда и то чувство стыда, которое испытывает рассказчик после пережитого им инцидента: «Мне ужасно совестно перед самим собою, что я так дурно встретил великий праздник». Отсюда и заключающие очерк слова его

молитвы, представляющие, как убедительно показал М.В. Строганов, реминисценции из стихотворения Пушкина «Отцы пустынноики и жёны непорочны...» и молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» [413, 58-66]. Так ёлка, призванная на Рождество для того, чтобы люди не забывали закон любви и добра, милосердия и сострадания, через своеобразное разыгрывание сюжета «чужой ёлки» привела автора к осуждению своего собственного праздномыслия и к необходимости проникновения истинным, а не показным (или, скорее, здесь — самопоказным) милосердием и «деятельною, разумною любовью», которые только и дают право на проникновение «в сокровенные глубины... души».

Щедринский вариант сюжета намечен и в очерке Н.И. Мердер «Из жизни петербургских детей (Нищенки)». Здесь после описания роскошного детского праздника ёелки в богатом петербургском доме действие по контрасту переносится на чёрную лестницу, куда было выставлено ободранное на празднике дерево. Две маленькие петербургские нищенки захотели «ощипать» оставшееся на нём сусальное золото и спросили на это разрешения у кухонных работников. Разговор работников с девочками показывает, что дети уже вполне усвоили суровые законы петербургской жизни [378, 11-118].

Рассматривание бедным ребёнком елки в окне богатого дома, его смерть рождественской ночью в равнодушном и бесчеловечном городе, детские предсмертные видения ёлки у Христа или умерших родителей — все эти элементы со временем стали расхожими в «ёлочной» литературе, породив в конце концов пародии на этот сюжет, о котором Б.В. Томашевский писал: «“А в небе блистали звёзды” или “Мороз крепчал” (это — шаблонная концовка святочного рассказа о замерзающем мальчике)» [429, 193].

К концу XIX века избитость сюжета о замерзающем ребёнке (иногда с ёлкой в окне богатого дома, а иногда и без ёлки [см., например: 252, 3]) достигла такой степени, что он превратился в одну из постоянных тем иллюстраций в массовых еженедельниках. Так, например, на помещённом в «Ниве» в 1894 году рисунке И. Галкина «Чужая ёлка» изображён мальчик, стоящий перед окном дома, в котором светится роскошная ёлка [273, 1277]. Без отсылки к этому сюжету не обходилась ни одна пародия на рождественские тексты. В 1894 году Максим Горький в газете «Нижегородский листок» напечатал святочный рассказ «О мальчике и девочке, которые не замёрзли», начинающийся такими словами:

В святочных рассказах издавна принято замораживать ежегодно по несколько бедных мальчиков и девочек. Мальчик или девочка порядочного святочного рассказа обыкновенно стоят перед окном какого-нибудь большого дома, любуются сквозь стекло ёлкой, горящей в роскошных комнатах, и замерзают, почувствовав много неприятного и горького.

[99, 2]

В другом пародийном святочном тексте Горький замечает:

Рождественские рассказы все пишут одинаково — берут бедного мальчика или девочку и замораживают их где-нибудь под окном богатого дома, в котором обыкновенно горит ёлка. Это уже вошло в обычай...

Далее от имени писателя, сочиняющего к празднику святочные рассказы, Горький иронизирует по поводу чувств, которые вызывают подобные сцены:

Я замораживаю людей из добрых побуждений: рисуя их агонию, я этим возбуждаю

у публики гуманные чувства к униженным и оскорблённым.

[100, 23]

С.В. Потресов, характеризуя литературную продукцию газетчика — мастера святочного жанра, писал:

В рассказах Николая Евграфовича фигурировали и сходящиеся в эту ночь после долгой ссоры супруги, и замерзающие дети...

[494, 3]

В одном из пародийных текстов, опубликованных в «Самарской газете» в 1899 году, рассказывается о том, как девочка читает своему деду рождественский выпуск газеты, в то время как дед предугадывает каждый очередной материал. Он сам пересказывает сюжет о «чужой ёлке», в деталях совпадающий с текстами, о которых говорилось выше:

Подожди, Липочка. Дальше описывается большой, ярко освещённый дом на углу главной улицы; в доме богато украшенная ёлка, множество гостей, множество нарядных детей, весёлых, довольных, а в окно, с улицы, заглядывает бедный, плохо одетый мальчик, которого пьяный мастер жестоко отколотил за разбитую бутылку водки, вытолкнул ночью из сырого подвала и приказал принести новую бутылку водки; мальчик упал, потерял деньги, долго плакал, не пошёл в свой подвал из боязни получить новые побои, озяб сильно, долго бродил по улицам, набрёл на этот дом, с восхищением и завистью смотрел в окно на украшенную ёлку и... смотри уже в самом конце упал под окном в снег, сначала стал засыпать и видел во сне чудесную ёлку, а потом замёрз... Так?

[31, 209]

Внучка вынуждена согласиться. Тот же сюжет пародируется и Б.С. Миркиным-Герцевичем при изображении Рождества 1917 года:

Возле них стоял мальчик, и вовсе не нужно было обладать исключительной прозорливостью, чтобы узнать в нём знаменитого замерзающего мальчика. Он продрог в эту холодную рождественскую ночь, и теперь затяжка папиросой могла оживить его окоченевшие члены.

[258, 217]

Память об этой заезженной литературной схеме сохранил даже советский сатирический журнал «Крокодил», один из авторов которого в 1937 году с удовольствием вспоминал о том сюжетном «разнообразии», которое предоставляли писателям старые святочные рассказы:

Взять хотя бы этого замерзающего мальчика. Сколько там можно было навернуть ситуаций. Этот мальчик мог и не замёрзнуть...

[197, 220]

О мимикрии образа «замерзающего ребёнка», в советской культуре превратившегося в «замёрзшую пионерку», в комментариях к романам Ильфа и Петрова, писал Ю.К. Щеглов [488, 493].

Возникший в немецкой рождественской литературе начала XIX века сюжет о ёлке в богатом доме и замерзающем ребёнке, став в полном смысле этого слова интернациональным, прошёл по всем странам, усвоившим обычай рождественской ёлки, и быстро превратился в затасканное клише. Как правило, это были однообразные и малооригинальные тексты, которые из года в год появлялись в праздничных номерах массовой периодики. Но русскому читателю этот сюжет «подарил» два шедевра — «Ёлку» Салтыкова-Щедрина и «Мальчика у Христа на ёлке» Достоевского.

«Ёлка» Андерсена в русской традиции

Сколько вас, милые ёлки, погубится?!

П. Кильберг. «Ёлка»

*Там зимой в мороз крещенский,
В ярких блёстках и огнях,
Ёлки мёртвые сверкают,
Точно звёзды в небесах...*

К.М. Фофанов. «Сон ёлки»

В 1888 году Д.М. Кайгородов писал в газете «Новое время»: «В последние годы стали появляться в рождественских номерах детских журналов и даже некоторых газет сентиментальные статейки — большей частью в форме сказок, иногда прекрасно написанных, в которых на разные лады изображаются чувства и ощущения “бедных ёлочек”, подвергавшихся срубке, для фигурирования в качестве “рождественских ёлок”» [172, 1]. Сюжет, на который указывает автор статьи, действительно стал одним из самых ходовых в русской «ёлочной» литературе. Его истоком послужила известная русскому читателю с начала 1840-х годов сказка Андерсена «Ёлка», героиня которой, молодая ёлочка, не умея насладиться своим настоящим — жизнью в лесу, в естественных для неё условиях, переживает счастливый миг, свой звёздный час, на детском рождественском празднике и кончает жизнь на чердаке, где она рассказывает мышам обо всём пережитом ею. И только тогда прошлое предстало в её сознании как неосознанное вовремя счастье: «И хоть бы я радовалась, пока было время! — думает она. — А теперь... всё прошло, прошло!» [12, 159]. Это произведение знаменитого датского сказочника многократно перелагалось прозой и стихами, как это было сделано, например, О.С. Штейном в стихотворении «Ёлка» (1901):

В лесу дремучем в час ночной
Качалась ель, полна печали.
Страдала ель в тиши лесной.
Мечты о блеске увлекали...
И вот холодным топором
Срубили ёлку в час единый...

Всё изменилось кругом,
Явились чудные картины...
Огнями пышный зал залит,
И ель украшена нарядно;
Она горит, она блестит.
Ей так приятно, так отрадно...
А утром... утром вдруг она
В пустом сарае очутилась.
Лежала там обнажена
И в хлам негодный превратилась.
И загрустила горько ель
О тёмном лесе, где мечтала,
И где порой её метель
В наряд прекрасный одевала.

[487, 1; см. также: 375, 2-3]

Чудесная сказка Андерсена представляет собой аллегорию человеческой жизни: неудовлетворённость настоящим, мечты о прекрасном и неизвестном будущем, воспоминания о навсегда ушедшем и вовремя не оценённом прошлом. В русских перепевах и переделках этой сказки аллегорический момент, как правило, отсутствует. Произведения о жизни ёлочки и о её участии в детском торжестве, по преимуществу, являлись откликом на полемику о рождественском дереве в России: нужна или не нужна ёлка на Рождество, стоит ли из-за этого губить дерево, жертвовать им ради мимолётного удовольствия, приносимого ею детям, — вот те вопросы, которые решались авторами текстов о судьбе ёлочки. Как оказалось, этот простенький сюжет предоставил довольно широкие возможности для варьирования, и в каждом новом переложении акцент, в зависимости от намерений автора, делался на разных его аспектах. Сюжет о судьбе ёлки использовали как те, кто заботились о сохранности русского леса, горюя о погубленных ёлках и описывая страдания срубленного дерева, так и защитники утверждающегося высокопоэтического обычая, которые оправдывали гибель дерева, использованного на Рождество в роли христианского символа. Исходя из позиции, которую занимал автор, и ёлочка, как главная героиня произведения, либо сожалела об утраченном навсегда лесе, либо радовалась тому, что она сподобилась высокой чести быть центром праздничного торжества.

Особенно популярным этот сюжет становится к концу XIX века, когда появляются рассказы, картинки и сценки о продаже ёлок на рождественских базарах [см., например: 301, 2-3] и первые «экологические» тексты, в которых звучит тревога по поводу уничтожения лесов [см., например: 108]. В рассказе Д.М. Кайгородова «Ёлка» растущее в лесу красивое еловое дерево испытывает счастье от того, что его по чистой случайности не срубили к Рождеству [168, 234-239], а в рассказе Ф.Ф. Тютчева «Горе старой ёлки» старая корявая ель, когда в лес приходят порубщики, беспокоится не столько за себя, сколько за растущую рядом с ней подругу, маленькую красивую ёлочку, и когда её срубают, старое дерево от огорчения падает и насмерть придавливает мужика [438, 1-2].

В этих незамысловатых нравоучительных перепевах андерсеновского сюжета освещались и социальные проблемы, как, например, в сказочке Н.И. Познякова «Счастливая и кичливая» (1902), где рассказывается о судьбе двух ёлок, красивой и некрасивой: обе перед Рождеством

были срублены, использованы на празднике, а потом выброшены в мусорную яму, где они, снова оказавшись вместе, рассказывают друг другу о пережитом.

В отличие от красивой ёлки, которая была установлена в богатом доме для избалованных детей, оставшихся к ней равнодушными, некрасивая испытала подлинное счастье, доставив радость бедному мальчику, купившему её для своей больной сестры [326, 3-22]. В «Сказке о двух ёлках» А.Н. Сальникова (1888) речь также идёт о двух ёлках-подругах, срубленных к Рождеству и проданных у Гостиного двора. Одна из них, большая и красивая, попав в богатый дом, не принесла сыну хозяев и доли того счастья, которое доставила маленькая ёлочка, «с простенькими бумажными фонариками на тоненьких ветках», проданная всего за 20 копеек. Бедная старушка купила её для своих внуков, которые были безмерно счастливы, получив на Рождество ёлочку. После праздника оба дерева выбрасывают на помойку, откуда их достают дети и втыкают на вершину горки, с которой они катаются на санках. «Подружки» снова оказываются вместе и рассказывают друг другу обо всём ими пережитом [372]. В рассказе С. Лаврентьевой «Добрые души» (1901) говорится о разной участи уже не двух, а трёх ёлок [215].

Одним из самых известных дореволюционных текстов о ёлке на сюжет сказки Андерсена стало стихотворение К.М. Фофанова, которое под названием «Сон ёлки» (1887) печаталось во многих «ёлочных» антологиях. Это стихотворение, построенное по схеме лермонтовского «Сна», повествует о стоящей в зале наряженной ёлке, грезящей о родном лесе, а в лесу в то же самое время несрубленные ёлки грезят о празднике в их честь:

Нарядили ёлку в праздничное платье:
В пёстрые гирлянды, в яркие огни,
И стоит, сверкая, ёлка в пышном зале,
С грустью вспоминая про былые дни.
Снится ёлке вечер месячный и звёздный,
Снежная поляна, грустный плач волков
И соседи-сосны, в мантии морозной,
Все в алмазных блёстках, в пухе из снегов.
И стоят соседи в сумрачной печали,
Грезят и роняют белый снег с ветвей...
Грезится им ёлка в освещённом зале,
Хохот и рассказы радостных детей.

[450, 385]

В большинстве текстов, написанных на этот сюжет, ёлочки, подобно героине андерсеновской сказки, мечтают попасть на праздник и иногда даже сами просят срубить их: за несколько минут счастья они готовы заплатить жизнью [360, 7]. Но, оказавшись на празднике, стоя наряженными в центре залы, они тоскуют по родному лесу, горько сожалея об его утрате. В «рождественской сказке» К.С. Баранцевича ёлке «в предсмертной дремоте» чудятся «звуки родного леса». «Зачем оставила родимый лес?», — думает она, умирая [141, 48-59]. В стихотворении Ф.Е. Дорова «О чём грезила ёлочка» разукрашенное дерево «вспоминает край родной»,

...птичек стайки,
Как они к ней прилетали.

Как под ней в сугробах зайки,
Схоронившись, отдыхали.

[121, 56]

В стихотворении О.А. Белявской «Ёлка» убранное в пышный наряд дерево беззвучно роняет смолистые слёзы оттого, что

Ноет в стволе её рана глубокая,
Сердце ей точит печаль:
Леса родимого, леса далёкого
Ёлке мучительно жаль.

[38, 359-360]

Все срубленные деревья ожидает печальный конец: одним предстоит быть сожжёнными в печке, как это происходит с ёлкой в стихотворении Е.А. Бекетовой «Ёлка и птичка» (1888) [33, 1-2], других выбрасывают на помойку, третьих, как негодный хлам, выносят в сарай, на чердак, на чёрную лестницу или же, как в рассказе Н.А. Лейкина «Записки рождественской ёлки» (1883), делают из их ствола палку для метлы [221, 3-5]. Стоя наряженными в зале, они уже ощущают приближение смерти: «И в глубокой ночной тишине, вся озарённая серебристым светом луны, медленно-тихо умирала ёлочка» [141, 59].

Стремясь оправдать смерть дерева тем высоким предназначением, которое оно выполняет на празднике Рождества, некоторые авторы возвеличивают ёлку, принесшую себя в жертву: когда вокруг неё собираются дети и она видит, как «дышат весельем их лица счастливые, / Радостью блещут живой», это зрелище ей «горе смягчает тяжёлое». Полная «тайной отрадой», гордая исполненным долгом, перед смертью она вспыхивает «ярко огнями весёлыми» [38, 359-360]. В стихотворении Ф.Е. Дорова «О чём грезила ёлочка» героиня думает:

А теперь — какое счастье!
Всюду радостные лица,
От детей почёт, участие,
Здесь она для них царица.
Пусть, когда потушат свечи
И гостинцы снимут с веток,
Уж о ней не будет речи
У беспечных малых деток.
Для неё того довольно,
Что кругом все веселятся,
Не беда, что веткам больно,
Что они горят, дымятся.

[121, 56]

Именно к этой группе текстов, посвящённых судьбе ёлки, срубленной к Рождеству, можно

отнести и нашу главную песенку о ёлке, начинающуюся всем памятной строкой «В лесу родилась Ёлочка...»

Главная песня о ёлке («В лесу родилась Ёлочка...»)

В конце 1903 года в истории русской ёлки произошло знаменательное событие, которое прошло тогда никем не замеченным: на первых страницах рождественского номера журнала «для самых маленьких детей» «Малютка» было напечатано стихотворение «Ёлка», подписанное псевдонимом «А.Э.». Оно представляет собой небольшую стихотворную пьеску под названием «Ёлка», в которой дети водят хоровод вокруг ёлки и поют о ней песенку. Текст был воспроизведён на фоне рисунка, изображающего тот момент, когда детей вот-вот должны выпустить в помещение, где установлена ёлка: через отворённые двери видно стоящее на столе широкое, разлапистое и разукрашенное дерево с зажжёнными на нём свечами. Под ним разложены подарки: лошади, куклы, пакеты... Пожилая седовласая дама, стоя в дверях, звонит в колокольчик. Рядом с ней — молодая девушка, видимо, участвовавшая в украшении ёлки. Дети, замороженные видом сияющего дерева, смотрят на него через дверной проём. Праздник вот-вот начнётся... Поскольку напечатанный в «Малютке» текст мало кому известен целиком, приведу его полностью:

Гнутся ветви мохнатые
Вниз к головкам детей;
Блещут бусы богатые
Переливом огней;
Шар за шариком прячется,
А звезда за звездой,
Нити светлые катятся,
Словно дождь золотой...
Поиграть, позабавиться
Собрались детки тут,
И тебе. Ель-красавица,
Свою песню поют.
Всё звенит, разрастается
Голосков детский хор,
И, сверкая, качается
Ёлки пышный убор.

Песня:

В лесу родилась Ёлочка, в лесу она росла;
Зимой и летом, стройная, зелёною была.
Метель ей пела песенки: спи, Ёлка... баю-бай!
Мороз снежком укутывал: смотри, не замерзай!
Трусишка зайка серенький под Ёлочкой скакал.
Порой сам волк, сердитый волк, рысцою пробегал...

Веселей и дружной
Пойте, деточки!
Склонит Ёлка скорей
Свои веточки.

В них орехи блестят
Золочёные...
Кто теперь здесь не рад,
Ель зелёная?

Чу! Снег по лесу частому под полозом скрипит.
Лошадка мохноногая торопится бежит.
Везёт лошадка дровенки, на дровнях старичок.
Срубил он нашу Ёлочку под самый корешок...
Теперь ты здесь, нарядная, на праздник к нам пришла,
И много-много радости детишкам принесла.

Веселей и дружной
Пойте, деточки!
Склонит Ёлка скорей
Свои веточки.

Выбирайте себе,
Что понравится...
Ах, спасибо тебе.
Ель красавица!..

[21, 2-3]

Это стихотворение не хуже, но, пожалуй, и не многим лучше других стихотворений о ёлке, которые на протяжении полувека ежегодно печатались в праздничных выпусках периодических изданий, как детских, так и взрослых. Однако именно ему (точнее, его части) суждено было стать нашей главной песней о ёлке. В 1905 году напечатанная в «Малютке» пьеска привлекла внимание композитора-любителя Л.К. Бекмана, который, сократив её, переложил на музыку строфы о судьбе ёлочки. Жена Бекмана, известная пианистка Е.А. Бекман-Щербина, записала мелодию, и песенка была включена в их совместный сборник «Верочкины песенки», вышедший в 1906 году. О создании музыки к тексту Бекман-Щербина вспоминает:

Леонид как-то сел за рояль, посадил Верочку (дочку Бекманов. — *Е.Д.*) на колени и сочинил для неё песенку... из детского журнала «Малютка»... Верочка, обладавшая прекрасным слухом, быстро её выучила, и, чтобы не забыть песенку, я записала её, так как автор был на этот счёт «неграмотным». Впоследствии мы оба стали сочинять для детей и другие песенки... Так возник наш сборник «Верочкины песенки», выдержавший в короткий срок четыре издания... А «Ёлочку» до сих пор поёт вся детвора, и мало кто знает, что эту, ставшую почти народной, песню сочинил не музыкант, а кандидат естественных наук и агроном!

С этого времени и началась жизнь «Ёлочки». Уже до революции её пели на рождественских и новогодних праздниках, причём Бекман долгое время считался автором как музыки, так и слов. Когда после нескольких лет запрета ёлки при советской власти она была разрешена, вновь возникла потребность в песнях и стихотворениях о ёлке. В 1940 году составительница готовившегося Детгизом сборника «Ёлка» Э. Эмден разыскала настоящего автора слов песенки «В лесу родилась Ёлочка...». Им оказалась Р.А. Кудашева.

Раиса Адамовна Кудашева (1878–1964) — детская писательница, создавшая много стихотворений и рассказов, печатавшихся в журналах для детей [см. о ней: 96; 145; 361; 399; 481; 482]. Она родилась в семье чиновника; стихи начала писать с детства. После окончания гимназии Кудашева некоторое время служила гувернанткой, потом преподавала в школе, а затем, не прекращая литературной деятельности, долгие годы работала библиотекарем. Первое её стихотворение появилось в печати в 1896 году, после чего она начала регулярно сотрудничать в детских журналах «Подснежник», «Малютка», «Светлячок», постоянным автором которых являлась вплоть до революции 1917 года. Кудашева опубликовала около двухсот песен, стихотворений, сказок, рассказов для детей. Свои произведения она подписывала псевдонимами «А.Э.», «А.Эр.», «Р.К.», и потому многие годы её имя было мало известно широкой публике. А между тем написанная ею книжка-картинка «Бабушка-Забавушка и собачка Бум» (1906) выдержала много изданий и пользовалась успехом у маленького читателя. Перу Кудашевой принадлежат также популярные сказки «Беда Петушка» (1915) и «Санки-самокатки» (1910). После революции произведения Кудашевой не печатались вплоть до предвоенных лет. Её вспомнили только в связи с песенкой «В лесу родилась Ёлочка...»: в выпущенном в 1941 году сборнике песенка наконец была напечатана с указанием имени её настоящего автора [132, 30-31].

К этому времени она уже воспринималась едва ли не как народная. Рассказывая её историю, рецензент сборника «Ёлка» писала: «Многие из взрослых с детства помнят стих-песенку “В лесу родилась Ёлочка”» [37, 51]. Сама же писательница долгое время не знала о том, что написанные ею стихи стали популярной песенкой. Согласно бытующей легенде, «однажды она ехала в поезде, и её соседки по купе, две пожилые женщины, попросили свою внучку что-нибудь спеть. Девочка запела. И только тогда Кудашева услышала свою “Ёлочку”» [187, 4].

В 1958 году после долгого перерыва вышла книжка стихотворений Кудашевой «В лесу родилась Ёлочка» (М., 1958). Тогда же, накануне восьмидесятилетнего юбилея писательницы, с ней встретился корреспондент журнала «Огонёк», который описал свои впечатления: «С белоснежными волосами, с приветливой улыбкой, в очках, сквозь которые смотрят живые глаза, она похожа на добрую бабушку из сказки» [6, 32]. Несмотря на свой преклонный возраст, Кудашева всё ещё занималась литературой: писала повесть о мальчишке, действие которой происходит в период Великой Отечественной войны. Во время этой встречи она передала для «Огонька» одно из своих последних стихотворений — и тоже про ёлку:

Опять ты зажглась, новогодняя ёлка.
 Опять ребятишек в кружок собрала,
 И звёзды сверкают в душистых иголках
 И песенка наша опять весела,
 Нет лучше подарка, желанней и краше!
 Тобой, долгожданной, любимеся мы,
 Красавица ёлка, любимица наша,

[205, 32]

К написанной Кудашевой песне «В синем море, на просторе» композитор Р.М. Глиэр написал музыку. За четыре года до смерти писательницы, в 1960 году, в издательстве «Малыш» вышла переработка её сказки «Петушок» с рисунками М.П. Митурича, которая переиздавалась много раз, последнее (семнадцатое!) издание вышло в 1991 году.

И всё же самым знаменитым её произведением оказалась песенка «В лесу родилась Ёлочка...». В.И. Глоцер пишет о ней: «Эта песенка навсегда осталась милой приметой детства. И такой всеобщей, какой бывают скорей не литературные, а фольклорные строчки... Песенку пели в детском саду, декламировали на школьной ёлке, разучивали к новомуднему празднику в домашнем кругу. Казалось, она существует вечно» [96, 31]. Ирина Токмакова, вспоминая о своём детстве, пришедшемся на 1930-е годы, пишет: «И конечно же, чтобы не подвергать нас, детей, опасности гонений, никто не возглашал “Рождество Твоё, Христе Боже наш”, а пели “В лесу родилась Ёлочка”...» [421, 124]. После того как в конце 1935 года ёлка была разрешена, появилось множество новых песен о ёлке. Однако ни одна из новосозданных песен не затмила «Ёлочки» Кудашевой. Хором пели её крестьянские дети предвоенных лет в псковском захолустье [359, 77]; её неизменно включали в сборники-рекомендации по проведению ёлок; о ней писали как о песне, которую «многие из взрослых помнят с детства», и т.д. [37, 51].

«Ёлочка» Кудашевой — не просто самое известное произведение про ёлку: она превратилась в явление, без которого наша жизнь кажется немислимой. П.А. Клубков вспоминает её между прочим по поводу, не имеющему никакого отношения ни к песенке, ни к её автору, — как факт, не зная который человеку нашей культуры просто невозможно: «Мне трудно говорить об этих стихах, — пишет он о стихотворении своего друга. — Это стало просто фактом биографии. Ведь не будете же вы обсуждать поэтические достоинства и недостатки песни “В лесу родилась Ёлочка”» [185, 181]. «Ёлочка» Кудашевой стала именно фактом биографии каждого из нас.

И всё же попытки проанализировать текст песенки и объяснить причину её неувядающей популярности бывали. В.И. Глоцер (главный знаток литературного творчества Кудашевой) разбирает её текст, стремясь показать, «в чём секрет этих двадцати четырёх строчек», которые на первый взгляд кажутся такими простыми и бесхитростными [96, 36]. В какой степени анализ Глоцера достиг цели, сказать трудно, настолько привычными, органичными и естественными представляются для нас строки, с которыми мы сроднились с детства. Думается, что «Ёлочка» Кудашевой в значительной мере способствовала тому, что у ребёнка с самого раннего возраста, со своей первой ёлки, возникает тёплое отношение к этому дереву. Не исключено также, что именно она во многом повлияла на «явную и совершенно бессознательную перемену симпатий в отношении хвойных и лиственных», которая, по словам В. Иофе, произошла в XX веке [164, 249]. Эта песенка включила в себя все основные образы «ёлочной мифологии», создававшейся на протяжении предшествующей истории ёлки в России: здесь и лес, в котором она родилась, и Метель, поющая ей песенку, и Мороз, укутывающий её снежком, и старичок, везущий её из лесу на детский праздник. И наконец — радующиеся ёлочке дети.

В 1989 году Олег Григорьев написал стихотворную легенду о ёлочке, укравшей своими ветвями Иосифа и Марию с младенцем Иисусом от преследовавших их солдат царя Ирода. В ней он вспоминает и кудашевскую песенку, тем самым приписывая ёлке христианскую символику:

Дала та ель спасенье
И кров семье святой.
Поём мы в День Рожденья
О ёлочке простой.
«В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
И много-много радостей
Детишкам принесла».

[105, 98-99]

Писатель и художник Владимир Шинкарев (автор Повести «Митьки», вызвавшей культурное движение с тем же названием) создал юмористический цикл «Всемирная литература», который представляет собой комментированные иллюстрации к известнейшим произведениям мировой литературы и их «литературоведческий анализ». В этот цикл он включил и «Ёлочку» Кудашевой. Полагаю, что он имел на это все основания. Написанную им картину с изображением наряженной ёлки и нот к песенке, Шинкарев снабдил шутливым пародийным литературоведческим анализом:

О ёлочке в песне повествуется исключительно в страдательном залоге, от неё требуется только родиться, расти и быть, а стихии, звери и люди позаботятся о её судьбе; или, если по-другому оценивать эту судьбу, вовлекают её в свой бесовский хоровод. Ёлочке свойственна, во-первых, женственность и пассивность ..., и, во-вторых, несомненная онтологическая величественность при полном внешнем равнодушии...

[483, 373-374]

Об исключительной популярности кудашевской песенки свидетельствуют многочисленные пародийные переделки её текста (порою непристойные), давно уже вошедшие в устойчивый репертуар школьного фольклора. Приведу ряд из них в качестве примера:

1. В лесу родилась ёлочка,
А кто её родил?
Четыре пьяных ёжика
И Гена крокодил.

2. В лесу родилась ёлочка,
На ней сидел шпион.
В одной руке винтовочка,
В другой — магнитофон.

Срубили эту ёлочку,
Упал с неё шпион,
Сломалась винтовочка,
Заглох магнитофон.

3. В лесу родилась ёлочка,
Под ней сидит бандит.
Он ждёт, пока Снегурочка
Притащит динамит.

И вот идёт Снегурочка
И тащит динамит.
Ещё одна минуточка,
И ёлочка взлетит.

[305, 453-454]

В лесу родилась ёлочка,
А кто её родил?
Зимой и летом Дед Мороз
Беременный ходил.

[434, 24]

Отмечу и использование кудашевской «Ёлочки» для пародирования современной поэзии [143, 354-358].

По мнению Е.В. Иванова, «среди стихотворений русских и советских поэтов, тематически связанных с Рождеством или Новым годом, стихотворений о ёлке немного» [158, 77]. Это не соответствует действительности: более чем за сто пятьдесят лет жизни ёлки в России были созданы сотни стихотворений, в которых она является главным предметом изображения. Среди них «Ёлочка» Раисы Адамовны Кудашевой оказалась вне конкуренции.

Как и большинство моих соотечественников, я помню её с тех пор, как помню себя, то есть всегда. При встрече 1997 года моего старшего внука, которому было тогда два с половиной года, попросили что-нибудь спеть. Он встал на стул и, ни минуты не раздумывая, запел «В лесу родилась Ёлочка...» И по тому, как он пел, было видно, что то, о чём он поёт, ему понятно и близко. А я, слушая его, думала о связи поколений, которая вдруг становится очевидной, и об исключительной судьбе этого неприхотливого текста.

Ёлка в русской жизни на рубеже XIX–XX веков

К концу XIX столетия ёлка, вписавшись как в домашний праздничный интерьер, так и в рождественский городской пейзаж, становится в России совершенно обычным явлением: «...в настоящее время и праздник не в праздник без красавицы ёлки» [320, 108]. Утверждается представление о том, что разукрашенное еловое дерево испокон веков было обязательной принадлежностью русского Рождества: «Ёлка в настоящее время так твёрдо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придёт, что она не русская», — писал В.В. Розанов [354, 152]. В начале XX века под этими словами могли бы подписаться многие: привычность ёлки в русской жизни этого времени привела к тому, что она стала восприниматься как народный по своему происхождению обычай.

Как и прежде, в первую очередь ёлка готовилась для детей: «...рождественский праздник называют детским праздником: хоть раз в году дети становятся героями дня; около них сосредоточиваются все заботы» [27, 192]. Однако перед Рождеством ёлочный ажиотаж охватывал людей всех поколений. Праздник Рождества, долгое время отмечавшийся в России как сугубо религиозное торжество, вышел за пределы церкви, превратившись в светский праздник, в котором центральное место заняла ёлка. Рождественский сезон изменял привычный ход жизни, сказывался на атмосфере, настроении, деятельности, материальном положении людей. Ёлка всех втягивала в сферу своего влияния: наступало её время, начинались «деятельные приготовления “на ёлку”» [27, 192].

Прежде всего необходимо было обеспечить город достаточным количеством деревьев на любой вкус и на любой спрос. Заготовка ёлок начиналась за неделю до Рождества. Для лесников и крестьян из пригородных деревень продажа ёлок стала одним из сезонных заработков: «Лесники потирают руки...» [27, 192]; «Рубит мужик ёлку; / Продаст в городе за полтину...» [101, 149]. С раннего утра, а то и с ночи крестьяне отправлялись в леса на порубку елей, а «на утро салазки, нагруженные грудями ёлок, нарубленных в лесу... тянулись общими силами по рыхлому снегу просторного поля» [129, 5]. Рискуя быть оштрафованными за порубку чужого леса, бедняки всё же не упускали случая «украсть в лесу несколько ёлок», дабы не остаться на праздниках «не только без водки, но даже и без хлеба» [62, 138]. Быстро нарубленные деревья подтаскивали к саням и увозили из лесу, так чтобы к рассвету всё было завершено. И если порубщикам удавалось благополучно справиться с этой задачей, то наутро в городе они уже продавали свой «зелёный товар» [106, 5]. В борьбе за приработок к празднику о вреде, наносимом лесу перед каждым Рождеством, никто уже не вспоминал: «Чухны вырубают последние сосновые рощи на финских болотах и везут их в Петербург» [27, 193].

Доставленные в город деревья свозились на места торга. Ёлки продавались в самых многолюдных местах: у Гостиных дворов, на площадях, на рынках. В Петербурге главный ёлочный базар вначале был у Гостиного двора, а позже — на Петровской площади (ныне площадь Декабристов). Однако потребность в ёлках была столь велика, что стихийно возникали ёлочные базары, располагавшиеся во многих местах города. Обзавестись ёлками можно было и на Сенной площади, и на 4-й линии Васильевского острова (возле Академии художеств), и в других местах: ими торговали многие лавки — зеленные, мелочные и даже мясные, где деревья выставлялись у входа, часто — уже поставленные на крестовины, а иногда и наряженные. Привезённые ночью ёлки тотчас же устанавливались правильными рядами, и продавцы начинали поджидать покупателей. Деревья предлагались на любой вкус: маленькие, разукрашенные искусственными цветами, и «ёлки-великаны», которые гордо высились «во всей своей естественной красе», и никогда не выдавшие леса искусственные «ёлки-крошки»,

неестественно яркая зелень которых сразу же бросалась в глаза [27, 193].

Ёлочные базары преображали город: в знакомых местах неожиданно выросал настоящий лес, в котором можно было и заблудиться: «На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу. А снег повалит, — потерял дорогу! Собаки в ёлках — будто волки...» [486, 98]. Для детей ёлочные базары становились любимым местом гулянья: «Я до сумерек бегал в варежках и с салазками по этому лесу» [232, 8-10]; «До ночи прогуляешь в ёлках» [486, 98]. Горели костры, дым стоял столбом, аукаясь, ходили в ёлках сбитенщики. Повсюду среди ёлок шныряли дети; около своих деревьев толпились мужики в тулупах. В ожидании покупателей они жаловались друг другу на питерскую слякоть, вели разговоры о том, что такую погоду, конечно же, «послали немцы» и что будь сейчас мороз, ёлки бы раскупались лучше [223, 3]. По рынку, примериваясь и прицениваясь, сновали покупатели: приезжали «дамы в соболях» и чиновники, приходил «рабочий люд» купить ёлочку «на праздник детям» [149, 429]. Здесь устанавливалась радостная, но вместе с тем и деловая атмосфера. Продавцы любыми способами стремились перебить покупателей у соперников, торговались, сбивали цены или же, наоборот, повышали их [220, 3-4]. Дольше всех, судя по замечаниям в прессе, торговались купцы, приобретающие ёлки по самой низкой цене [301, 6-7]. Бедняки покупали маленькие дешёвые ёлочки на деревянных крестиках, увешанные бумажными цепями, и уносили их домой под мышкой.

Большие ёлки развозились по домам на извозчиках или же разносились нанятыми за четвертак босяками. Несущие ёлки босяки, уже подвыпившие, с замёрзшими руками, встречались по всему городу. Крупные деревья обычно несли вдвоём: один держал обструганный колом конец ствола, второй — вершину и под мышкой деревянную перекладину. «Ёлки несли по всем улицам. Ветви плавно качались у обледенелых панелей. Снег был усеян еловыми иглами... Ёлки шествовали во все концы, ёлки ехали на извозчиках» [232, 10].

Эти ёлочные базары и эти «шествоющие по городу ёлки», а также витрины магазинов и царящее повсюду оживление неузнаваемо преображали город, в котором уже за неделю до Рождества царил праздничная атмосфера: «Прекрасные магазины, сияющие ёлки, рысаки... визг полозьев, праздничное оживление толпы, весёлый гул окриков и разговоров, разруганные морозом смеющиеся лица нарядных дам...» [211, II, 269]. В окнах домов видны были наряженные ёлки, которые издали казались «громоздкой гроздью ярких, сияющих пятен» [211, II, 269]. Светились витрины магазинов, украшенные «пёстрыми картонажами, хлопушками, звёздами из слюды, фольги, серебряной и золотой бумаги, масками, блестящим “дождём”, разноцветными свечами...» Там стояли сделанные из гипса «старички с ёлкой»: с бородой, красным лицом, одетые в шубу и в лапти [27, 193]. Около залитых блеском витрин толпилась детвора, останавливались взрослые полюбоваться и прицениться. Магазины с утра и до позднего вечера были заполнены покупателями и покупательницами, выбирающими игрушки на ёлку, подарки, книги в затейливых переплётках, которые сотнями выпускались к празднику. «У всех было то особенное доброе, предпраздничное настроение, полное предвкушения чего-то светлого, радостного, необыкновенного. Делались покупки, и деньги на них тратились радостно...» [335, 212].

Изменения, произошедшие к концу XIX века в праздничном ритуале, сказывались на восприятии ёлки детьми. Встреча детей с ёлкой, которую всё реже теперь готовили в тайне от них, происходила до того, как она устанавливалась в доме. Дети гуляли в «лесах» ёлочных базаров; наблюдали затем, как ёлку вносили в дом; видели, как она, ещё не оттаявшая, лежала в сенях («только после всенощной её впустят» [486, 232]) или же в комнате на полу, отогреваясь в домашнем тепле, как расправлялись её ветви; чувствовали, как она начинала излучать хвойный и смоляной запах. Дети наслаждались ёлкой, когда она стояла в помещении «ещё пустая», но уже преображённая, «другая, чем на рынке».

Гуляя по городу перед праздником, дети рассматривали магазинные витрины с разложенными на них украшениями, покупали сами или со взрослыми игрушки для своей ёлки:

И пойдёшь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звёзды и хлопушки...

[46, II, 328]

В появлении ёлки в доме для детей больше не было тайны, соблюдение которой считалось обязательным условием при устройстве первых ёлок. Однако от этого её очарование в глазах детей ничуть не уменьшалось. Увиденная в разных своих «ипостасях» — стоящая среди других деревьев на рынке, «шествующая по городу», оттаивавшая, лёжа на боку, в комнате, сияющая во всём своём блеске на празднике и, наконец, наутро и в течение всех последующих праздничных дней — она становилась «уже совсем освоенной, своей», но от этого ничуть не менее желанной. Теперь ёлка дарила детям не «одноразовое удовольствие», а разнообразные и всегда прекрасные и незабываемые переживания и ощущения в течение всего рождественского сезона:

А накануне Сочельника в дом входило Рождество. В гостиной убирали ковёр. Рояль отодвигался в сторону, чтобы дать место огромной, до самого потолка, срубленной Степаном в лесу красавице ёлке, дышавшей снежной прохладой и смолкой, задевавшей пушистой, мягкой лапой счастливые детские лица и оставлявшей клейкий след на влажной детской ладошке; она постепенно оттаивала и наполняла всю гостиную, а потом и весь дом, своим особым, ни с чем не сравнимым ароматом.

[348, 15]

В гостиной от пола до потолка сияла ёлка множеством, множеством свечей. Она стояла, как огненное дерево, переливаясь золотом, искрами, длинными лучами. Свет от неё шёл густой, тёплый, пахнущий хвоей, воском, мандарином, медовыми пряниками.

[423, 202]

...В глубине большой тёмной комнаты ёлка таинственно сияла десятками колеблющихся огней...

[127, 131]

Вечером, когда сёстры зажигали ёлку, она смутно-тёплая, в мелькающих огнях, — дрожала в глубине зальцы огненным видением... А утром ёлка стояла серебряно-белая, прекрасная, — точно бы опутанная фатою, с едва дрожащими нитями серебра и в волнах стеклянных бус, среди которых никли в таинственной чаще белые плоские ангелы из ваты.

[232, 8]

Блаженство проснуться на первый день Рождества! Сбежав по лестнице, войти вновь к ней — уже обрётённой, твоей насовсем, на так ещё много дней до дня расставания! Смотреть на неё утренними всевидящими глазами, обходить её всю, пролезая сзади, обнимать, нюхая её ветки, увидеть всё, что вчера в игре свечного огня было скрыто, смотреть на неё без помехи присутствия взрослых...

[464, 69-70]

Дети наслаждались ёлкой и по прошествии нескольких дней после Рождества, в период между Новым годом и Водосвятием, когда с неё уже начинали осыпаться иглы:

Я тоже был счастлив... я потихоньку убрался в гостиную. Там я притих возле печки и слышал, как сыплется хвоя. Фонарь освещал сквозь окно ветку ёлки. Серебристый дождик блестел на ней.

[118, 117]

Осыпавшиеся иголки, которые так и не удавалось полностью вымести из помещения, в течение года напоминали о ёлке. Юрий Олеша вспоминал:

Конечно, запах хвои — это навеки, и мягкие иголки тоже. — Хвоя имела право засорять паркет, она накоплялась во всё большем и большем количестве, в углу, под ёлкой, пересыпалась в другие комнаты, смешивалась со стеклом украшений, которые в конце концов тоже валялись на пол, похожие на длинные слёзы, и кончалось тем, что ёлку уносили из дому, взвалив на плечи, как тушу.

[293, 83]

Со всего города (а иногда и из других городов) на домашние ёлки съезжались родные и близкие, двоюродные сёстры и братья. Обычно кто-нибудь из взрослых из года в год брал на себя роль затейника: заранее готовился к проведению ёлки, продумывал режиссуру праздника, в сценарий которого, наряду с традиционными, повторявшимися из года в год элементами, включались новые детали. По воспоминаниям Г.С. Масловой, эту роль регулярно исполнял её дядя, музыкант и этнограф И.С. Тезаровский. Мемуаристка пишет, что на устраиваемых «дядей Ваней» ёлках, которыми он «с раннего детства привлекал наши сердца», всегда присутствовало «около десятка кузин и кузенов». Вместе с «дядей Ваней» дети пели народные песенки из этнографического школьного сборника («Боярыня-куколка», «Скок-поскок» и др.); он сам сочинял и исполнял шуточные куплеты, героями которых были присутствовавшие на празднике дети и взрослые:

Говорит-то мама-Нина,
Что устало пианино!..

Или:

Закрутивши в кудри чёлку,
Собралися все на ёлку.

Ефта правда, ефта правда
Ефта правда, все были!..

Подарки «дядя Ваня» дарил оригинальным способом: «В конце вечера с потолка спустилась подвешенная к крюку коробка с миниатюрными вещицами-подарками» [250, 138-139]. А.И. Куприн в рассказе «Тапер» отдаёт роль организатора ёлки хозяину дома:

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в ёлке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности.

[211, II, 76]

Взрослые придумывали и покупали подарки, организовывали «ёлочное веселье», играли на фортепьяно, когда дети танцевали:

А из гостиной струился жаркий, трескучий свет ёлки, пылающей костром свечей и золотого дождя. Слышались подмывающие звуки фортепьяно. Это отец, расправив фалды сюртука и гремя крахмальными манжетами, нажаривал семинарскую польку. Множество крепких детских ножек бестолково топало вокруг ёлки.

[177, 228]

Если маленьких детей на ёлках обычно развлекали взрослые, то дети постарше готовились к домашним праздникам сами, сочиняя и ставя пьесы «под Гофмана и Андерсена» из жизни ёлочных игрушек. Т.Б. Золотова вспоминает о своих детских ёлках:

Вот оживают игрушки под огромными нарисованными еловыми ветками и пускаются в приключения, и героиня, самая красивая кукла. Катя Садовская, влюблена в смешного паяца, и никто, кажется, не замечает, что тут замешан «Щелкунчик», да и Таня Маресева, когда сочиняла пьесу, едва ли его вспоминала — ну, просто так вышло.

[178, 80]

Впрочем, в журналах начала XX века печаталось множество сказок о жизни оживающих в рождественскую ночь ёлочных игрушек: о фарфоровых пастушках, испытывающих своих женихов; о гусарах, уходящих на войну с бурами; о пряниках, кормящих собою всех голодных и пр. [см., например: 237, 18-20]; о счастливой встрече на ёлке разлучённых в течение долгих лет Амура и Психеи, каждый из которых помещался в половинке ореховой скорлупы [411, 833-835]; о Медовой Сосульке, бравом Солдатике в мундире из блестящего шоколада; о маленькой Сахарной Куколке и прянике, изображающем Короля, и т.п. [89, 7-9]. Подобного рода сказочки были вариациями на темы произведений Гофмана и Андерсена, влияние которых на русскую литературу о ёлке было огромным. Вспомним, как В.В. Набоков в «Других берегах» пишет о читанных им в детстве книгах: «В рождественскую ночь проснулись игрушки и так далее» [266, 176].

В эти годы особенную популярность на праздниках ёлки (да и не только на них) приобрели

«живые картины», представлявшие собой «немые» инсценировки популярных хрестоматийных стихотворений. Марина Цветаева пишет:

Сказав это слово («живые картины». — *Е.Д.*), — я дала эпоху. Это был расцвет девяностых годов, недалёкий канун Пятого... Недвижная группа из живых людей, окрашенная бенгальским — зелёным и малиновым — пламенем. Группа не дышит, улыбки застыли, пламя трепещет, догорает... Занавес.

[466, 116]

Представление о разыгрывавшихся на домашних праздниках ёлки спектаклях и «живых картинах» дают мемуары Н.В. Розановой. Из-за комода, как вспоминает мемуаристка, появлялась девочка «с прелестным нежным личиком» и начинала изображать ангела:

На ней была надета длинная ночная рубаша и привязаны крылья за спиной из марли и проволоки, и она очень походила на тех ангелов, которых я видела на рождественских открытках, стучащих в двери бедняков с большими звёздами, приколотыми к жезлу.

И далее:

Лучше всех была Варя. Она представляла цариц, которых видела в театре. Надев полотенце на голову и что-либо длинное и спускающееся до полу, она произносила диалоги, и все её движения теряли вдруг обычную резвость и исполнялись с горделивым царственным спокойствием, а лицо просто горело вдохновением.

[355, 25-26]

Ёлки превращали рождественские каникулы в сплошную череду праздников. Гостей приглашали заранее, стремясь «занять» ближайшие к Рождеству дни: «Я получила несколько приглашений на праздники, так что первые дни были разобраны, и родители решили устроить у нас веселье на четвёртый день», — пишет Елена Скрябина о Рождестве 1913 года [392, 12]. Воспоминания обо всех пережитых в детстве ёлках сливались, перемещивались с описаниями ёлок в литературе, иногда запечатлеваясь в памяти как один прекрасный образ. Эти хранимые памятью впечатления влияли на образ ёлки в литературе, а «литературные ёлки», в свою очередь, отражались на восприятии реальных ёлок, что было верно подмечено Юрием Олешей:

Я не помню, чтобы у нас устраивали ёлку. Всегда наши радости по поводу ёлки были связаны не с ёлкой, устроенной у нас в доме, а с ёлкой у знакомых. Там, в чужом доме, бывали бал, дети, конфеты, торты. Впрочем, я, кажется, беру сейчас из стихов и рассказов... После Катаева, Пастернака мало что можно добавить к описаниям ёлки, Рождества.

[293, 83]

Упомянув Катаева и Пастернака, Олеша, конечно же, имел в виду прекрасную главу «Ёлка» из повести Валентина Катаева 1936 года «Белеет парус одинокий» и знаменитые стихотворения о ёлке Бориса Пастернака.

Мемуары, которые я здесь использую, по большей части написаны людьми, выросшими в

обеспеченных интеллигентских семьях. Документальных сведений о ёлках в других слоях общества, в городских семьях среднего и малого достатка гораздо меньше. Однако, судя по количеству продаваемых перед Рождеством деревьев, по информации в газетах, по фотографиям в журналах и, наконец, по литературным произведениям можно утверждать, что к рубежу XIX–XX веков начали устанавливать ёлки и проводить детские праздники в большинстве домов всех слоев городского населения.

Обычай этот наконец был принят и купеческими семьями. Консервативность психического склада этого сословия и принятый в этой среде образ воспитания не способствовали распространению ёлки. Однако постепенно, уступая настоятельным просьбам своих дочек, хотевших, чтобы и в их доме было «всё, как у людей», купцы начали устраивать у себя ёлки. Язвительные юмористы, для которых купеческий быт стал одним из постоянных предметов насмешек, публиковали сценки, в которых купеческая чета устраивает ёлку только потому, что «теперь это модно» и «во всех порядочных домах бывают ёлки» [224, 3]; скучающие на святках купеческие дочери умоляют отца пригласить на ёлку гостей, ссылаясь на праздники «в чужих домах» и говоря, что у них дома, «как в монастыре», и пр. В таких сценках «купеческие ёлки» изображаются как нелепость и безвкусна: «Жареным гусём пахнет, печёной ветчиной и лампадками в квартире богатого купца... К этому запаху примешивается и запах ельника от рождественской изукрашенной ёлки, стоящей в углу зала» [225, 64]. В этом сказывалась инерция уничижительного и презрительного отношения к купцам и их быту. Однако изредка встречающиеся воспоминания о ёлках выходцев из купеческих семей свидетельствуют о том же сентиментально-восторженном отношении к ним детей, какое известно нам по мемуарам людей из среды «образованной интеллигенции» [см., например: 126, 86].

Несмотря на сопротивление местных церковных властей, стали повсеместно проводиться ёлки и в сельских школах, в защиту которых выступил В.В. Розанов, сочтя вмешательство церкви посягательством на совершенно безвредный и к тому же доставляющий детям столько радости обычай. Писатель требовал от Святейшего Синода специального на то разрешения, говоря, что «запрещение ёлки в школе равнялось бы запрещению её полному, потому что не в избытке же крестьянской устраивать её для шестидесяти или ста учеников» [354, 153]. Организация праздника для крестьянских детей «на городской манер» считалась Розановым исключительно важным делом и рассматривалась им как «светлый момент» в их жизни:

И вот на этом мрачном фоне будничной жизни, не скрашиваемой даже праздниками, светлым пятном является рождественская ёлка. Стоит она в высокой комнате сельского школьного дома, вся разукрашенная и сияющая огнями. В тёмно-зелёной хвое её светлыми бликами лежат полосы огней и прячутся разноцветные сласти. А вверху горит золотая звезда.

[64, 3]

Нормой становится устройство по городам общественных ёлок для детей. «Контингент их участников, — как пишут авторы «Очерков городского быта дореволюционного Поволжья», — мог быть самым различным — это могли быть дети, принадлежащие к одному какому-то сословию, бедные дети, дети со всего города без различия сословного звания и состоятельности родителей» [156, 172].

Широчайшее распространение получает устройство благотворительных ёлок для бедных детей, которые организовывались как разного рода обществами, так и отдельными благотворителями. Проведение «ёлок для бедных» в народных домах, в детских приютах

всячески пропагандировалось и поощрялось, свидетельством чему являются заметки в периодической печати, рассказы о благотворительных ёлках, а также рисунки и фотографии в праздничных выпусках газет и журналов: «Ёлка в детском приюте» [271, 1089], «Ёлка в народном доме» [274, 1055], «Ёлка для бедных детей, взятых на улицах столицы, в доме С.-Петербургского градоначальника, 28 декабря 1907 г.» [275, 39] и др. Ежегодно устраивали ёлки для детей рабочих окраин столицы братья Альфред и Людвиг Нобели. После их смерти традиция этих ёлок, проходивших в Народном Доме на Нюстадтской улице, была продолжена. Об организации праздника ёлки для бедных детей Московским Обществом помощи бедным вспоминает М.В. Волошина-Сабашникова:

Мама участвовала в проведении таких праздников для детей нашего квартала, а мы с нашими друзьями помогали ей. В снятом для этого мрачном помещении рядом с пользовавшейся дурной славой рыночной площадью собирались дети бедняков. После популярной в народе игры с Петрушкой... зажигали свечи на большой ёлке. В соседней комнате раздавали подарки. Каждый ребёнок получал ситец на платье или косоворотку, игрушку и большой пакет с пряниками. Друг моего брата, принимавший участие в раздаче подарков, умел очаровать каждого, позволяя выбирать самому ребёнку, что ему нравится, и советуя взять такую материю, которая ему идёт. Такое отношение для этих детей было совсем необычным. Я тем временем играла с другими детьми у ёлки.

[82, 103]

«Средства на проведение ёлок или собирались по подписке внутри определённого слоя городского населения, или складывались из добровольных пожертвований, или же специально выделялись городскими властями» [156, 172]. В рождественской литературе тема благотворительных ёлок освещалась постоянно: в сценках А.Н. Лейкина «На ёлке» (1889) и «В Новый год» (1893) купцы приезжают на ёлку в детский приют, которую они сами устроили и чем они очень горды [222, 3; 219, 3-4]; в рассказе И.В. Родионова «С рождественской ёлки» (1909) богатый владелец типографии устраивает ёлку с подарками для учеников и «типографской детворы», инициатором которой была его пятнадцатилетняя дочь [352, 61-65]; в рассказе Н. Перетца «Ёлка» (1872) хозяин фабрики организует праздник ёлки для детей рабочих [312, 506-524]; в рассказе Е.О. Дубровиной «Бабушка-невеста» (1888) заводчик в Восточной Сибири устраивает ёлку для своих рабочих, чем они очень довольны [125, 1429-1434], и т.д. и т.п. Эти произведения в значительной мере отражают то, что происходило на рубеже веков в российской жизни. Ёлки устраивались даже в глухом Царевококшайске (ныне Йошкар-Ола). В 1890 году газета «Волжский вестник» рассказывала о детской ёлке в чебоксарском «благородном» клубе:

3 января ... была устроена ёлка и детский танцевальный вечер с туманными картинками. Инициатором этого вечера был врач С.М. Вишневский. Подписка была назначена по 1 рублю с каждого маленького участника. Всего организаторам удалось собрать 35 рублей.

[156, 172]

М.И. Ключева, с детства двадцать лет проработавшая белошвейкой в Петрограде в мастерской П.Я. Малыгиной, вспоминает о ёлках с подарками, которые в 1880-х годах хозяйка, несмотря на свою обычную «вспыльчивость», регулярно устраивала для своих молодых

работниц:

Приближалось Рождество. Это был большой праздник. Хозяйка принесла большую ёлку, квартира наполнилась приятным сосновым запахом. Накануне Рождества мы работу закончили в два часа, мыли полы, срочные заказы отправили по клиентам и стали убирать ёлку, вешать игрушки, пряники, яблоки, хлопушки — в убранстве ёлки участвовали все от мала до великого, больше всех радовался маленький Володя. Хозяйка Марфуше подарила прюнелевые сапоги и фартук. Старшей мастерице — ситцу на летнее платье, нам выдала, всем ученицам, по 50 коп. серебром.

[186, 177]

В некоторых знатных домах проводились ёлки специально «для прислуги с семьями»; Ф.Ф. Юсупов вспоминает, что его «матушка за месяц до праздника спрашивала... людей, кому что подарить» [493а, 61].

Инициаторами устройства праздников с ёлкой были выходцы из народа, от природы наделённые организаторскими способностями. К.С. Петров-Водкин в автобиографической повести «Хлыновск» вспоминает о сапожнике Иване Маркелыче, который, добровольно приняв «на себя старство ремесленной управы», вёл просветительскую работу среди ремесленников, «желая дать своим товарищам разумный отдых и развлечение». Однажды (по-видимому, это было в начале 1890-х годов) Иван Маркелыч «задумал город удивить» и «месяца за полтора до святок начались приготовления к вечеру-ёлке, который должен был состояться в одной из городских гостиниц. Для детей, помимо раздачи грошевых подарков, готовили спектакль». Сценарий представлял собой вариации из народных сказок — со «злодейкой Ягой», волком, Аленушкой и пр.

В битком набитом зале, впереди ёлки, поставленной у стены, было расчищено место для нашего представления ... Зала гостиницы была полна человеческого тепла и праздничного удовольствия.

[319, 201-202]

Заметки в праздничных выпусках газет об актах благотворительности на Рождество печатались столь часто, что в юмористических рождественских текстах они называются в ряду обязательных сообщений: «Следи дальше, — говорит дед внучке, угадывая последовательность материалов рождественского номера, — говорится о помощи бедным, о щедрой благотворительности, о возможности для наших дам устройства благотворительных вечеров с танцами, о ёлках для детей и для народа, о праздничных подарках...» [31, 209].

Во множестве проводились платные ёлки и танцевальные вечера «для взрослых и детей» в пользу детских приютов, с вручением подарков, за которые надо было заплатить дополнительно [139, 1]. К «ёлчному» сезону готовились и театры. «Святки, ёлка, в театр пойдем...», — вспоминал своё московское детство И.С. Шмелёв [486, 100]. В обязательный рождественский репертуар входил созданный Чайковским в 1892 году балет «Щелкунчик», на который каждый год перед Рождеством водили учащиеся учебных заведений [279, 251]. Сочинялись всё новые и новые произведения о ёлке. Так, например, в 1900 году композитор, писатель и педагог В.И. Ребиков написал оперу «Ёлка», в основу сюжета которой положены сказка Андерсена «Девочка с серными спичками» и «Мальчик у Христа на ёлке» Достоевского. В начале XX века эта опера была довольно широко известна. Борис Пастернак вспоминает, как в 1906 году в «полном

русскими» Берлине «композитор Ребиков играл знакомым свою “Ёлку”» [307, IV, 313].

Превратившись в главный компонент зимних праздников, ёлка, таким образом, вошла в праздничную жизнь как одна из необходимых её составляющих: «Без ёлки святки не в святки»; «Что и за праздник, если не было ёлки» [320, 108]. Л.Н. Гумилёв, с горечью говоря о том, что детство у него было не таким, каким оно *должно* быть, заметил: «Мне хотелось простого: чтобы был отец, чтобы в мире были ёлка, Колумб, охотничьи собаки, Рублёв, Лермонтов» [212, 73]. Ёлка стала восприниматься как один из необходимых элементов *нормального* детства. И потому дети, читавшие или слушавшие первую стихотворную сказку Корнея Чуковского, созданную им в 1917 году, ничуть не удивлялись тому, что Крокодил из далёкого Петербурга привозит в подарок своим деткам ёлочку:

Вот вам ёлочка, душистая, зелёная,
Из далёкой из России привезённая,
Вся чудесными увешана игрушками,
Золочеными орехами, хлопушками,
То-то свечки мы на ёлочке зажжём,
То-то песенки мы ёлочке споём...

[476, 59-60]

Дневники и мемуары донесли до нас не только воспоминания о ёлочной феерии этого времени, но и тихие, лиричные, праздничные переживания, как, например, запись, сделанная скромным костромским статистиком Е.Ф. Дюбюком накануне Рождества 1916 года:

25/ХІІ. 23 и 24-го была метель, сдувало с дороги, намело сугробы. Бродил по городу. Всегда под Рождество у меня какое-то особое настроение; душа настораживается, становится мятущейся, ждёшь чего-то необычайного, какой-то встречи, чуда, волшебства, как в детстве ждал рождественского деда-мороза.

В Сочельник была ёлка. Пете я подарил два тома Диккенса: он вне себя от восторга, даже взвизгивал. Долго сидел я и брэнчал на рояле, было немножко грустно, но грусть была какая-то тихая и тонкая.

[128, 408]

В годы Первой мировой войны образ ёлки приобретает в литературе и публицистике особо щемящую тональность: ёлка становится символом, связывающим незримой связью временно или навсегда разлучённых членов семей, напоминая детям об отцах, жёнам — о мужьях, сёстрам о братьях, оторванных от родного дома:

Мне ёлка говорит о тех, кто так далёк,
Кто золотых орехов к веткам не подвесил,
Цветных свечей в Сочельник не зажёт,
Но кто в святую ночь был чист и детски весел.
Мне ёлка говорит о тех, что ждут от нас
Не жертв и подвига, не громких слов и лести,
А только одного: чтоб были каждый час
Мы сердцем с ними вместе.

В рассказе В. Ярославцева «Его подари, папа!» мальчик, отец которого находится в действующей армии, вспоминает, как прежде перед Рождеством он ходил с родителями выбирать ёлку, и с грустью думает: «...что за ёлка без папы!.. Теперь будет ёлка, но не такая, — скучная будет ёлка». Мать успокаивает его: «Зажжём ёлочку, папу обрадуем, он там один... далеко» [496, 31]. Обилие в газетах и журналах рассказов о праздновании Рождества в действующей армии с 1915 года становится характерной чертой прессы. В иллюстрированных еженедельниках регулярно печатаются фотографии, на которых засняты солдаты, празднующие Рождество с установленной в землянке или окопе ёлочкой [278, 954], а сюжет «ёлки в окопах» становится одним из самых распространённых. Но было и другое: война с Германией, напомнив о немецком происхождении обычая рождественского дерева, неожиданно спровоцировала, казалось бы, навсегда утихшие «антиёлочные» настроения, которые проявлялись как в резких выступлениях против ёлки в печати, так и в запретах на устройство ёлки в учреждениях. Существенных результатов, однако, эти акции не имели: ёлка к этому времени уже слишком прочно укоренилась на русской почве.

Ёлка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи

Коренная ломка, которую переживала Россия во время революции и Гражданской войны, не могла не отразиться и на судьбе ёлки. В эпохи, когда рушится мир со всеми его устоями, люди думают не столько о соблюдении обычаев, сколько о своём физическом выживании. Читая дошедшие до нас дневники времён Гражданской войны, видишь, как часто их авторы, не замечая, проходят мимо столь значимых для них в прошлом календарных дат, либо (реже) останавливаются на них, чтобы выплеснуть на бумагу свои горестные раздумья: «Последний день старого года. Проклятый год междуусобицы и всяких болезней. Где мы — на гребне великих испытаний, или не достигли ещё вершины страданий, или ещё суждено пережить нам многое, многое...», — пишет Г.А. Князев 31 декабря 1919 года [189, 177]. Обрядовая жизнь затухает, а календарное время вместе с его праздничными днями как бы перестаёт существовать, лишь изредка напоминая о себе неожиданно возникшим в человеке особым «чувством праздника»: «Рождество. Пришёл домой, переоделся. Несмотря ни на что, чувствуется праздник...», — записывает в день Рождества 1920 года Н.В. Устрялов, которого после революции судьба забросила сначала в Иркутск, а затем в эмиграцию, в Харбин [441, 326]. И всё же, поскольку жизнь продолжается и в экстремальных условиях, то попытка выяснить, что же происходило с ёлкой в эти годы, имеет свои основания.

Бытует мнение, что советская власть запретила ёлку сразу же после октябрьского переворота: «Ёлки в СССР долгое время были официально запрещены. Говорят, их разрешили уже в тридцатые годы по инициативе Н.С. Хрущёва...» [91, 37]. Однако это не так. Сразу после захвата власти большевики на ёлку не посягали. Писатель и переводчик Н.М. Любимов, учившийся в школе послереволюционных лет, вспоминает, что на уроках пения они разучивали вовсе «не революционные гимны, а более соответствующее нашему нежному возрасту», в частности песенку «Ёлочка, ёлочка, / Как мы тебя любим!» [235, 61]. В 1918 году М. Горький и А.Н. Бенуа подготовили и выпустили в петроградском издательстве «Парус» роскошную подарочную книгу для детей «Ёлка», оформленную иллюстрациями замечательных художников (А.Н. Бенуа, И.Е. Репина, М.В. Добужинского, С.В. Чехонина, В.В. Лебедева, Ю.П. Анненкова и др.) и включающую в себя произведения М. Горького, К.И. Чуковского, В.Ф. Ходасевича, А.Н. Толстого, В.Я. Брюсова, С. Чёрного и др. На её обложке помещён рисунок наряженной ёлки, вокруг которой в весёлом хороводе кружатся Дед Мороз и лесное зверьё. На верхушке дерева ярко сияет шестиконечная Вифлеемская звезда^[2].

В первые годы после революции никаких специальных мер, направленных непосредственно против ёлки, действительно не предпринималось, а если она и стала в это время чрезвычайной редкостью, если её не устраивали в домах, где прежде без ёлки не проходило ни одно Рождество, то причиной тому были внешние обстоятельства, которые всё «сбили и спутали», как пишет об этом Михаил Булгаков в романе «Дни Турбиных», повествуя о событиях кануна 1919 года: «Из года в год, сколько помнили себя Турбины, лампадки зажигались у них двадцать четвёртого декабря в сумерки, а вечером дробящимися, тёплыми огнями зажигались в гостинной зелёные еловые ветви. Но теперь коварная огнестрельная рана, хрипящий тиф всё сбили и спутали...» [61, 251]. Во время Гражданской войны ёлка была скорее исключением, нежели правилом, и потому, увиденная в доме своим напоминанием о прежней, кажущейся невероятно далёкой жизни потрясала человека: «Ёлка, — “словно затрудняясь понять”, думает один из персонажей документальной повести Сергея Спасского, посвящённой событиям 1919 года. — Скажите, пожалуйста, ёлка» [408, 67]. Несмотря на материальные и бытовые трудности, в семьях, сопротивлявшихся хаосу внешней жизни, ёлку всё же старались устанавливать, и при этом

относились к ней с ещё большей бережностью и даже трепетностью, нежели в мирное время, поскольку она становилась единственной зыбкой связью с прошлой, устойчивой жизнью. В этом следовании традиции сказывалось и стремление хоть ненадолго отвлечься от действительности, отгородившись от страшных событий внешнего мира, и убеждённость в том, что семейные устои остались единственной непреходящей жизненной ценностью: «Хорошо. Новый год. Ёлка. Именно теперь, при всеобщей непрочности, семья становится важной...» [408, 35].

В дневнике Корнея Чуковского содержится потрясающая запись, сделанная им на Рождество 1920 года:

Поразительную вещь устроили дети, оказывается, они в течение месяца копили кусочки хлеба, которые давали им [в] гимназии, сушили их — и вот, изготовив белые фунтики с наклеенными картинками, набили эти фунтики сухарями и разложили их под ёлкой — как подарки родителям! Дети, которые готовят к Рождеству сюрприз для отца и матери! Не хватает ещё, чтобы они убедили нас, что всё это дело Санта Клауса! В следующем году выставлю у кровати чулок!

[475, 137]

В первые годы после Гражданской войны в городах, как и прежде, всё ещё продавалось много ёлок. Но население бедствовало, и мало кто мог позволить себе купить даже самую маленькую ёлочку. Мужики из пригородных деревень, привозившие в город ёлки, теряли предрождественский заработок. 25 декабря 1924 года Корней Чуковский записывает:

Третьего дня шёл я с Муркой к Коле — часов в 11 утра и был поражён: сколько ёлок! На каждом углу самых безлюдных улиц стоит воз, доверху набитый всевозможными ёлками — и возле воза унылый мужик, безнадёжно вззирающий на редких прохожих. Я разговорился с одним. Говорит: «Хоть бы на соль заработать, уж о керосине не мечтаем! Ни у кого ни гроша; масла не видали с того Рождества...» Единственная добывающая промышленность — ёлки. Засыпали ёлками весь Ленинград, сбили цену до 15 коп<еек>. И я заметил, что покупают ёлки главным образом маленькие, пролетарские — чтобы поставить на стол.

[475, 300]

Когда в некоторых семьях появлялась мало-мальская возможность приобрести к Рождеству хотя бы самую скромную ёлочку, то её покупали. Установленное в доме деревце возвращало людям праздник и воспринималось как примета постепенно налаживающейся жизни, восстановления разрушенных и поправленных норм, обычаев и ценностей. Радость по поводу того, что впервые за несколько прошедших лет удалось устроить для детей ёлку, звучит в переписке известных фольклористов братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых. В конце 1922 года Б.М. пишет:

Ниночка ещё со вчерашнего дня в восторге. Когда украшали с нею ёлку, то она прямо визжала от радости, безумствовала. А ведь так в общем скромно в сравнении, напр<имер> с тем, что мы видели в детстве. Но всё же наконец стало возможным опять радовать детей ... Зажгли ёлку. Все танцевали, пели «O Tannenbaum, o Tannenbaum! Wie grün sind deine Blätter».

[70, 60-61]

13 января 1922 года, то есть накануне старого Нового года, Б.М. Соколов рассказывает брату об устроенном в их доме празднике:

С 5 ч<асов> веч<ера> до 11 ч<асов> промаялся с ребятами: у них была ёлка, набрано было до дюжины детей ... Я веселил детвору всю: скакал, прыгал, наряжался.

[70, 66]

Когда понемногу начал налаживаться быт, снова стали организовывать праздники ёлки и в детских учебных заведениях. В том же 1922 году Б.М. Соколов рассказывает брату о празднике ёлки в гимназии, где учился его сын Игорь:

Во вторник веч<ером>... был на ёлке «маленьких» в гимназии, очень мило сошёл вечер, хотя рассердил меня Игорь, нарядившийся в... мои старые брюки и походивший на какого-то дурачка Иванушку вместо гнома, тогда как другие дети все были одеты оч<ень> изящно и красиво.

[70, 64]

Казалось бы, всё шло на лад: ёлка вновь завоёвывала свои права не только в семьях, но и в школах. Однако дело обстояло не так просто: над ёлкой постепенно нависала угроза. Угроза эта пока ещё чувствовалась не всеми. Первый тревожный звоночек прозвучал уже через три недели после октябрьского переворота. Именно на него отреагировал Аркадий Аверченко в рассказе «Последняя ёлка», опубликованном перед Рождеством 1917 года в журнале «Новый Сатирикон». В нём говорится о том, как автор приносит в редакцию традиционный рождественский рассказ, включающий в себя весь необходимый «антураж», характерный для этого жанра, в том числе, конечно, и ёлку. «О каком Рождестве говорите?» — спрашивают его в редакции. «Даже ребёнок догадается! — вскричал я запальчиво. — Я говорю о Рождестве Христовом!» — «Так-с! А вы знаете, что народные комиссары из Смольного для уравнивания нашего календаря с западным отменили в этом году Рождество?» — отвечают ему [2, 10-11].

В конце 1917 года «комиссары из Смольного» ещё не думали об отмене Рождества, однако уже 16 ноября, через три недели после октябрьского переворота, на обсуждение советского правительства был поставлен вопрос о календарной реформе, что, видимо, и явилось причиной для возникновения слухов об отмене Рождества.

Реформа календаря имела к ёлке непосредственное отношение, поэтому остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Вплоть до Октябрьской революции Россия всё ещё продолжала жить по юлианскому календарю, в то время как большинство европейских стран давно перешло на григорианский календарь, принятый Папой Григорием XIII в 1582 году. Необходимость проведения календарной реформы, перехода на новый стиль ощущалась с XVIII века. Уже при Петре I в международных отношениях и в научной переписке Россия была вынуждена пользоваться григорианским календарём, в то время как внутри страны жизнь ещё в течение двух столетий протекала по старому стилю. Это обстоятельство порождало многие неудобства. Особенно остро потребность введения единого с Европой исчисления времени ощущалась в дипломатической и коммерческой практике. Однако целый ряд предпринятых в XIX веке попыток провести календарную реформу терпели неудачу: этому противодействовали как правительство, так и Православная церковь, всякий раз считавшие введение нового календаря «несвоевременным». После революции вопрос о «несвоевременности» реформы

отпал сам собой, и 24 января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря». Подписанный Лениным декрет на следующий день был опубликован:

В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени Совет Народных Комиссаров постановляет ввести по истечении января месяца сего года в гражданский обиход новый календарь.

[112, 404]

Поскольку разница между старым и новым стилем составляла к этому времени 13 суток, то в результате реформы русское Рождество сместилось с 25 декабря на 7 января, а Новый год — с 1 января на 14-е. И хотя ни в декрете, ни в других исходящих от советского правительства документах этого времени об отмене праздника Рождества не говорилось ни слова, тем не менее следствием сдвига привычных дат оказалось сильное психическое потрясение народа, всегда, как показывает история, сопутствующее календарным переменам. Нарушение календаря воспринималось как ломка жизни с её традиционно связанными с определёнными датами православными праздниками. Г.А. Князев 1 января 1919 года (по новому стилю) записывает в дневнике: «Так и не знали “праздновать“ или нет “новый год”. Некоторые “встречали”, другие будут встречать по старому стилю — “Не хотим по-большевистски”» [189, 148]. Частная жизнь людей ещё долгое время продолжала идти по старому календарю, а пожилые люди через многие десятилетия привычно производили в уме несложную арифметическую операцию, как у Бориса Пастернака в стихотворении «Август»: «Шестое августа по старому / Преображение Господне» [307, 525]. Что будет с Рождеством и ёлкой после вхождения календарной реформы в жизнь, пока было непонятно.

Вторая, ещё более серьёзная угроза ёлке состояла в том, что день октябрьского переворота стал навязываться народу как начало новой, социалистической эры. Утверждение системы советских праздников, которые вводились в новый календарь, создавало обстановку временного хаоса. Официальная печать давала указания, как следует проводить советские праздники, и делались попытки замещения старых праздников новыми. В 1922 году была проведена кампания за преобразование праздника Рождества Христова в «комсомольское рождество» или иначе — в «комсвятки». Основание комсомола (первоначально РКСМ) связывалось прежде всего с идеей воспитания молодёжи в духе атеистической идеологии. Введение нового календарного праздника под названием «комсомольское рождество» в противовес «поповскому рождеству», как стали называть великий православный праздник, соответствовало идее «подмены» праздников, что, по мнению советских идеологов, могло помочь народу органично перейти на новую календарную систему. Комсомольские ячейки должны были организовывать празднование «комсвятки» в первый день Рождества, то есть 25 декабря, которое было объявлено нерабочим днём. Мероприятия начинались чтением докладов и речей, разоблачающих «экономические корни» рождественских праздников. Потом шли спектакли и инсценировки, политические сатиры, «живые картины». Комсомольцы читали юмористические рассказы, устраивали игры, пели комсомольские песни на церковные мотивы. На второй день праздника организовывались уличные шествия, на третий — в клубах устраивались маскарады и ёлка, получившая название «комсомольской ёлки». Участники ёлочных карнавалов (в основном из комсомольцев-пропагандистов) рядились в самые невообразимые сатирические костюмы: Антанты, Колчака, Деникина, кулака, нэпмана, в языческих богов и даже в рождественского гуся и поросёнка. Проводились шествия с факелами и сожжением «божественных изображений»

(икон). «Комсомольские ёлки» организовывались и в детских домах.

Создавая новые праздничные ритуалы, советские идеологи стремились использовать элементы традиционных календарных обрядов, как народных, так и религиозных. Именно поэтому ёлка и фигурирует на «комсомольском рождестве» как один из обязательных его компонентов. В качестве директивы по устройству нового праздника был выпущен сборник «Комсомольское рождество». На предприятиях детские ёлки организовывались в эти годы силами профсоюзных организаций. Рассказывая о «комсомольских святках» в Рязани, корреспондент «Правды» цитирует слова председателя завкома одного из рязанских заводов, якобы сказанные им перед новым, 1923 годом: «О детской ёлке подумать надо, и Новый год на носу... Танцульки устраиваем. Вчера одну устроили, на ёлке детям заработали миллионов 500» [175, 4].

Однако столь благосклонное отношение советски власти к ёлке продолжалось недолго. Перемены стали ощутимы уже к концу 1924 года, когда «Красная газета» с удовлетворением сообщила: «...в этом году заметно, что рождественские предрассудки — почти прекратились. На базарах почти не видно ёлок — мало становится бессознательных людей» [475, 300]. Постепенно завершил своё существование и праздник «комсомольского рождества». Он был раскритикован в прессе как не сыгравший существенной роли в антирелигиозной пропаганде: писали, что комсвятки «приносили мало пользы», поскольку они были только «антипоповскими выступлениями», в то время как «классовая сущность и контрреволюционность религии» ими «не разоблачалась» [97]. С 1925 года началась плановая борьба с религией и с православными праздниками, результатом которой стала окончательная отмена Рождества в 1929 году. Тогда казалось, что ёлке пришёл конец.

Подробный разговор об этом ещё впереди. Пока же обратимся к тем, кто после революции оказался за границей, оторванным от родного дома и знакомой обстановки.

Рождественская ёлка русских эмигрантов

Всё у нас в Рассее лучше.

Е.Н. Чириков. «В ночь под Рождество»

Ёлка в эмиграции составляет особую страницу в судьбе русской ёлки. Небывалый в истории России людской поток увлёк за её пределы людей, долгие годы бережно хранивших память о родине и свято соблюдавших старинные традиции. Рождественская ёлка, которая относительно недавно завоевала Россию, в среде эмигрантов первой волны оказалась в одном ряду с самыми дорогими утраченными ценностями. Эта странная метаморфоза, произошедшая с ёлкой, которую ещё менее века тому назад называли «немецким нововведением», привела к тому, что именно она, запечатлевшаяся в сознании эмигрантов как прекрасное воспоминание детства, превратилась в один из главных символов родины, утраченной в результате большевистской революции. Поэтому неудивительно, что воспоминания о России, приобретающие особенную остроту в дни великих праздников, возрождали в сознании картины безвозвратно ушедшего прошлого — родного дома, родной природы, православных праздников, в первую очередь — Пасхи и Рождества с его неперменной и столь любимой ёлкой: «Рождественские праздники были особенно ценны... ёлкой со всеми её игрушками и сладостями, сусальным дождём и т.д.» [182, 74]. Тысячи русских семей, потерявших родину, на старое Рождество с тоской вспоминали самые прекрасные моменты своей жизни, и ёлка неизменно оказывалась в ряду этих воспоминаний — «Сейчас в центре рождественского веселья, преимущественно в городах, стоит убранная свечами, разукрашенная ёлка — символ Небесного Света — нашего Спасителя, — писала парижская эмигрантская газета «Возрождение». — Сияющая огнями ёлка не потеряла своего обаяния и на чужбине — она связана невидимыми нитями с нашим милым и невозвратным прошлым» [1, 22]; «...раскрыв коробку со старыми ёлочными украшениями, можно неожиданно вспомнить многое...

Сегодня опять, во сне,
Я вспомнил мой первый шаг:
Весёлый пушистый снег
И отблеск ёлки в свечах»,

[490, 25]

— подобного рода признания постоянно встречаются в рождественских номерах эмигрантских изданий. Даже своя, обычно с громадным трудом устроенная ёлочка была для эмигрантов лишь «условным символом какой-то другой ёлки», той, которую они знали в России [306, 641]. В печальной «Рождественской думе эмигранта» русская ёлка воспринимается как пространственно отдалённая от лишившихся родины людей:

Настало Рождество Христово,
А ёлка наша не готова.
Вдали от нас она стоит
И думу скорбную таит...

...Мы ждём, что ёлочный наш дед
К нам за рубеж проложит след.

[373, 1]

И.С. Шмелёв в книге «Лето Господне», над которой он работал в эмиграции с 1933 по 1948 год, ностальгически восстанавливает в памяти дореволюционное русское Рождество. В его воспоминаниях ёлка предстаёт не только как обязательный рождественский атрибут, но и как характерная черта именно русского Рождества, а для писателя — единственно истинного. И русские ёлки для него не сравнимы ни с какими другими:

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес ёлок. А какие ёлки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, — тычинки. У нашей ёлки... как отогреется, расправит лапы, — чаща.

[486, 98]

Те же ноты звучат и в мемуарах Ивана Лукаша. Написанные много лет спустя после отъезда из России, они, помимо переполнявшей их тоски по давно ушедшему в прошлое прекрасному русскому Рождеству, донесли до нас множество мелких подробностей о русском «ёлочном быте»: «На Рождестве в домашнем воздухе были разлиты чистое тепло и прохлада ёлки». Сны у него перемежаются с воспоминаниями:

...Приснилось, что потерял шапку и хожу среди рождественских ёлок у Академии Художеств, — по еловому лесу... Впрочем, ёлки и наяву продавались у Академии Художеств, на 4-ой линии. Мелкие, жидкие снизу, воткнутые в деревянные кресты, стояли на дровнях, другие, перевязанные мочалками, были повалены друг на друга в снег, и высились чащей большие ели, перекладины которых были из брёвен.

[232, 7-8]

Постоянные преувеличения (даже гиперболизация) и идеализация эмигрантами ёлок своего российского детства порою у них самих вызывали иронию. Именно эту особенность их памяти шуточно обыгрывал А. Ренников в одном из своих святочных текстов, посвящённом рассказам эмигрантов о прекрасном российском прошлом.

А ёлки у всех в детстве были только гигантские: высотой метров в десять, пятнадцать. Свечей зажигали при пошатнувшихся делах одну тысячу, при улучшении обстоятельств — две. Чтобы прикрепить звезду к вершине ёлки, специально звали из местного цирка акробата.

[350, 620-621]

Впрочем, эти преувеличения не всегда были столь уж далеки от реальности. Князь Ф.Ф. Юсупов в своих эмигрантских мемуарах рассказывает о тех феерических ёлках, которые устраивались в их петербургском доме на Мойке:

Готовились целыми днями, на стремянках вместе с прислугой наряжали высоченную ёлку, до потолка. Сиянье стеклянных шаров и серебряного дождя зачаровывало наших слуг-азиатов. Прибывали поставщики, доставляли нам подарки для друзей, и суматоха росла. В праздничный день являлись гости — почти все дети, наши ровесники, приносили с собой чемоданы, чтобы унести подарки. Подарки нам раздавали, потом угощали горячим шоколадом с пирожными и вели в зал на «русские горки».

[493a, 61]

Рождественская ёлка превратилась в один из устойчивых образов эмигрантской литературы. Вспоминается, приобретая новое, трагическое осмысление, и сюжет о «чужой ёлке»: любующийся на чужую ёлку оборвыш теперь ассоциируется с судьбой разбросанных по всему миру русских людей:

Старый рождественский рассказ о замерзающем перед чужим окном, в котором видна нарядная ёлка, мальчике сама судьба расширила, обобщила и развила в целую драму.

Элементы рассказа остались те же.

Громадное окно чужого благоустроенного дома, сверкающая Рождественская ёлка, весёлые довольные дети, которых ждёт радость и грядущая нормальная жизнь в своей стране с её привычным бытом. Но мальчик уже не мальчик, а тысячи разбросанных по всему миру бездомных русских.

[306, 640-641]

В рассказе четырнадцатилетнего мальчика, присланном перед Рождеством 1924 года в берлинскую газету «Дни», одинокий русский эмигрант в Сочельник бредёт по улицам Берлина; во всех окнах он видит зажжённые ёлки. «У них есть родина, семья... — думает он. — У меня этого счастья нет... Я на чужбине среди этих чужих, холодных людей» [214, 606-607]. А «где-то, верно, уже горели огни, трепетали каминны, подарки слетали с пахучих веток в протянутые руки детей», — перекликается с мыслями бездомного героя Н.Н. Берберова [44, 617].

Несмотря на постоянную ограниченность средств, русские эмигранты всеми силами стремились сохранить и поддержать традицию, по возможности устраивая как домашние, так и общественные ёлки для детей. Накануне 1920 года А.И. Куприн обратился с воззванием, опубликованном в выходившей в Финляндии газете «Новая русская жизнь». Прося помочь русской гимназии в Перкьярви пожертвованиями (вещами, книгами, учебниками, играми и пр.), писатель не удерживается от воспоминаний: «Теперь близко Рождество. Когда-то... помните?... была Рождественская ёлка... подарки... улыбки... но... Боже мой, как давно...» [210, 273-274]. Семнадцать лет спустя К.К. Парчевский в парижской газете «Последние новости» рассказывает о полученных им от пожилого голландца письме и деньгах. Голландец сообщает ему об организованном в Лейдене объединении русских эмигрантов, которое на праздниках устраивает для детей общественные ёлки, и просит купить на присланные им деньги хороших русских книг, которые он хочет передать в это объединение для раздачи детям в виде рождественских подарков: «Они забывают свой язык и, удалённые от родной страны, могут совсем от неё оторваться. Это было бы ужасно грустно» [306, 641-642]. В 1934 году православный приход Куоккала (ныне посёлок Репино на Карельском перешейке) устроил ёлку для эмигрантских

детей, на которой их угостили чаем с кренделем, после чего Рождественский дед, вызвавший всеобщий восторг, раздал подарки: «разноцветные мешочки со сладостями, конфетами, пряниками и орехами» [29, 74].

Марина Цветаева, испытавшая во времена своего московского детства ослепительное счастье от ежегодных домашних ёлок (о чём мы узнаём из воспоминаний её сестры Анастасии), в письмах из Франции, адресованных своей чешской приятельнице Анне Тесковой, с поразительным постоянством упоминает о ёлках, которые она, несмотря на всегдашнюю нужду, обязательно устраивала для своих детей. 3 января 1928 года она пишет, что подарки дети «получат послезавтра под ёлкой»; 2 января 1937 года: «Но ёлка всё-таки была...» («всё-таки» — значит было опасение, что ее не будет); 3 января 1937 года: «...непрерывно о Вас думала, особенно под нашей маленькой ёлочкой, вернее сказать — *над!*»; 26 декабря 1938 года: «Но ёлочка всё-таки — была. Чтобы Мур когда-нибудь мог сказать, что у него не было Рождества без ёлки, чтобы когда-нибудь *не мог* сказать, что *было* Рождество — без ёлки. Очень возможно, что никогда об этом не подумает, тогда эта жалкая, одинокая ёлка — ради моего детства...»; и наконец 3 января 1939 года в последнем письме из Франции: «У нас была (и ещё есть) ёлочка, маленькая и пышная, как раздувшийся ёжик» [465, 58, 148, 157, 177, 179].

Стал я безродным, какое же мне Рождество?
Но почему-то в Сочельник, как некогда в детстве,
Сердце взлетает и ждёт неизвестно чего.

...Если бы снова в страну продолжительной ночи

За окнами ветер колышет
Вечнозелёные ветки, и ветки качаются.

[311, 7]

Антирождественская кампания и борьба с ёлкой

Однако вернёмся в советскую Россию. Со второй половины 1920-х годов советская власть и коммунистическая партия решительно вступили на путь борьбы с «религиозными предрассудками». Это в конце концов и решило судьбу ёлки. Если 24 декабря 1926 года на первой странице «Вечерней Москвы» ещё была помещена фотография ёлочного базара в Охотном ряду, что свидетельствовало о лояльности к ёлке московских властей, то через год началась плановая систематическая антирелигиозная работа, которую стали проводить в каждой губернии. В борьбе с религией самая активная роль предписывалась не только органам центральной периодической печати, но и местным издательствам и организациям. Во всех губерниях к Рождеству должны были издаваться материалы, «рассчитанные на широкий охват трудящихся города и деревни» и предлагающие планы проведения антирождественской кампании [251, 3]. В 1927 году в Туле была напечатана брошюра с детально разработанной программой проведения антирелигиозной пропаганды в рождественские дни. В ней устанавливались сроки кампании, предлагались тезисы докладов, в которых праздник Рождества противопоставлялся годовщине Октября (например, на тему «Рождество спасителя и 10 лет Октябрьской революции»), печатались лозунги для антирождественской пропаганды. В дни самых больших христианских праздников — Рождества и Пасхи — борьба с церковными предрассудками должна была проводиться особенно ожесточённо, поскольку считалось, что именно в эти дни «религиозная пропаганда» со стороны церкви наиболее действенна.

И всё же проводимая антирелигиозная работа, как казалось властям, не приносила нужного результата. В 1928 году была признана недостаточно эффективной деятельность «союза безбожников», который к этому времени насчитывал «всего 123 тысячи членов». В прессе сообщалось, что «безбожники» плохо справляются со своими задачами: «Фактически ведём мы антирелигиозную работу более или менее широко только два раза в году: на рождество и пасху, в порядке неожиданно свалившейся кампании» [246, 273]. Помимо специальных периодических изданий (газеты и журнала «Безбожник», журнала «Антирелигиозник»), в кампании, направленной против христианских праздников, приняли участие и другие органы печати. Всё чаще высказывались мысли о необходимости ужесточения борьбы с Церковью: «Надо перестать добродушничать, перестать держаться позиции либеральной терпимости в вопросах религии...», — писал журнал «Новый мир» в 1928 году [246, 275]. День Рождества стал рассматриваться не только как религиозный праздник, но и как праздник спаивания народа. В конце декабря 1928 года «Шадринская окружная крестьянская газета» опубликовала стишок:

На пьяную ёлку тратится денег масса,
Пьяный праздник — в кармане дыра.
Сохранит твои деньги сберегательная касса.
С пьяным праздником кончить пора.

[цит. по: 55, 13]

«Рождественскому пьянству» решено было положить конец. Согласно новой концепции, Рождество было объявлено не только религиозным пережитком, но и праздником капиталистического лагеря, во время которого «сильные мира сего» обманывают, подкупают, спаивают пролетариев. В прессе писалось о том, что за рубежом капиталисты устраивают «для рабочей детворы» «даровые ёлки», где дамы-благотворительницы угощают детей конфетами,

«приобретая такой дешёвой ценой право держать пролетарскую детвору в остальное время года на голодном пайке» [251, 19]. О «рождественских завтраках с традиционной рождественской ёлкой и подарками», которые устраиваются во многих городах «капиталистического мира», рассказывала напечатанная в 1932 году брошюра [422].

XVI партийная конференция, прошедшая в апреле 1929 года, который получил название «года великого перелома», утвердила новый режим работы, введя пятидневку или непрерывную рабочую неделю. Новый производственный календарь, в основу которого была положена «разумная и правильная организация трудового времени», отменял церковные праздники, в результате чего день Рождества превратился в обычный рабочий день. «Непрерывный рабочий год и пятидневная рабочая неделя, — писала «Правда», — не оставляют больше места для религиозных праздников... В этом году впервые рождественские дни являются обычными трудовыми рабочими днями...» [310, 1]. Никакие прогулы, никакое ослабление работы «на фронте социалистического строительства» в рождественские дни теперь не допускались. 25 декабря 1929 года стало днём первого Рождества в условиях «непрерывки». И хотя, как писалось, «попы развернули широкую агитацию за празднование “рождества христово”», «повсюду отмечается выход на производство рабочих» [344, 1].

Вместе с Рождеством отменялась и ёлка, уже прочно сросшаяся с ним. Ёлка, против которой когда-то выступала Православная церковь, теперь стала называться «поповским» обычаем. В борьбу за отмену ёлки включились печатные издания и советские активисты. Центральные газеты обличали партийное и комсомольское руководство городов и сёл, в которых продавались и устраивались ёлки; писатели ополчились на ёлку как на «старорежимный» религиозный обычай; детские журналы осуждали и высмеивали детей, мечтающих о ёлке: «Религиозность ребят начинается именно с ёлки... Ребёнок отравляется религиозным ядом...»; «Долой ёлку и связанный с нею хлам» [11, 13, 22].

На одном из «антиёлочных» плакатов изображён «сектант», стоящий на «священных книгах» и держащий в руках крест, который он использует как удилице. Леска заканчивается крючком, скрытым в рождественской ёлке, на которую зачарованно смотрит мальчуган, протягивая к ней руки, в то время как коварный «сектант» думает:

Слежу за рыбкой жадно я.
Вот ёлочка нарядная,
Заместо червячка.
Ещё даю конфеты я.
Авось, приманкой этой
Поймаю простачка.

[11, 25]

Подобного рода плакаты стали обычными для газеты «Пионерская правда» и детских журналов тех лет. Рождеству и празднику ёлки противопоставлялись праздники нового социалистического государства, среди которых первым был 7 ноября — годовщина Октябрьской революции, «установившая на земле новую эру».

В эти критические в судьбе ёлки годы казалось, что ей пришёл конец. Предновогодними вечерами по улицам ходили дежурные и вглядывались в окна квартир: не светятся ли где-нибудь огни ёлок. Э.Г. Герштейн, служившая в начале 1930-х годов в ЦК профсоюза работников просвещения секретарем бюро секции научных работников, вспоминает, как ей дали

общественное поручение, состоящее в выслеживании людей, устраивающих ёлки:

Я вспомнила, как ЦК профсоюзов поручил мне под Новый год ходить по квартирам школьных учителей и проверять, нет ли у них ёлки. Я решительно отказалась от такого дикого поручения. Не за это ли меня окрестили плохой общественницей?

[93, 211]

В школах, вместо праздников ёлки, в порядке борьбы с Рождеством и ёлкой на Новый год стали проводиться «антирождественские вечера», на которых инсценировались высмеивающие попов и церковь пьески, пелись антирелигиозные сатирические куплеты, вроде «Динь-бом, динь-бом, больше в церковь не пойдём» и декламировались соответствующие теме вечера произведения. И.М. Дьяконов вспоминает, как ему, ленинградскому школьнику, было предложено прочитать на одном из таких вечеров поэму Пушкина «Гавриилиада», отчего он отказался [127, 213-214]. Перестали устраивать ёлки и в детских садах:

Вместе со сказкой из практики детского сада изгонялся и праздник новогодней ёлки, которую стали сравнивать с замаскированным методом воспитания детей в духе православия и самодержавия... на эту почву падают семена религии: умышленно распространяется легенда о связи ёлки с рождеством Христа, о его добре и любви к детям.

[369, 349]

В 1931 году ленинградский детский журнал «Чиж» напечатал рассказ, в котором руководитель «третьего очага» (как тогда назывались центры детского воспитания) собирает детей и проводит с ними беседу о Рождестве и о ёлке: «Рождество — не наш праздник, — говорил руководитель, — его придумали попы, чтобы легче обманывать тёмный невежественный народ. Устраивать ёлку — тоже вредный обычай. Разве можно срубить молодые деревья? Они должны расти». Когда беседа закончилась, дети написали такую резолюцию: «Мы против рождества. В день рождества мы все придём в очаг и не будем покупать ёлки». Одна из девочек, вернувшись домой, говорит маме: «Нет, мама, я не буду плакать... Мы все вместе решили, что ёлки мы устраивать больше не будем». «Теперь все мы должны бороться против ёлки», — завершается рассказ [447, 4-6]. В том же номере «Чижа» помещено стихотворение Александра Введенского «Не позволим!»:

Не позволим мы рубить
молодую ёлку,
не дадим леса губить,
вырубать без толку.

Только тот, кто друг попов.
Ёлку праздновать готов!
Мы с тобой — враги попам,
Рождества не надо нам.

Здесь любопытно характерное для антиёлочной кампании, захватившей и детскую печать, совмещение двух мотивировок отказа от обычая устраивать ёлку: с одной стороны, праздник детской ёлки отвергается как церковный обычай («поповский»), а с другой — проводится мысль о необходимости защитить и сохранить лес. Борьба «с порубкой ёлок» соединилась с антирелигиозной агитацией [162, 31]. «Ёлка, интеллигентский обычай, завезённый к нам во время оно из Германии и за который православная церковь уж никак не могла нести ответственности, — вспоминает И.М. Дьяконов, — была также объявлена религиозным предрассудком, разоряющим наши леса» [127, 176]. Так в новых условиях в очередной раз на повестку дня в связи с ёлкой был вынесен вопрос защиты лесов. Но вместо того, чтобы создать пригородные плантации по выращиванию ёлок (что на Западе было предпринято ещё в середине XIX века), партийные органы и учреждения советской власти предпочли борьбу с ёлкой, которая приравнивалась к борьбе за сохранность леса как государственного достояния.

Сказочка Павла Барто «Ёлка», вышедшая в 1930 году, начинается с идиллической картины леса: растёт стройная ёлочка; на ней отдыхают птицы; под ней ночует ёжик, в ветвях её играют белки и т.д. Клесты, свившие гнездо в ветвях этой ёлочки, откладывают яйца, и зимой у них появляются птенчики: «Были они ещё совсем голенькие и беспомощно копошились под ней». Но вдруг в лес приезжает на лошади бородатый старик. Спеша и воровато озираясь по сторонам, он начинает рубить ёлки. В их число попадает и наша стройная ёлочка: «Спокойно спали клесты. Звонко звякнул топор в морозном воздухе, вздрогнула ёлка, мягкими хлопьями осыпала старика... Взмахнула ёлка ветвями и рухнула в снег...» Клесты, «как слепые метались по воздуху». Но старик не слышит их криков, не видит выпавших из гнезда на снег маленьких голых птенцов. Деловито погрузив нарубленные деревья на сани, он уезжает из лесу [25]. Знаменитая песенка Кудашевой «В лесу родилась Ёлочка...» получила здесь прямо противоположную трактовку.

И всё же полностью искоренить полюбившийся обычай так и не удалось: ёлка «ушла в подполье». В семьях, верных дореволюционным традициям, её продолжали устраивать. Делали это с большой осторожностью. «Новогоднюю ёлку ставили тайно, — вспоминает С.Н. Цендровская. — Окна занавешивали одеялами, чтобы никто не видел» [467, 86]. О том же пишет И.М. Дьяконов, рассказывая о событиях рубежа 1920-1930-х годов: «...в конце декабря и начале января на улицах, где жила интеллигенция, всюду окна плотно занавешивались шторами и одеялами; там тайно справляли ёлку» [127, 176]. Ирина Токмакова вспоминает:

...Светлый праздник Рождества Христова был под запретом, а тот, кто вздумает его отмечать, мог поплатиться работой, а той вовсе свободой и угодить за решётку. Но наша мама... (детский доктор, внучка священников с материнской и отцовской стороны. — *Е.Д.*), выросшая ещё до революции, не сказать, чтобы уж очень религиозный человек, однако чтящий традицию, наша мама ни разу не оставила нас с сестрой без Рождественской ёлки.

Эти воспоминания дают представление о тех хитростях, к которым прибегали люди, желающие, чтобы у них на Рождество непременно стояла ёлка. Как рассказывает мемуаристка, ёлкой обычно обеспечивал дворник, который перед Рождеством выезжал за город в лес с огромным мешком, срубал ёлку, перерубал её пополам и запихивал в мешок. Дома он накладывал на шершавый ствол лубки, и ёлка «делалась опять целенькой и стройной. А как она дивно пахла свежестью и лесом» [421, 124].

Если у воспитателей, несмотря на запрет, хватало смелости, праздники ёлки устраивали иногда даже в некоторых детских садах. М.О. Чудакова рассказывала мне, что её мать, работавшая в 1930-х годах в детском саду, ни разу не оставила своих воспитанников без ёлки.

Ёлка не исчезла полностью и из печатных изданиях этих лет, возможно, по недосмотру. Иногда её можно встретить на рисунках в книжках для детей, вышедших на рубеже 1920-1930-х годов. Так, например, в выпущенном в 1929 году сборнике Г. Туганова «Зимой» дана картинка, на которой представлен некий обобщённый образ русской зимы: поле, на горизонте лес, крестьянин, едущий за дровами, охотник на лыжах и ружьём через плечо, и тут же — мужики, везущие санях только что срубленные ёлки [435]. Образ ёлки появляется и в рассказах о тяжёлом прошлом детей рабочих и крестьян: в том же 1929 году был переиздан для детей рассказ М.М. Коцюбинского «Ёлочка», в котором с сочувствием рассказывается о двенадцатилетнем крестьянском мальчике, поехавшем на лошади в лес за ёлкой для господ. Заблудившись в лесу, он слышит вой волков, но в конце концов каким-то чудом спасается. Вышедшие первым изданием в 1931 году воспоминания о Ленине В.Д. Бонч-Бруевича содержат эпизод, рассказывающий о ёлке, проведённой для учеников школы в Сокольниках, которую организовал и на которой присутствовал Ленин. Речь об этом тексте ещё впереди.

И вдруг на исходе 1935 года в «Правде» появляется небольшая заметка, подписанная кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) П.П. Постышевым: «Давайте организуем к новому году детям хорошую ёлку!» Решительно расправившись с «не иначе как “левыми” загибщиками», которые «ославили» детское развлечение как буржуазную затею, в результате чего ёлка в советской России была запрещена, автор в декларативном тоне предлагает «положить конец» «этому неправильному осуждению ёлки» и призывает комсомольцев и пионер-работников в срочном порядке устроить под Новый год коллективные ёлки для детей: «В школах, детских домах, в дворцах пионеров... — везде *должна быть* детская ёлка! *Не должно быть* ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне нового года ёлку для своих ребятишек. Горсоветы ... *должны* помочь устройству советской ёлки для детей нашей великой социалистической родины» (курсив мой. — *Е.Д.*) [334, 3].

«Предложение тов. Постышева» было принято к сведению молниеносно: уже в том же номере газеты помещена заметка, включающая в себя столь знакомую по старым временам сценку продажи ёлок на рынках Москвы: «Между рядами стройных зелёных деревьев, поставленных прямо в снег, снуют покупатели. Здесь жёны рабочих, служащих, инженеров, командиров Красной Армии. Здесь дети и подростки. Ёлки охотно раскупают. Приближается новый год, наступают школьные каникулы, и ёлка становится желанной гостьей в каждом доме, где есть дети». Здесь же с укоризной говорится о директорах некоторых крупнейших рынков столицы, которые «считают почему-то (почему бы это? — *Е.Д.*) продажу ёлок... нарушением каких-то никому не ведомых правил и “баловством”» [341, 3]. Газета также пишет о том, как трудно купить ёлочные игрушки и украшения на ёлку: в магазинах и на рынках их почти нет. Следующий номер «Правды», за 29 декабря, информирует своих читателей о телеграммах, в срочном порядке разосланных районным секретарям комсомола во все концы страны, «в которых рекомендуется под Новый год устраивать для пионеров и школьников ёлки как в школах, так и в детских домах, кинотеатрах и на катках»; предлагается «организовать заготовку ёлок, закупку игрушек и украшений», а также сообщается, что фабрики и заводы готовят для детей подарки к ёлке. Московский облисполком даёт указания райсельхозам о заготовке ёлок, которая будет проходить организованно, под наблюдением лесотехников [285, 8]. За подписью секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева публикуется постановление о проведении 1 января силами комсомольцев и пионеров ёлок в школах, детских клубах и детских домах и о необходимости привлечения к этому делу родителей и школьных шефов [198, 8]. 30 декабря «Правда» помещает фотографию, на которой радостные, улыбающиеся мальчик и девочка рассматривают ёлку, установленную в витрине магазина. Подпись к ней гласит: «Магазин “Детский мир” Гормосторга выставил украшенную ёлку, пользующуюся у наших покупателей большим успехом». В том же номере «Правды» с удовлетворением сообщается о «бойкой торговле ёлками» на всех рынках Москвы; о «повышенном спросе на ёлочные украшения», о грандиозных ёлках, которые в новогодний вечер засверкают в московских парках культуры и отдыха; о больших и маленьких ёлочках, расставленных в харьковском Дворце пионеров; о тысяче ёлок, которые пройдут в Киеве; о ёлках, установленных на десятках катков Ленинграда, и т.д. и т.п. [484, 8]. 31 декабря на прилавках магазинов, согласно сообщениям в прессе, уже появился «расширенный ассортимент ёлочных украшений», артели и промкооперации предлагают

покупателям «специальные ёлочные наборы, фигурные пряники и марципановые фигуры», а кафе, рестораны и крупные заводские столовые готовятся к организации ёлок в своих помещениях. В последний день старого года наконец отреагировала и провинция — корреспондент из Воронежа сообщает: «Многие колхозники сегодня выехали в лес за ёлкой» [76, 8].

Так, в течение четырёх дней (включая день опубликования статьи Постышева) в приказном порядке был «положен конец неправильному осуждению ёлки» и возрождён дореволюционный праздничный обычай. Но теперь, как следовало из напечатанного в «Правде» документа, ёлка называлась не рождественской, как прежде, а новогодней или просто — советской: «Итак, давайте устроим хорошую советскую ёлку во всех городах и колхозах».

На первый взгляд, возвращение «старорежимного» обычая в жестокую эпоху 1930-х годов может показаться удивительным. Но следует учесть, что реабилитация ёлки произошла через месяц с небольшим после того, как 17 ноября 1935 года на I Всесоюзном совещании стахановцев Сталин произнёс знаменательную фразу «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Если помнить об этом, то причина возвращения ёлки становится более понятной. По мнению советских идеологов, ёлка, как и многое другое в дореволюционной культуре, могла послужить укреплению победившего режима, возвращая людям привычные радости жизни. Постановление о ёлке было воспринято с огромной радостью теми, кому были дороги обычаи старой российской жизни. Н.В. Устрялов, который незадолго до опубликования статьи Постышева вернулся из харбинской эмиграции в СССР «участвовать в жизни страны», 31 декабря 1935 года писал в дневнике:

К Новому году — две радости: одна — бытовая, другая политическая (имеется в виду отмена ограничений для детей-лишенцев и нетрудящихся при поступлении в вузы и техникумы. — *Е.Д.*). Разрешена и даже рекомендована ёлка, и везде, повсюду — ёлочный энтузиазм, ёлочная вакханалия. В срочном, срочнейшем порядке мастерятся украшения, в «Детском мире» за ними густые очереди, в магазинных витринах сверкают отлично убранные ёлки, повсюду весёлые разговоры на соответствующие темы — прекрасно!

[395, 28]

Известный литературовед В.С. Баевский, которому в 1935 году было шесть лет, рассказывал мне, как обрадовалась разрешению ёлки его мать, детский врач С.И. Кессель, как она сразу же начала вспоминать и рассказывать ему о ёлках своего детства и тут же приступила к изготовлению ёлочных игрушек; как была устроена ёлка в его детском саду и как перед праздником им, детям, никогда не знавшим ёлки, воспитательницы рассказывали об этом обычае.

Ёлка оказалась «востребованной» в качестве одной из иллюстраций к знаменитой формуле: «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!» «Старый мир чтит стариков, как своё прошлое, а советская власть чтит и лелеет детей, как своё будущее» [358, 208]. Об этом событии в жизни страны помнят многие мемуаристы:

Вероятно, в тот же год была разрешена (вместо «религиозной» рождественской) новогодняя ёлка для трудящихся семей. Кончились рождественские затемнения окон! Обычай зажигать ёлку двинулся от интеллигенции в рабочие семьи — и началось безудержное вырубание молодого елового леса, пока для этого не стали выделять

[127, 289]

А.Л. Войтоловская, работавшая в середине 1930-х годов в Новгородском пединституте, рассказывает об устройстве ёлки для студентов в начале 1936 года: «На зимние каникулы приехала мама... За несколько дней ей удалось организовать чудесную ёлку и самодеятельность студентов...» [78, 42]. Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром разрешило демонстрацию «для всякой аудитории» в течение всего 1936 года киноочерка «С Новым годом», в котором были отражены «важнейшие события минувшего 1935 года», иллюстрировавшие слова «Жить стало лучше, жить стало веселее», в том числе и разрешённая ёлка [351, 9].

Следующий, 1937 год советский народ, уже забыв о запрете на ёлку, весело встречал с «зелёной красавицей», не подозревая, что готовит наступающий год многим из веселящихся возле наряжённого и светящегося дерева.

Р.Д. Орлова вспоминает:

У нас встречали Новый, тридцать седьмой год с шуточными стихами, вином, ёлкой, весельем и глубокой убеждённостью: мы живём в прекраснейшем из миров. Новый год олицетворялся самой миниатюрной из наших девочек — Ханкой Ганецкой. Саша (Александр Галич. — *Е.Д.*) внёс её на руках, завёрнутую в одеяло, к пиршественному столу... кто мог предвидеть, что Ханке предстоит пережить смерть мужа, что её отца и брата расстреляют, мать посадят, а ещё через год она сама пойдёт по этапу...

[295, 326]

В эти же предвоенные годы проходили и другие, мало кому известные ёлки. Об одной из них сохранился устный рассказ Агнессы Мироновой-Король, жены крупного работника НКВД С.Н. Миронова. Накануне 1939 года Миронов удостоился великой чести быть приглашённым с женой на встречу Нового года в Кремль. Рассказчица передаёт подробности этого события (которое, как она полагала, сыграло роковую роль в жизни её мужа) со свойственной ей поразительной непосредственностью:

Большой двухсветный зал Кремлёвского дворца. Сейчас я вам нарисую план — как стояли столы, где была ёлка и где кто сидел.

Среди зала большая пышная ёлка, связанная из трёх елей. Сталин в глубине зала за широким столом. Напротив Сталина за тем же столом — жена Молотова Жемчужина и другие партийные дамы, все в синих костюмах и платьях, только оттенки разные. Слуги обносили нас один икру, другой осетрину, третий горячие шашлыки и ещё что-то. Блюда были изысканны, разнообразны ... Столы уставлены винами. ...Мы сидели с Серёжей за боковым столом слева; если смотреть на схему так, как я вам начертила, вот тут, у самой ёлки. Место наше — в середине зала и не очень далеко от Сталина — указывало на наше положение: тут тщательно соблюдали субординацию. Если нам определили такое место, значит, мы в фаворе.

В этом драматическом рассказе «связанная из трёх елей ёлка» выполняет роль ориентира: Агнесса с мужем сидели «у самой ёлки»; «вход был за ёлкой»; «и вот Берия поравнялся с ёлкой...» и, увидев Миронова, «индифферентно прошёл мимо». Агнессу, которая встретилась с

Берией глазами, в этот момент «как ударило, точно всё во мне словно сжалось» [495, 126]. Этот новогодний инцидент, по её мнению, и решил судьбу её мужа, одного из «людей Ежова», с которыми Берия в это время как раз расправлялся: на шестой день наступившего года, 6 января, Миронов был арестован, а через год расселян [318, 301-302].

Разрешённая властями ёлка как будто бы утрачивала свою легендарную способность охранять и спасать людей.

Легенда о человеке, подарившем ёлку советским детям

Передо мной лежит разворот газеты «Правда» за 28 декабря 1935 года. На нём помещён вполне ординарный для тех лет материал: левая страница целиком занята докладом С.С. Лобова на пленуме ЦК ВКП(б) о вопросах лесной промышленности в связи со стахановским движением; на большей части правой — окончание доклада Лобова; внизу слева — статья А. Розенгольца «Советский торговый флот растёт и крепнет»; в правом нижнем углу — телеграмма делегации американских армян, адресованная тов. Калинин. Американские армяне сообщают «всероссийскому старосте», что они «покидают территорию СССР с незабываемыми прекрасными воспоминаниями», благодарят за гостеприимство и выражают «глубокое чувство удовлетворения от того, что увидели». В середине, чуть-чуть сбоку — совсем небольшая заметка, едва занимающая шестнадцатую часть страницы: «Давайте организуем к новому году детям хорошую ёлку!» И короткая подпись внизу: П. Постышев. Приведу этот текст полностью:

В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселящихся вокруг неё детей богатеев.

Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как «левые» загибщики ославили это детское развлечение, как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению ёлки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец. Комсомольцы, пионер-работники должны под новый год устроить коллективные ёлки для детей. В школах, детских домах, в дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская ёлка!

Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне нового года ёлку для своих ребятишек. Горсоветы, председатели районных исполкомов, сельсоветы, органы народного образования должны помочь устройству советской ёлки для детей нашей великой социалистической родины.

Организации детской новогодней ёлки наши ребятишки будут только благодарны.

Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят нелепое мнение, что детская ёлка является буржуазным предрассудком.

Итак, давайте организуем весёлую встречу нового года для детей, устроим хорошую советскую ёлку во всех городах и колхозах!

Ежегодной радости нашего детства и детства наших детей мы обязаны этой заметке. Перечитывая её, я пылюсь понять, каким образом и почему она появилась здесь, на странице «Правды»? Была ли «спущена сверху» соответствующая директива или же эта заметка явилась личной инициативой автора? Как было получено одобрение свыше? А без одобрения она,

конечно же, не была бы напечатана. Могло ли случиться, что она так бы и не увидела свет? В таком случае, возможно, что все мы жили бы без ёлки вплоть до эпохи перестройки и развала Советского Союза, когда началось активное возрождение православных и народных обычаев — пасхальных, рождественских, святочных... Подобное течение событий представляется вполне возможным: ведь обходились советские дети без ёлки на протяжении почти десяти лет. На зимних каникулах устраивались новогодние вечера и карнавалы, организовывались «вылазки» в лес на лыжах, ставились спектакли, проводились военные игры. Об этом всегда сообщалось в прессе. Но ёлки не было. Так могло продолжаться и дальше.

Не исключено, однако, что «реабилитация» ёлки была predeterminedена не столько заметкой в «Правде», сколько фразой Сталина о том, что жить стало лучше и веселее, или же заметка Постышева явилась прямым следствием этой фразы. Но если возвращение ёлки было predeterminedено, то почему всё-таки заметка была напечатана за подписью Постышева? В последние дни декабря 1935 года в Москве проходил пленум ЦК ВКП(б), и Постышев как член ЦК ВКП(б), кандидат в члены политбюро ЦК и 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины, конечно же, был в Москве, участвуя в работе пленума. Сам он на заседаниях не выступал, но его короткие реплики в адрес докладчиков отмечены в печати. Через два с небольшим года, переведённый с Украины на пост первого секретаря Куйбышевского обкома и горкома партии, он вскоре был арестован и ещё через год — расстрелян.

Но в конце 1935 года Постышев ещё был в силе, и потому вопрос, не явился ли он действительно инициатором восстановления отвергнутого советской властью обычая, многократно разруганного в печати предшествующих лет, представляется вполне правомерным. Дать достоверный ответ на этот вопрос пока не представляется возможным. Однако можно проследить, как в книгах о Постышеве, которые одна за другой начинают выходить после его посмертной реабилитации в 1955 году, создаётся легенда о человеке, подарившем ёлку советским детям. Как бы ни оценивать личность и деятельность Постышева, эта создаваемая мемуаристами и биографами легенда имеет такое же право на существование, как и старинная немецкая легенда о Мартине Лютере, превратившем ёлку в рождественское дерево, английская легенда о королеве Виктории и принце Альберте, подарившим его англичанам, и целый ряд противоречащих друг другу американских легенд о появлении ёлки в Соединённых Штатах. В какой мере они соотносятся с реальностью, с точки зрения мифологии, не столь уж важно.

Описания эпизода о «реабилитации» ёлки, с которыми читатель встречается в мемуарах и биографических произведениях о Постышеве, дают возможность понять, во-первых, как создаются легенды о возникновении или же восстановлении в новом качестве ритуальных символических объектов; и, во-вторых, — как создаются легенды о «культурных героях», давших или же вернувших людям эти символические объекты.

Мемуаристы и биографы освещают жизненный путь Постышева как профессионального революционера и истинного коммуниста, загубленного Сталиным и его приспешниками. Постышев, который во время Гражданской войны проводил военно-полевые суды на Дальнем Востоке и, как одобительно пишут о нём некоторые авторы, говорил при этом, что «у нас нет уложений о наказании, у нас есть классовая совесть и революционное самосознание» [117, 348], в дальнейшей своей деятельности в мирное время изображается как партийный руководитель, главной заботой которого были люди. Его дела по улучшению жизни и бытовых условий населения перечисляются с неизменной тщательностью: занимая пост секретаря ЦК партии Украины, он благоустраивает городской сад в Харькове (бывшем тогда украинской столицей), улучшает работу городского транспорта, заботится о санитарном состоянии дворов, сам обедает в заводских столовых, следя за качеством еды для рабочих, и т.д. и т.п. «Доброе сердце» — так называет свои воспоминания о Постышеве один из его сослуживцев [66, 171].

По словам биографов, особенную заботу Постышев проявлял о детях. «Павел Петрович, — пишет мемуаристка, — очень любил детей. Он находил время, чтобы побывать в школах, детских домах, пионерских отрядах ... в учреждениях, клубах и даже при жактах (жилищно-арендных конторах), где были пионерские форпосты» [56, 266]. Ему приписывается идея создания «культурного уголка ребёнка в доме» [249, 276]. Именно он в 1933 году обратился с призывом к пионерам села собирать колоски во время страды (сбором колосков занималась и я, пионерка начала 1950-х годов). В 1934 году, когда столица Украины переносится в Киев, Постышев передаёт харьковской пионерской организации здание республиканского ЦК с тем, чтобы создать в нём первый в стране Дворец пионеров, получивший его имя. Газеты сообщали о том, что, когда он покидал Харьков, школьники, не желая отпускать его, организовывали заставы. Рассказывая о посещении Постышевым два года спустя этого Дворца пионеров, корреспондент замечает: «Товарищ Постышев известен своею исключительной любовью к детям и исключительной заботой о них» [358, 206]. На второй день после опубликования заметки о ёлке Постышев, как сообщила «Правда», послал работникам этого учреждения срочную телеграмму: «Организуйте детям во Дворце пионеров новогоднюю ёлку» [285, 8].

Авторы мемуаров о Постышеве и его биографы, характеризуя своего героя, никогда не забывают включить в число его праведных дел напечатанную в «Правде» заметку о ёлке: «Разве забудут старые комсомольцы призыв Постышева сделать красочными новогодние праздники? Какой живой отклик и у родителей, и у самой детворы встретило его предложение устраивать ёлки?!» [256, 245]. Как обычно и случается в процессе создания легенд, поступок Постышева мифологизируется: одна за другой рождаются версии, каждая из которых, с одной стороны, повторяет, а с другой — развивает предшествующую, дополняя её новыми деталями. Нас убеждают в том, что именно у такого и только у такого человека могла возникнуть мысль о возвращении ёлки.

Г.А. Марягин, по его признанию, «знавший и наблюдавший» Постышева «в течение многих лет», в книге о нём, вышедшей в 1965 году в серии «Жизнь замечательных людей», пишет, что Постышев заговорил о возвращении ёлки «как-то на одном из заседаний», вспомнив при этом «о ёлке в Сокольниках, на которую вместе с Владимиром Ильичом приезжала Надежда Константиновна Крупская». Сюжет «ёлки в Сокольниках» пересказывается Марягиным явно по памяти и с ошибками: не Ленин с Крупской приезжали к детям на ёлку, как пишет он, а Ленин навещал жену в Сокольниках, где она в декабре 1919 года отдыхала в помещении лесной школы. Автор откровенно модернизирует события: до 1935 года, когда ёлка была под запретом, этот эпизод из жизни вождя не афишировался; широко известным он стал только после разрешения ёлки. Далее Марягин вкладывает в уста своего героя фрагмент из заметки, напечатанной в «Правде», превратив её в речь, адресованную его партийным сослуживцам по Киеву: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселящихся вокруг неё детей богачеев» и т.д. Вскоре после этого заседания, как пишет Марягин, и была напечатана заметка Постышева в «Правде», а в газетах появились шаржи: «Идёт высокий сутулый человек, с хмурым озабоченным лицом, но лучистыми глазами и несёт большую новогоднюю ёлку с пятиконечной звездой» [249, 278].

Т.П. Брауде, бывшая в 1930-х годах на Украине крупным профсоюзным деятелем и знавшая Постышева по Харькову, и по Киеву, на теме «Постышев очень любил детей» делает особый упор. Фантазируя на основе заметки, напечатанной в «Правде», она приводит якобы слышанные ею факты о «тяжёлом детстве» Постышева: «У Павла Петровича было очень тяжёлое детство. Он рассказывал, как с завистью засматривался в окна богачей, где на рождество стояли нарядные ёлки, светившиеся огнями. Стоял и думал: “Неужели никогда мне не придётся побывать у такой

ёлочки?»» Советский партийный руководитель предстает в воспоминаниях Брауде в роли того самого «малютки», который, заглядевшись в окно богатого дома на разукрашенное дерево, думает «хоть раз бы мне праздник такой!» (см. выше сюжет о «чужой ёлке»). Образ «друга детей» мифологизируется в соответствии с известной и давно затасканной литературной схемой. Помня о своём тяжёлом детстве, лишённом ёлки, Постышев и задумывает «подарить всем детям праздник ёлки». Мемуаристка считает необходимым дать современному читателю, не осведомлённому в истории русской ёлки, пояснение: «Дело в том, что ёлка, как и другие атрибуты религиозных праздников, в частности рождество, после революции отпали сами по себе». (Как они «отпали сами по себе», мы уже знаем.) Далее говорится об отъезде Постышева в Москву на пленум, где поставленный им вопрос о ёлке был решён положительно. По возвращении в Киев он организует «первую послереволюционную ёлку на Украине»: лично распоряжается, чтобы во Дворец пионеров привезли самую большую, ветвистую ель, наказывает работникам не жалеть сил и средств, чтобы ёлка была «по-настоящему праздничной, красивой, нарядной»: «...и пусть дети вокруг неё танцуют, поют, играют, радуются приходу Нового года. Раздайте им подарки». Все его указы, разумеется, были выполнены, и ёлка получилась замечательной. Постышев, придя на праздник со своими детьми, спрашивает их: «Ну, как, нравится?» Те, конечно, отвечают: «Очень нравится!» Отец радостно усмехается и говорит: «Раз нравится и старым, и малым, значит действительно хороша» [56, 276-278].

В мемуарах сына Постышева Леонида (впоследствии — старшего научного сотрудника Академии общественных наук при ЦК КПСС) история возвращения ёлки излагается как семейная легенда. Однажды летом 1935 года, вспоминает он, отец, обращаясь к детям, вдруг произносит странную фразу: «Что-то мы всё-таки не додумали...» По словам сына, Постышев все насущные проблемы всегда обсуждал с детьми. На этот раз «чем-то недодуманным» оказалось запрещение ёлки. Леонид приводит речь отца, которая представляет собой вариант всё той же заметки в «Правде». Однако в его изложении эта речь приобретает мемуарный характер: говорится уже не о каких-то абстрактных «детях рабочих, с завистью через окно посматривающих на... ёлку и веселящихся вокруг неё детей богачеев», а о самом Постышеве и его сверстниках: «С какой завистью мы заглядывали в окна богачеев, где вокруг наряженной и обвешанной подарками ёлки водили хороводы буржуйские дети». Составляя мемуары об отце, сын подготовился к изложению вопроса лучше, чем сослуживцы. В разговоре с детьми Постышев серьёзно обосновывает своё решение вернуть ёлку: теперь, когда появилась возможность дать детям рабочих радостный праздник, ёлку запретили как поповский предрассудок; однако при этом хорошего, весёлого праздника для детей так и не придумали. Попы были умнее: они, несмотря на то, что ёлка — обряд языческий, не стали с ним бороться, а использовали в своих интересах; «...подумал ещё и сказал твёрдо: “Вот будет очередной пленум ЦК, выступлю и поставлю вопрос о том, чтобы вернуть нашим детям этот чудесный праздник”». Отец напоминает детям о тех ёлках, на которых они сами присутствовали до наложенного запрета: «Да вы сами-то, наверное, помните, как маленькие веселились на ёлке?» Проблема обсуждается с разных сторон. Встаёт вопрос и о вреде, наносимом порубкой деревьев: «...но нам в школе объясняли, почему ёлку запретили: в лесу вырубали очень много маленьких ёлочек и этим наносили вред природе!», — замечает один из детей. Однако у отца уже всё продумано, и он без промедления отвечает, что ёлочки можно будет специально выращивать для продажи вблизи городов; «можно же делать их искусственными, из пластмассы или ещё из чего-нибудь, чтобы использовать не один год...» (Вопрос о ёлочных плантациях, насколько мне известно, не поднимался вплоть до 1960-х годов.)

Перед Новым годом Леонид тяжело заболевает двухсторонним воспалением лёгких. Когда отец уезжал на пленум, состояние сына было критическим. Вернувшись через несколько дней из

Москвы, Постышев сразу же идёт к сыну, ставит на тумбочку возле его постели маленькую ёлочку, включает вилку в розетку — и «засветилась десятком маленьких стеклянных свечек красивая искусственная ёлочка»: «Смотри, что я тебе привёз Москвы! Это подарок тебе и всем советским детям. С этого Нового года опять будет праздник ёлки!» Леонид моментально пошёл на поправку: подаренная отцом ёлочка способствовала его выздоровлению. В семье так и говорили, что вылечили его не врачи, а ёлка [333, 303-304].

В посвящённом Постышеву романе Валерия Исаева «Соратник Сталина», вышедшем в 1999 году и «написанном по недавно рассекреченным документам архива ФСБ», легенда о человеке, подарившем ёлку советским детям, получает дальнейшее развитие. Эпизод о ёлке развёрнут здесь в пространное повествование и оформлен как самостоятельная новелла. Материалом, помимо всё той же заметки в «Правде», послужили биографии и воспоминания о Постышеве, но главным её стержнем, судя по всему, явились мемуары сына, предоставившие автору почву для безудержной фантазии. Как пишет Исаев, незадолго до наступления 1936 года Павел Петрович устраивает со своими детьми домашний «партактив», на котором ставит «проблему государственной важности» — о возвращении ёлки советским детям. На вопрос, как они предпочитают встретить Новый год — с ёлкой или без ёлки, все дети, не задумываясь, дружно высказываются за ёлку, но тут же пугаются. Для оправдания своего крамольного желания они ссылаются на всё ту же «ёлку в Сокольниках»: «Почему так получается? Все мы помним знаменитую ёлку в Сокольниках — во всех газетах писали про неё, про то, как у московской детворы побывали на ёлке Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, а теперь про ёлку и говорить нельзя?» Вопрос о ёлке был задан и больному Леониду. Подросток реагирует на него весьма скептически: «А кто вам её разрешит, разбежались, она отменена, как буржуйская забава, чуждая нам...» Отец молча наблюдает за детьми, но «в душе» он уже знает: «ёлка в стране будет!»

Выслушав мнение детей, отец делится с ними воспоминаниями о своём тяжёлом детстве. Сюжет «чужая ёлка» приобретает в этом рассказе особенный драматизм: оказывается, маленький Павлик вместе со своими сверстниками, с завистью глядя в окна на ёлки в богатых домах, рисковал жизнью: «...в такую же новогоднюю пору, перебравшись через высоченную изгородь господской усадьбы», они, дети рабочих, «подбирались к ярко освещённым окнам, за которыми горела огнями чудо-ёлка. Она будила воображение, влекла к себе»; «мальчишки с рабочих прокопчённых окраин Иваново-Вознесенска уже ползли к ней... казалось, со всех концов города была видна ёлка, которая могла стоять им жизни». Здесь следует напомнить, что даже в самых трагических рассказах о бедных «малютках», глядящих через окно на чужую ёлку, никто и никогда не угрожал им. В худших случаях они просто замерзали тут же под окном.

Стремясь подчеркнуть, сколь сильно «дети рабочих» желали иметь ёлку, Постышев продолжает:

И кто-то, помню, сказал, что видел в доме у ёлки мальчика, который был недоволен праздником, сидел кислый и хмурый, мы даже остановились посреди улицы — это казалось невероятным. С какой горестью взирал я на своих оборванных братьев, какой жестокой и несправедливой виделась мне их жизнь, а ведь они такие же дети, как и те, за освещёнными окнами особняка, и им, конечно, хотелось бы такую же ёлку, а такие же подарки на ветках, такой же праздник, хоровод...

Вспомнил он и об обстановке «спального» рабочего района Иваново-Вознесенска, где прошли его детство и трудовая юность, те комнаты, в которых о ёлке детям и мечтать было нельзя:

Вот так мы жили тогда. И куда было деться с ёлкой — не принесёшь же её в нашу «спальню», да и мало кому принесла бы она в ту пору радости. Нароботавшись за день в цехе, не то что ёлочку, а жить не захочешь...

Включение в роман о человеке, все предложения которого (как пишут о нём) «казались заимствованными из самой жизни, возвращёнными ей по справедливости», традиционного сюжета о «чужой ёлке», приуроченного к пролетарскому периоду борьбы с царизмом, весьма знаменательно. Постышев, как стремится показать Исаев, на себе познал, что значит быть лишённым ёлки, и через всю свою жизнь пронёс память о страстном желании ребёнка с окраины пролетарского городка иметь ёлку. Это и стало важнейшим стимулом к его хлопотам по восстановлению отвергнутого обычая. Домашний «партактив» единогласно принимает решение «о необходимости восстановления празднования Нового года с ёлкой».

Павел Петрович едет на пленум, где, согласно автору романа, выступает с предложением об организации в стране новогодних детских ёлок. По возвращении домой он ставит у кровати больного сына, на выздоровление которого, по мнению врачей, уже не было никакой надежды, «крошечную искусственную ёлку, украшенную игрушками». Леонид перестаёт кашлять и встаёт с постели: ёлочка спасает его, вылечив от тяжёлой затяжной болезни, как это неоднократно бывало в традиционных рассказах о ёлке-спасительнице и избавительнице:

Всем им казалось, что на всём белом свете рядом с ёлкой никто никогда болеть не будет, потому что счастьем тоже можно лечиться, оно сильнее профессоров и лекарств.

[166, 296-301]

Как нетрудно заметить, текст этой новеллы опирается на штампы традиционных рождественских произведений о ёлке, начиная от страстного желания детей иметь ёлку и кончая самыми популярными и избитыми сюжетами о рождественском дереве — «чужой ёлке» и «чуде исцеления», свершающемся в его присутствии. Так на основе небольшой заметки, опубликованной в «Правде», была создана легенда о человеке, подарившем ёлку советским детям. В этой этиологической легенде, объясняющей существующий порядок, Постышеву приписывается роль «творца», «культурного героя», возвратившего людям утраченный ритуальный объект. Текст конструируется на основе определенного набора штампов и весьма ограниченной документальной информации. Процесс создания этой легенды показывает, каким образом происходит активизация архетипической структуры: вместо восстановления причинно-следственного процесса (почему ёлка была разрешена) создаётся повествование о «начале», «происхождении», «восстановлении» явления и о герое, который явился его «творцом» [см.: 253, 23-40].

Как сказал Пушкин, бывают странные сближения. Задолго до появления заметки Постышева, в 1919 году, А.И. Куприн напечатал в выходившей в Гельсингфорсе газете «Новая русская жизнь» юмористический святочный рассказ «Последний из буржуев», действие которого приурочено к концу 1935 года: накануне Рождества к единственному сохранившемуся в СССР «буржую» Рыбкину приходят «два комиссара», которые утешают его, просят не умирать и не переходить «на советскую платформу». А «буржуй» совсем раскис, бродит перед Рождеством по городу и с грустью вспоминает старые времена: «Вот, думаю, прежде у людей ёлка бывала... детишки... свечей много... золото сусальное блестит... бусы качаются... смолой пахнет. И так грустновато мне стало...» Вернувшись домой, он вдруг обнаружил у себя в гостиной небольшую

ёлочку, «всю сияющую маленькими тёплыми огоньками»:

Золотые и серебряные украшения весело поблёскивали. Тут висели, подрагивая и чуть раскачиваясь, миниатюрные гильотинки, изящные модели виселиц, топоры и плахи, серпы и молоты и другие революционные игрушки и эмблемы.

Как оказалось, эту ёлочку в утешение «последнему буржую» устроили те самые «два комиссара». «“В борьбе обретёшь ты имя своё”, — пролепетал Рыбкин и заплакал. Заплакал от горя и умиления» [210, 77-78].

Ёлка Ильича

В обширной «детской» лениниане, которая на протяжении нескольких десятилетий создавалась советскими писателями, специализировавшимися на конструировании канонического образа В.И. Ленина, два сюжета имеют прямое отношение к нашей теме: «Ёлка в Сокольниках» и «Ёлка в Горках». Нескольким поколениям советских людей рассказы о Ленине, присутствовавшем на детских ёлках, были известны едва ли не с младенчества: их читали в детских садах, они включались в буквари, в школьные учебники и хрестоматии, они миллионными тиражами издавались в сборниках «Ленин и дети» (в 1983 году, например, тираж одной из таких книжек составил два миллиона шестьсот тысяч экземпляров [52]). Создание и тщательная обработка произведений, в которых вождь мирового пролетариата и основатель советского государства организует для детей ёлку, беспечно веселится и водит с ними хоровод вокруг разукрашенного дерева, вызывались необходимостью не только утвердить, но и постоянно поддерживать в детях культ «дедушки Ленина». У маленьких читателей или — чаще — слушателей этих произведений должно было возникать ощущение абсолютной естественности и правомерности описываемого события: ведь Ленин, как им постоянно внушалось, очень сильно любил детей.

Каждый из этих текстов — «Ёлка в Сокольниках» и «Ёлка в Горках» — имеет свою историю. Они возникли в разное время, основываются на разных событиях и разных источниках. Прежде чем был выработан их канонический вариант, оба текста тщательно и неоднократно редактировались. История их создания показывает, сколь строго в процессе формирования образа Ленина, идеализированного в человеческом отношении и безукоризненного в идеологическом плане, взвешивались и подтасовывались факты, фильтровались подробности и нюансы событий его биографии.

В основу «Ёлки в Сокольниках» положены воспоминания видного советского и партийного деятеля, сподвижника Ленина В.Д. Бонч-Бруевича. Эпизод о ёлке в Сокольнической лесной школе, на которой присутствовал Ленин, содержится в очерке «Нападение бандитов на В.И. Ленина в 1919 г.», который впервые вышел отдельной брошюрой в 1925 году в издательстве «Жизнь и знание». Через пять лет, в 1930 году, был опубликован цикл воспоминаний Бонч-Бруевича «Три покушения на В.И. Ленина», а год спустя увидел свет полный свод его «Воспоминаний о Ленине», который представляет собой довольно толстую книгу. В нём интересующий нас очерк имеет название «Нападение на Владимира Ильича Ленина в 1919 г.». Сюжетным центром этого очерка является не столько праздник ёлки, сколько эпизод нападения бандитов на машину, в которой Ленин ехал в Сокольники. Главная цель мемуариста состояла в изображении тех постоянных опасностей, которые подстерегали Ленина на его жизненном пути. И хотя в данном случае ему угрожали не «враги», а простые «бандиты», автору было важно

донести до сознания читателей мысль о том, как часто Ленин подвергался смертельной опасности. Как рассказывает Бонч-Бруевич, в конце 1919 года Н.К. Крупская по настоянию Ленина едет, чтобы поправить здоровье, в лесную школу, расположенную в Сокольниках. Ленин часто навещает жену, и однажды в конце декабря он предлагает Бонч-Бруевичу отправиться в Сокольники вместе с ним, чтобы повидать Надежду Константиновну, а заодно и принять участие в детском празднике ёлки. Ленин даёт Бонч-Бруевичу деньги «для складчины» и наказывает ему купить продукты и игрушки для ёлки: «...доставайте, где хотите, пряников, конфет, хлеба, хлопушек с костюмами, масок, игрушек и поедем 24 декабря к вечеру» [51, 370]. Выполнив наказ, Бонч-Бруевич приезжает в Сокольники и обнаруживает, что Ленина ещё нет. Все с нетерпением поджидают его, дети отказываются начинать праздник без него, Надежда Константиновна беспокоится. Появившийся наконец Ленин прежде всего просит Бонч-Бруевича не волновать «Надю», а потом рассказывает ему о происшествии, случившемся с ним по дороге в Сокольники: на машину, в которой он ехал, напали бандиты, грозили револьвером, вышвырнули его и шофёра из машины, оставив на дороге, так что им пришлось добираться до Сокольников «своим путём». Бонч-Бруевич немедленно вызывает по телефону отряд курсантов для охраны лесной школы и, связавшись по телефону с Дзержинским, организует срочные розыски машины, которую в конце концов находят брошенной.

А тем временем в школе проходит праздник. Ленин ласково беседует с детьми, вызывая у них полное доверие к себе, организует хоровод вокруг ёлки, поёт песни, играет с ними в кошки-мышки. После того как на дереве зажглась иллюминация, устроенная местным электриком, «ликованию и радости детей не было конца, и всё ещё бодрей запели и закружились в дружном хороводе вокруг ёлки, которая переливалась разноцветными огоньками». Поскольку больше рассказывать о празднике было явно нечего, то автор снова и снова, слегка варьируя фразы, пишет о хороводе как главном ёлочном ритуале: «Вот опять и опять закружились вокруг ёлки, складно запели другую песню...»; «...и все понеслись быстрее и быстрее в радостном хороводе смеющихся и счастливых детей». Свой рассказ о ёлке в Сокольниках Бонч-Бруевич заканчивает фразой, характеризующей Ленина: «Ведь он так сильно и привязчиво любил детей!», после чего снова возвращается к теме о нападении бандитов и рассказывает, как проводилось расследование этого инцидента [51, 374-375].

Несмотря на то, что полностью мемуары Бонч-Бруевича были опубликованы в 1931 году, в самый разгар антиёлочной кампании, эпизод о ёлке в Сокольниках не был из них исключён. По всей видимости, этому способствовал ряд причин: во-первых, речь шла о событиях давнего прошлого; во-вторых, их автором являлось авторитетное лицо, ближайший соратник Ленина; в-третьих, в контексте всего корпуса воспоминаний эпизод о ёлке составил совсем небольшую и на общем фоне малозначимую их часть. И всё же до «реабилитации» ёлки в конце 1935 года рассказ о празднике в Сокольниках продолжал оставаться лишь мемуарным эпизодом: «для детского пользования» он не употреблялся.

Однако сразу же после того, как ёлка была разрешена, этот эпизод «отпочковался» от полного текста «Воспоминаний о Ленине» и в отредактированном и адаптированном для детей варианте зажил своей самостоятельной жизнью, бесконечное количество раз переиздаваясь в сборниках «Рассказы о Ленине», «Ленин и дети» и др. Впервые переработанный для детей текст появился вскоре после опубликования статьи Постышева, когда срочно понадобились данные, подтверждающие правомерность возвращения ёлки. Уже в 1936 году под названием «Владимир Ильич на ёлке» он был включён в первое советское пособие по устройству ёлки, этом издании текст Бонч-Бруевича помещён вторым материалом — после перепечатанной из «Правды» директивной статьи Постышева. В отличие от более поздних переработок, данный вариант ещё тесно связан с первой его редакцией «для взрослых». Начав с того, что Ленин очень

любил детей, Бонч-Бруевич рассказывает и о болезни Крупской, и об её отъезде в лесную школу в Сокольниках, и даже дважды называет дату праздника, которая в поздних редакциях никогда не указывалась — 24 декабря (то есть — Сочельник). Этот небольшой текст разбит на три главки: в первой даётся завязка (замысел поездки); во второй рассказывается об обычае новогодней ёлки (ведь рассказ адресовался детям, которые росли в эпоху запрета на ёлку и потому не были с ней знакомы; впоследствии этот фрагмент был исключён за ненадобностью); в третьей главке говорится о самом празднике. Рассказ заключается фразой: «И мне хотелось бы, чтобы все дети знали, что сердце Владимира Ильича всегда билось за радость и счастье детей. Он их ценил и любил» [50, 8].

Редактирование текста «Ёлки в Сокольниках», как показывают его издания разных лет, производилось неоднократно, и делалось это, по-видимому, как самим автором, скончавшимся в 1955 году, так и позже. В последующих вариантах из него полностью исключается эпизод нападения бандитов на машину, в которой Ленин ехал в Сокольники. Действие начинается прямо с его обращения к рассказчику: «“Хотите, Владимир Дмитриевич, участвовать в детском празднике?” — “Хочу”, — говорю». После этого Ленин передает Бонч-Бруевичу деньги на покупку продуктов и игрушек, причём если в первоначальных вариантах в речи Ленина сохранялось указание на то, что деньги даются «для складчины» (то есть являются лишь частью тех средств, которые потратятся на ёлку), то в последующих обработках Ленин просто говорит: «А на расходы вот вам деньги» [52, 11-12]. Этим подчёркивалось, что Ильич все затраты на детский праздник взял на себя. Помещённый далее краткий исторический комментарий о тяжёлой материальной обстановке 1919 года имеет своей целью обратить внимание на щедрость Ленина, который, несмотря ни на что, тратит личные деньги на устройство праздника для детей. О необходимости навестить Надежду Константиновну в одних вариантах упоминается («И поедем завтра к вечеру в школу Надю навестить» [53, 54]), в других опускается, и в этом случае остаётся непонятным, откуда она вместе с сестрой Ленина Марией Ильиничной вдруг появляются на празднике, когда дело доходит до раздачи подарков.

Но самое главное — в переработанной для детей версии получает дальнейшее развитие тема «Ленин и дети». Ленин предстаёт здесь как талантливый педагог, сразу же берущий инициативу по проведению праздника в свои руки. Он с лёгкостью вовлекает детей в игровую ситуацию и моментально завоёвывает их доверие: водит с ними хоровод вокруг ёлки, играет в кошки-мышки, снова ходит с песнями вокруг ёлки, рассматривает вместе с ними школьный зоологический уголок и т.д.: «Ребята в восторге...»; «После игры завязалась беседа»; «Дети говорили с ним просто, и не чувствовалось никакого стеснения»; «Он быстро узнал их имена, и надо было удивляться, как он только не путал их»; «Владимир Ильич углубился в их дела, да так, как будто он всю жизнь только и делал, что занимался со школьниками». Рассказ оканчивается сообщением о том, что дети впоследствии писали Ленину письма, «а он, хотя был очень занят, всегда отвечал им» [52, 14-15].

В версии для детей было подвергнуто редактированию и указание на дату события в Сокольниках. В тексте мемуаров праздник датируется дважды: в начале очерка о нападении на Ленина бандитов и в рассказе шофёра о происшествии по дороге в Сокольники: «В сочельник, 24 декабря, — рассказывал мне шофер тов. Гиль...»; и несколько далее: «Ввиду сочельника народу на тротуарах было очень много» [51, 378]. В первой переработке для детей 1936 года указание на время даётся в речи Ленина, обращённой к Бонч-Бруевичу («...и поедем 24 декабря к вечеру Надю навестить» [50, 5]). В последующих изданиях дата убирается: в адресованном детям тексте не следовало обращать внимание на то, что ёлка состоялась в Сочельник, чтобы не компрометировать Ленина, устроившего детям праздник как раз накануне Рождества. Поэтому событие вообще перестали датировать. Предполагалось, что маленьким читателям и так ясно,

что празднование ёлки могло происходить в самом конце декабря — перед Новым годом, когда и принято устраивать в школах ёлки.

Воспоминаний Бонч-Бруевича о таком значительном эпизоде в жизни вождя, как устроенной им детской ёлке, оказалось недостаточно. Вскоре после разрешения ёлки появилась обработка текста Бонч-Бруевича, сделанная детским писателем А.Т. Кононовым, специализировавшимся на создании легендарных текстов о Ленине, которые и «составляют основное ядро его творческого наследия» [281, 3]. Кононов приступил к работе над рассказами о Ленине в 1930-е годы, а первое издание его «Ёлки в Сокольниках» появилось в то время, когда ёлка активно утверждалась в качестве одного из советских символов, который необходимо было подтвердить непререкаемым авторитетом. Впервые обработка Кононова была включена в сборник «Ёлка», вышедший в 1941 году. Прделанная Кононовым редактурa эпизода о ёлке в Сокольниках была значительна и в высшей мере показательна: в его тексте события представлены не с точки зрения соратника Ленина, а глазами самих детей, учащихся сокольнической школы, в которой с самого начала и происходит действие рассказа: «За ёлкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покудрявее, срубили и привезли в лесную школу». Ребята наблюдают за тем, как школьные работники прибывают ёлку к двум накрест сколоченным доскам, а на следующий день с самого утра начинают поджидать Владимира Ильича, всё время приставая к школьному завхозу (который оказался старым петроградским рабочим, знавшим Ленина ещё до революции), приедет ли Ленин: «А что если Ленин не приедет?»; «А если метель будет, Ленин приедет всё-таки? Или нет?» На это завхоз уверенно отвечает: «Раз Ильич сказал, что приедет, значит приедет!»; «Не приставайте! Говорю вам — раз он сказал, что приедет, значит приедет» [192, 5].

В рассказе Кононова главным препятствием на пути Ленина в сокольническую школу оказывается не нападение бандитов, а разыгравшаяся метель: «Метель и в самом деле поднялась. Засвистел в соснах ветер, сухой снег закружился по земле белыми змейками»; «На дворе ветер свистит, сухой снег звонко бьёт в окна комнат» [193, 4]. Ленин, разумеется, побеждает разыгравшуюся под Рождество природную стихию и приезжает. Он раздевается, вытирает платком мокрое от снега лицо и сейчас же идёт к ребятам, которые его сразу узнают: ведь «сколько раз они видели портрет Ленина!», — восклицает автор. Советским детям должно было показаться вполне естественным, что ученики школы в Сокольниках через два с небольшим года после Октябрьской революции знают Ленина в лицо; что его внешность была этим детям так же хорошо известна, как и им самим, действительно сотни раз видевшим Ленина на портретах. Растерявшиеся вначале дети быстро осваиваются: Ленин ведёт себя столь непосредственно, что они тут же начинают водить с ним хоровод вокруг ёлки и играть в предложенную им игру в кошки-мышки и т.п.

В изложении Кононова дети уже не представляют собой безликой массы: они наделены именами (Вера, Катя, Сеня), которые Ленин тотчас же запоминает и ни разу не ошибается в их идентификации; дети различаются возрастом, ростом, характером, речью. В текст включается эпизод с ряженым слоном, которого изображали два работника школы; описывается игра в жмурки, после которой все ребята вместе с Лениным попросту принялись бегать вокруг ёлки. Маленькая Катя держала Ленина за руку: «У Ленина рука была большая, тёплая». И тут неожиданно, неизвестно откуда появляясь ранее не упоминавшиеся (но, по мемуарам Бонч-Бруевича, присутствовавшие в это время в школе) Надежда Константиновна и Мария Ильинична, которые вносят большую корзину с подарками: «Эти подарки привёз ребятам Ленин. Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан. Катя получила куклу». Если в тексте Бонч-Бруевича говорится, что в конце праздника Ленин «тепло простился с маленькими друзьями», то у Кононова он, подобно Деду Морозу, выполнившему свою роль, как и полагается этому

мифологическому персонажу, неожиданно исчезает: «А Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал» [192, 9]. «Вот такая была ёлка на окраине Москвы, в Сокольниках, в 1919 году», — заканчивается рассказ в поздних вариантах [193, 12].

Этот текст, равно как и переработка для детей мемуаров Бонч-Бруевича, выходил ежегодно многотысячными тиражами в изданиях серий «Библиотека детского сада», «Школьная библиотека», для дошкольного возраста, для младшего школьного возраста и т.д. с иллюстрациями разных художников. Самыми известными являются иллюстрации Н.Н. Жукова, художника, начавшего с 1940 году создавать серию тематических рисунков «В.И. Ленин», в которую вошли и иллюстрации к «Ёлке в Сокольниках»: на одном из них Ленин изображён разговаривающим с мальчиком, в то время как другие дети сгрудились вокруг них; на другом — Ленин сидит в окружении детей и внимательно слушает девочку, декламирующую стихотворение; на третьем — он во время игры в кошки-мышки высоко поднимает на руках девочку, чтобы спасти её, «мышку», от «кошки», и т.д. И всё это — на фоне роскошного разряженного дерева. Трудности обстановки 1919 года, о которых упоминает Бонч-Бруевич, здесь не проглядывают ни в чём: богато убранная ёлка, которая под стать рождественским деревьям в самых зажиточных дореволюционных домах, хорошо одетые (по моде 1940-х годов) дети, дорогие подарки. Событие модернизируется и абстрагируется, становится внеисторичным — вечным примером доброты и щедрости вождя.

Кроме переработки Кононова, существует, по крайней мере, ещё один вариант изложения события, отражённого в мемуарах Бонч-Бруевича. В вышедшем в Свердловске в 1940 году сборнике «Морозко» тот же сюжет под заглавием «Ленин на ёлке» дан в обработке А. Гутмана (или Гутман?). Как и в тексте Кононова, события с самого начала разворачиваются в лесной школе. Ёлку срубает и устанавливает сторож Иван Кузьмич; дети бегут к заведующей Ольге Петровне и спрашивают её, чем украсить дерево; они сами мастерят игрушки (кораблики, звёздочки и ватного Деда Мороза), после чего начинают поджидать Ленина: «Вот и ёлка готова, и темнеть начало, а Ильича всё нет и нет». И тут действие переносится на лесную дорогу, где Ленина с женой задержали бандиты. Однако после того, как Ленин решительно заявил им: «Я должен быть сегодня на ёлке. Меня ждут дети», — «сознательные бандиты» отпускают его. Он появляется в школе весь обсыпанный снегом: «И ведь он был похож на Деда Мороза», — комментирует автор, сближая образ вождя с мифологическим дарителем подарков. В этом варианте Ленин, играя с детьми, сажает на плечи малыша и со словами: «Кавалерия, за мной! В галоп!» — бежит вокруг ёлки. «Ёлка горела разноцветными огнями. В комнате было светло и шумно. Взявшись за руки, дети и взрослые бежали друг за другом». В конце праздника он сам (как и полагается Деду Морозу) раздаёт подарки. Повествование завершается словами: «Это было много лет тому назад, в январе 1919 года. Дети, которые видели тогда Владимира Ильича, уже стали взрослыми. Но никогда они не забудут, как Ильич был у них на ёлке» [107, 113-118]. Автор переработки, видимо, запутавшись в послереволюционных календарных переменах, переносит событие в Сокольниках почти на год раньше: с декабря 1919 года на январь того же года.

История создания и редактирования «Ёлки в Горках», пожалуй, ещё сложнее, чем история «Ёлки в Сокольниках». Этот текст, знакомый нам в ряде обработок, является результатом коллективного творчества как участников и свидетелей события в Горках, так и создателей канонической биографии Ленина. Согласно окончательному варианту, по инициативе Ленина (тогда уже тяжело больного и парализованного, о чём, конечно же, в детских изданиях не говорится) в имении Горки под Москвой, где Ленин жил последние два года, была организована ёлка для местных детей. Ильич принимает их у себя, ласкает их и веселится с ними, водя вокруг ёлки хоровод. Это событие имеет документальное подтверждение в виде явно сфабрикованного

фотоснимка, на котором Ленин в окружении детей сидит в кресле на фоне ёлки; правой рукой (парализованной) он поглаживает детей по головкам.

Скрупулёзное источниковедческое исследование по реконструкции события, которое легло в основу сюжета «Ёлки в Горках», проделал Б.А. Равдин. В двух главах его фундаментальной работы «Ленин в Горках — болезнь и смерть» (печатавшейся под псевдонимом Н. Петренко) «Когда была ёлка в Горках?» и «Кто был на ёлке?» [317, 243-251] по многочисленным документам прослеживается, как тщательно и выверенно складывалась официальная легенда об устроенном в Горках детском празднике. В своём дальнейшем изложении процесса выработки легенды я опираюсь на эту работу.

Первые сведения о ёлке в Горках, как пишет Равдин, появились через несколько дней после смерти вождя, случившейся, как известно, 21 января 1924 года. 24 января газета «Вечерняя Москва» сообщила, что в «последние дни перед смертью» Ленин устроил ёлку для живущих вблизи Горок крестьянских детей. В тот же самый день в «Правде» было напечатано «Сообщение о болезни и смерти В.И. Ленина», подписанное лечившими его врачами, где также упоминалось о прошедшей в Горках ёлке: «На рождество 1923 года была устроена ёлка для детей». В газете «Известия» в материале под названием «В Горках» тоже упоминалось о проведённом в Горках празднике. Все три одновременно появившихся материала датируются по-разному. В создании канонического текста, как показывает Равдин, одной из главных проблем оказался поиск наиболее благоприятного варианта датирования «ёлочного» события с участием Ленина. Указывать на то, что праздник приурочивался к христианскому празднику Рождества (будь то 25 декабря, то есть Рождество европейское, или же 7 января, то есть русское Рождество), было явно нежелательно. Несмотря на то что в начале 1924 года борьба с церковью и религиозными праздниками ещё только начиналась, всё же писать о том, что Ленин отмечал Рождество и даже приглашал на этот праздник детей, авторы материалов не осмеливались. Поэтому в первом сообщении (в «Рабочей Москве») точная дата проведения ёлки вообще не указывается: даётся обтекаемое выражение «в последние дни перед смертью». Второе сообщение, подписанное врачами, по мнению Равдина, датировало событие верно, приурочив его к Рождеству 1923 года — то есть к 25 декабря. В третьем сообщении, в газете «Известия», временем проведения ёлки названо «комсомольское рождество», о существовании которого говорилось выше. Вплоть до 1929 года день Рождества (25 декабря) был нерабочим днем. Поэтому скорее всего и ёлка состоялась 25 декабря 1923 года. На это указывает большинство участников, отметивших, что событие имело место в конце декабря. О том же пишет и сестра Ленина М.И. Ульянова: «На Рождество 1923». Через несколько месяцев после смерти Ленина один из участников ёлки в Горках Г.Я. Лозгачев приводит ту же датировку: 25 декабря. Обнародование этой даты, как считает Равдин, было сделано «с ведома и согласия Крупской или одной из сестёр Ленина...» Племянник Ленина В.Д. Ульянов, который присутствовал на ёлке в возрасте шести лет, вряд ли мог запомнить точную дату, однако и он также говорит о декабре 1923 года. В 1926 году жена давнего сподвижника Ленина И.И. Радченко со слов Крупской записала в дневнике: «Последнюю ёлку в Горках он [Ленин] устроил при помощи Марии Ильиничны незадолго до своей смерти, в конце 1923». В мемуарах лечившего Ленина психиатра В.П. Осипова записано: «На Рождество была устроена ёлка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели, Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос, не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня, но он показал, чтобы детей оставили в покое».

До середины 1950-х годов так и считали, что ёлка состоялась в конце декабря, накануне Нового года, когда и полагается праздновать ёлки. Поэтому подобная датировка никого не удивляла и никому не приходило в голову соотносить ёлку в Горках с Рождеством. И всё же на

всякий случай в хрониках жизни и деятельности Ленина об этом событии вообще не упоминалось, несмотря на стремление их составителей зафиксировать едва ли не каждую минуту в жизни вождя. Составителям хроник безусловно было ясно, что ёлка в Горках проходила именно на Рождество, и «её организация в рамках антирелигиозной пропаганды советского государства и воинствующего атеизма его основателя, была несколько двусмысленной». «Странность ситуации, — пишет Равдин по этому поводу, — отметили и сотрудники охраны, которым поручили в ближайшем лесу вырубить дерево для торжества». Один из них позже записал: «Задание... показалось мне необычным по тем временам. Как известно, ёлки тогда не принято было устраивать...» Не исключено, однако, что в этой записи даётся модернизированная реакция мемуариста: строжайший запрет на ёлку, гонения на неё начались, как мы уже видели, несколькими годами позже: в середине 1920-х годов ёлка ещё не была запрещена. Показательно, что М.И. Ульянова, бывшая главным организатором праздника, под руководством которой на дерево развешивали игрушки и устанавливали звезду, водила вместе с детьми хоровод вокруг ёлки и пела с ними «Варшавянку» и другие революционные песни. Итак, судя по всему, ёлка в Горках состоялась в день западного Рождества, то есть 25 декабря 1923 года.

Однако с этой датой биографам Ленина и идеологам детской литературы, бдительно следящим за тем, чтобы нежелательные элементы не проникали в издания для детей, нельзя было согласиться. Поэтому постфактум дата ёлки в Горках была перенесена на более подходящее число, а именно — на 7 января, то есть на день «русского» Рождества. Но и эта дата, напоминая о православном празднике, тоже не подходила. И в результате биографы Ленина остановились на хронологически неопределённом, но вполне подходящем в новых условиях варианте — «новогоднем вечере»: «В новогодний вечер для детей, живущих в Горках, была устроена ёлка». Такая датировка, как справедливо замечает Равдин, «ни по старому, ни по новому календарю... не может вызвать сомнений в атеизме Ленина. Ёлку в Горках можно по праву называть “новогодней”». И только в двенадцатитомной «Биографической хронике» Ленина, выпущенной в 1982 году, событие в Горках датируется днём православного Рождества — 7 января. Сообщив (со ссылкой на воспоминания А.С. Курской [213, 210]) о том, что в последних числах декабря 1923 года Ленин вместе с женой «составляет список подарков детям, приглашённым к ним на ёлку» [74, 625], авторы хроники под датой 7 января 1924 года делают следующую запись: «Ленин присутствует на ёлке, устроенной М.И. Ульяновой в большом зале для детей совхоза и санатория “Горки”; следит за играми детей, слушает их хоровое пение. В ответ на вопрос, не мешает ли ему шум детей, просит не останавливать их; вместе с Марией Ильиничной раздаёт детям подарки с ёлки» [74, 658-659].

Вторая проблема, которая требовала идеологической редакции сюжета «Ёлки в Горках», была связана с числом и социальным составом участников праздника. Составленный Равдиным сводный список гостей, которые, согласно печатным текстам, присутствовали на ёлке, включает в себя детей крестьян и рабочих совхоза и деревни Горки, окрестных сёл, рабочих и сотрудников соседнего санатория, местной больницы, ближайшего детского дома и, наконец, детей служащих в имении Горки. Охваченными оказались дети всех социальных слоёв: крестьян, рабочих, служащих. Охрана вспоминает, что детей привезли «на пяти лошадях, запряжённых в сани». Если в 1924 году Г.Я. Лозгачев говорил, что «собралось человек 10 детей», то с середины 1950-х годов он, устав «сопротивляться требованиям эпохи», неизменно в своих переиздававшихся мемуарах отмечал: «Всё это были детишки рабочих и служащих совхоза, санатория и местной больницы. Среди них и школьники, и малыши трёх-четырёх лет, ни один не был обойдён приглашением». В 1938 году художница Е.С. Зернова обратилась к Крупской с просьбой рассказать о том, как проходила ёлка в Горках. В ответ Крупская написала: «Дорогой товарищ, я

не советовала бы Вам брать эту тему. Ильич ничего против ёлок не имел, но и не придавал им никакого значения. Он был на ёлке в Горках, но тогда он был тяжело болен, его вывезли на ёлку в кресле, было на ёлке ребят там очень мало». Напомним, что незадолго до этой переписки ёлка вновь была возвращена — отсюда и интерес к «Ёлке в Горках» у художницы, которая явно намеревалась написать картину на эту тему.

На деле, как полагает Равдин, на празднике в Горках присутствовало не более пяти-шести родственников, воспитанников и близких семьи Ульяновых и, кроме того, несколько детей персонала, обслуживавшего Горки.

Переложения сюжета о ёлке в Горках для детей, как это случилось и с сюжетом «Ёлка в Сокольниках» Бонч-Бруевича, на протяжении нескольких десятилетий продолжали кочевать по детским сборникам, республиканским газетам и журналам, перелагаясь авторами, которые, согласно формировавшемуся мифу о Ленине и детях, создавали всё новые и новые тексты о событии декабря 1923 года, как, например, это сделали Павло Макрушенко [239, 57-62] и Виссарион Саянов, каждый из которых написал свою «Ёлку в Горках». Для иллюстрации приведу ныне совсем забытое стихотворение В.М. Саянова, опубликованное в «Правде» 21 января 1954 года в день тридцатой годовщины смерти Ленина:

Когда в Георгиевском зале
Заводят быстрый хоровод
И песня счастья рвётся в дали,
Я вспоминаю давний год,

И снова вижу ёлку в Горках
Для деревенских малышей,
Старух в тулупах и опорках,
Приведших к Ленину детей,

Как будто к дедушке родному.
Как будто в свой отцовский дом,
К нему пленительно живому.
Чей шаг в веках мы узнаём.

Он был тогда смертельно болен,
А всё светился лаской взгляд...
Он этой встречей был доволен
И звонким, чистым песням рад.

Смеялись девочки лукаво
И пели песни вперебой,
Был Дед Мороз красив на славу —
Мальчишка с белой бородой,

И всех лесов окрестных ели
В сиянье звёздного луча
До ночи с завистью глядели
На эту ёлку Ильича.

На ней горели ярко свечи
И розы пышные цвели...
А он мечтал в тот давний вечер
О счастье всех детей земли.

[374, 2]

Советская ёлка во второй половине XX века

В конце 1935 года ёлка была не столько возрождена, сколько превращена в новый праздник, получивший простую и чёткую формулировку: «Новогодняя ёлка — праздник радостного и счастливого детства в нашей стране» [136, 3]. Устройство новогодних ёлок для детей сотрудников учреждений и промышленных предприятий становится обязательным. Назначалась «ёлочная комиссия», в которую обычно входили профсоюзные активисты и которая должна была организовать праздник: разработать программу, доставить ёлку, обеспечить Дедом Морозом, приготовить подарки. В повести «Софья Петровна», написанной в Ленинграде в 1939-1940 годах, Лидия Чуковская рассказывает о предпраздничных хлопотах членов такой «ёлочной комиссии». Героиня повести, машинистка одного из ленинградских издательств, изо всех сил стремящаяся вписаться в советскую общественную жизнь, назначена ответственной за устройство ёлки для детей сотрудников:

Приближался новый, тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Местком принял решение устроить ёлку для детей служащих издательства. Организация праздника была поручена Софье Петровне. Она кооптировала себе в помощницы Наташу, работа у них закипела.

Писательница рассказывает о тех заботах и тревогах, которые выпадали на долю членов «ёлочной комиссии»:

Они звонили по телефону на квартиры служащих, узнавая имена и возраст ребят; отстукивали на машинке приглашения; бегали по магазинам, закупая пастилу, пряники, стеклянные шары и хлопушки; сбились с ног, отыскивая снег.

Самыми трудными задачами оказались выбор подарков и принятие решения, «какой подарок сделать кому из ребят, так, чтобы не выйти из лимита, и в то же время все были довольны». Для каждого ребёнка готовится особый подарок, что впоследствии вышло из практики советских ёлок, где предполагалось равенство всех детей. Из-за подарка дочке директора устроители ёлки чуть не поссорились: Софья Петровна хотела подарить ей большую куклу, в то время как её помощница находила это бестактным. Ёлку «купили высокую, до потолка, с широкими, густыми лапами». Украшали её с помощью лифтёрши с раннего утра и до двух часов дня: «Лифтёрша подавала Наташе и Софье Петровне шары, хлопушки, почтовые ящики, серебряные кораблики, а Наташа и Софья Петровна вешали их на ёлку». В пакетики с конфетами вкладывали записки «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство». В середину большой красной пятиконечной звезды Софья Петровна клеила кудрявую головку маленького Володи Ульянова. На верхушку ёлки водрузили звезду. Со стены сняли портрет Сталина во весь рост и заменили его другим — где Сталин изображён с девочкой на коленях: ёлка должна была напоминать детям о любви к ним «вождя всех народов». Каждая деталь в повести Лидии Чуковской отражает специфику предвоенного времени. Может быть, её героиня слишком уж ревностно выполняет свои обязанности, но не следует забывать о том, что писательница показывает, как она стремится «вписаться в эпоху». Эпизод о ёлке завершается описанием праздника, который «удался на славу. Явились все ребята и почти все папы и мамы... Дети радовались подаркам, родители громко восхищались ёлкой» [474, 23-24].

Если для Ленинграда, Москвы и других крупных городов устройство ёлки являлось делом хоть и несколько подзабытым, но всё же привычным (следовало только учитывать требования

времени), то в захолустье, особенно по деревням, организация новогоднего праздника чаще всего была событием новым. В шадринской газете «Путь к коммуне» от 6 января 1937 года рассказывая о реакции на ёлку детей, впервые участвовавших в празднике:

Под марш «Весёлых ребят» детвора влетела в зал, где стояла нарядная ёлка. Многие из детей видят её впервые. Они от изумления застыли на месте ... Другие, поднимая крик, прыгали вокруг ёлки с большим восторгом.

[55, 14]

Впечатлениями о новогоднем празднике, устроенном в 1940 году в городе Опочке Псковской области, делится в своих воспоминаниях Виктор Русаков, мальчиком живший в маленькой деревушке неподалёку от Опочки. Его мемуары сохранили для нас ряд особенностей новогодних праздников тех лет. Пригласительные билеты на районную ёлку принято было выдавать только лучшим из учащих деревенских школ. Мемуарист вспоминает:

Меня и одноклассника моей сестры Егора Павлова, жившего в Кустове, пригласили, как лучших учеников школы, на районный новогодний утренник в Опочку. Получив от учительницы пригласительные билеты, отпечатанные на пишущей машинке, мы ещё в полдень отправились в город, хотя знали, что праздник ёлки будет вечером.

Мальчиков встречают «две молодые, по-городскому одетые женщины, обе коротко остриженные, в одинаковых тёмно-серых костюмах» — обычные организаторы, устроительницы и распорядительницы праздников ёлки. «Идите, раздевайтесь, — сказала... с улыбкой светленькая, — скоро начнём веселиться...» Первая в жизни ребят наряженная ёлка вызывает у них чувство изумления, схожее с тем, которое в XIX веке испытывали дети при виде рождественского дерева:

Минут через десять распахнулась дверь в зал, где стояла огромная сверкающая ёлка. Такой красавицы мы отроду не видали... То и дело слышались восхищённые возгласы осмелевшей детворы:

— Вот это да!

— Красиво-то как!

— А как такую большую ёлку из лесу привезли?..

Праздник начинается традиционным хороводом вокруг ёлки, который организуют «молодые женщины в серых костюмах». Затем детей просят прочитать стихи, рассказать сказку и спеть хором песенку «В лесу родилась Ёлочка...» И под конец появляется Дед Мороз, который приносит подарки — «самодельные кульки с румяными яблоками, дешёвыми конфетами и ароматными пряниками — их в деревне почему-то называли гороховыми». Во избежание того, чтобы кто-нибудь не остался обделённым, «новогоднее угощение» Дед Мороз «раздавал не просто так, а по списку, который зачитывали попеременно то светло-русая, то черноволосая». Характерной деталью являются названные здесь «самодельные кульки», а также описание их содержимого: в качестве новогодних гостинцев детям выдавали самые дешёвые и доступные в провинции сласти. Устроительницы, изо всех сил старающиеся быть с детьми приветливыми, не всегда оказываются способными справиться со своими обязанностями. Дети, ещё не привыкшие к подобного рода мероприятиям, чувствуют себя стеснённо, отчего вдруг возникают неловкие

ситуации, и детально продуманная программа праздника нарушается. Мемуарист вспоминает тот момент, когда при раздаче подарков была названа его фамилия и ему предстояло перед получением своего кулька исполнить какой-нибудь «номер»:

...Мужество покинуло меня, когда подошла наша с Егором очередь получать новогодние кульки и одна из ведущих ... натренированным голосом бодро воскликнула: «Михайлов Витя и Павлов Егор из Подлипской школы, подойдите сюда. Дед Мороз приготовил вам подарки, но прежде чем получить их, каждый из вас должен продекламировать какое-нибудь стихотворение».

От волнения мальчик был не в состоянии прочесть ни строчки, и «женщины с чёрными бантиками на шее от неожиданности растерялись. Десятки ребят с недоумением смотрели то на них, то на меня и, вероятно, думали, что подарочного кулька мне теперь не видать». Но всё обошлось: пакет почти насильно всовывают мальчику в руки. Несмотря на конфуз, первая в жизни мемуариста ёлка в Опочке навсегда осталась в его памяти прекрасным событием его деревенского детства:

Так и закончилась самая памятная для меня ёлка. Даже горький привкус непродолжительной обиды на славных молодых опочанок в тёмно-серых новогодних костюмах не мешает мне и сегодня считать тот январский день предвоенного года одним из самых счастливых дней моей жизни.

[359, 73-78]

После того как, превратившись в «советскую», ёлка была не только разрешена, но и стала обязательным новогодним мероприятием для всех детских садов, школ, домов пионеров и клубов, потребовались рекомендации и программы по проведению праздника. С 1936 года они начинают выходить одна за другой, предоставляя возможность организаторам опереться на сценарии, которые разрабатывались работниками просвещения. Первый сборник статей о проведении ёлки был издан уже в 1936 году [134]. В начале этой книжки помещены установочная статья П.П. Постышева из «Правды» и переработанный детей мемуарный очерк В.Д. Бонч-Бруевича о посещении Лениным ёлки в Сокольниках. Затем следуют материалы, объясняющие смысл нововведённого праздника, и рекомендации по его устройству в детских садах и школах. О растерянности перед неожиданно вставшей задачей (прежде всего перед работниками просвещения) свидетельствует вступительная статья Е.А. Флериной: «Ёлка явилась внезапно. Её никто не ждал, не готовился к ней. В магазинах не было ни ёлочных украшений, ни ёлочных игрушек — их не производили. В школах, детсадах, в семьях заволновались. Педагоги, родители, дети соорудили ёлку быстро, почти из “ничего”» [448, 9]. Некоторые педагоги ждали более чётких установок, опасаясь, как бы чего не вышло (и их можно понять!), но в большинстве случаев — прежде всего под нажимом властей — и в школах, и в детских садах, несмотря на недостаток времени на подготовку, ёлки были проведены. На следующий год потребовалось переиздание этой книжки, которая была напечатана в существенно переработанном и дополненном виде.

Представление о ёлочном сценарии, который в основных своих чертах вошёл в жизнь на всей территории Советского Союза, можно получить из отчёта о пройденной в начале 1937 года ёлке в городе Шадринске. Детей пускают на ёлку; они, поражённые красотой дерева, рассматривают украшения, свечи, игрушки. Затем в помещение входят «два больших Деда

Мороза», которые поздравляют детей с Новым годом и желают им учиться на отлично и хорошо. Вокруг ёлки выстраиваются «снежинки»; ребята смотрят балет «Снежинки», после чего исполняется балет «Зайчики». Дети поют песни, рассказывают стихи. Дети спрашивают «Дедушек Морозов», принесли ли они подарки, после чего Деда уходят и, вернувшись с полными подарков санками, раздают детям игрушки и сласти: «Самолёты, автомобили, чайные приборы, куклы, дедки морозы, зайчики, бабочки и много других интересных игрушек получила детвора от Дедов Морозов» [55, 13].

Изданная в 1940 году книжка «Ёлка» содержит несколько разработок ёлочных сценариев для детских садов [136]. В приложении даны списки текстов для чтения в праздничные дни и для разучивания наизусть, в основу которых положены произведения, отобранные педагогами для праздников ёлки ещё в XIX веке: это всё те же классические тексты русских поэтов о зиме («Зима, крестьянин торжествуя...» и «Вот ветер, тучи нагоняя...» Пушкина; «Не ветер бушует на бором...», «Мужичок с ноготок» и «В зимние сумерки нянины сказки...» Некрасова и др.). Из прозаических текстов даны «Мороз Иванович» В.Ф. Одоевского, а также русские народные сказки о Морозе и Снегурочке. Произведения дореволюционных авторов дополняются стихотворениями и песнями советских детских поэтов о новогодней ёлке. А их количество с каждым годом стремительно возрастало. Только в одном из двенадцати вышедших в 1940 году номеров «Репертуарного бюллетеня» (издание, в котором приводились списки разрешённых и запрещённых литературных и музыкальных произведений) были перечислены разрешённые к исполнению песни «Ёлка» на слова О. Высоцкой, «Ёлочка» на слова М. Ивансон, «У ёлочки» на слова Я. Родионова, «Ёлочная песенка» на слова В. Лебедева-Кумача и «Ёлочка» на слова Е. Тереховой [см.: 351].

Перед следующим, 1941 годом Детгиз снова сделал «подарок советским малышам», выпустив ещё один сборник «Ёлка» [132]. Эта книга, которая готовилась как подарочное издание, иллюстрирована В.М. Конашевичем. На её обложке нарисована сияющая огнями «украшенная яркими игрушками ёлка. Здесь также собраны произведения, посвящённые «новогодней ёлке и зиме», среди которых — новейшие тексты: «Ёлка» С.Я. Маршака и другие стихотворения про ёлку. Здесь же впервые была напечатана переработка А.Т. Кононовым сюжета «Ёлки в Сокольниках», а также рассказ Героя Советского Союза К. Бадигина «Ёлка-метёлка», повествующий о праздновании матросами Нового года на палубе ледокола «Седов» — «за тысячи километров от Москвы, в Ледовитом океане, при сильнейших ледовых сжатиях и морозах...» Но и на этой ёлке был Дед Мороз, а также подарки и хороший ужин — «словом всё, как на настоящей ёлке». Здесь впервые было напечатано ставшее впоследствии «классическим ёлочным» текстом стихотворение Сергея Михалкова «Ёлку вырублю в лесу...», и известная «детсадовская» песенка про ёлку:

Маленькой ёлочке холодно зимой
Из лесу ёлочку взяли мы домой...,

которая сразу же была подвергнута критике за её «фальшивость»: «Зачем фальшивить с детьми? Все они знают, что ёлочке в лесу не холодно и в тесной комнате ей хуже» [37, 51-52]. На форзаце этой книжки напечатан текст и ноты песни, которую поют советские дети, счастье которых обеспечивается ёлкой и «родным Сталиным»:

Как весело: как весело! Как радостно кругом!
Мы песней ёлку встретили, мы песню ей поём!

Мы песней ёлку встретили, мы песню ей поём!

Какая ты нарядная! С серебряной звездой.
Какая ты громадная! Как весело с тобой!
Какая ты громадная! Как весело с тобой!

Под звёздами, под крышами, чтоб песня пронеслась,
Чтоб все на свете слышали, как весело у нас.
Чтоб все на свете слышали, как весело у нас.

У светлой ёлки станем и крикнем на весь свет:
Мы шлём родному Сталину наш радостный привет!
Мы шлём родному Сталину наш искренний привет!

[132]

Книжки к ёлке печатаются и местными издательствами. Так, например, в Свердловске в 1940 году был выпущен сборник «Морозко», в который вошли сказки, песни, рассказы, загадки и поговорки о зиме, детских зимних забавах, ёлке, морозе и пр. [262]. Хотя и в этой книжке было вполне достаточно «идеологических материалов» (рассказ о Ленине на детской ёлке, стихотворение Г. Сикорской «Внучата Ильича» о тренировках маленьких бойцов и др.), тем не менее рецензент был раздражён обилием в ней «зимних образов», и в частности Мороза [456, 52-54]. Все подобного рода сборники закрепляли канонический список «ёлочных» текстов, которые ежегодно исполнялись на детсадовских и школьных новогодних праздниках.

Война прервала работу над созданием «ёлочного» сценария. Однако уже в первый послевоенный год вышла новая книжка об организации праздника ёлки в детских садах [135]. Во вступительной статье очерчены «общие принципы» проведения мероприятия с ёлкой — как «весёлого детского праздника советской детворы», в котором, по мнению составителей, должно быть «наличие традиционных моментов наряду с внесением нового сюрпризного материала» [114, 4-5]. «Зрелищный момент», о котором говорится здесь, обнаруживает несомненную преемственность советской ёлки от дореволюционной детской ёлки с её придуманной псевдонародной мифологией: персонажи напечатанной в этой книжке игры-инсценировки стали обычными на ёлках ещё в XIX веке. Данный составителями сценарий содержит в себе весь «набор персонажей, атрибутов и мотивировок», на основе которых на протяжении всех последующих десятилетий создавались «ёлочные» сценарии и проводились праздники детской ёлки.

С 1936 года еловое дерево становится необходимой принадлежностью не только советского праздника Нового года, но и советской жизни вообще. Связь ёлки с Рождеством была предана забвению. С приближением очередного Нового года в центральной и местной печати появлялись обязательные заметки под названием «Скоро ёлка», в которых сообщалось о развернувшейся в городах и колхозах подготовке к детским ёлкам. В передовых статьях новогодних выпусков газет и журналов, наряду с другими характерными приметами времени, всегда называется ёлка. Так, в первом номере журнала «Смена» за 1938 год сообщается:

Начался 1938 год. В ночных сменах 31 декабря 1937 года стахановцы боролись за первые производственные победы третьей пятилетки. Вдоль гигантской ленты границ

зорко несли свою вахту пограничники. А в городах и сёлах огромной страны сияли огнями дворцы и дома трудящихся. Советские люди плясали и пели. Дети водили хороводы вокруг разукрашенных ёлок. И миллионы строителей коммунизма поднимали тост за главного архитектора стройки — за товарища Сталина, чьё имя было у всех на устах в новогоднюю ночь.

[287, 5]

«Думающий о нас» Сталин, встречающий Новый год в Кремле, как бы незримо присутствовал на каждом новогоднем празднике, о чём писал Самуил Маршак в одном из своих «календарных» стихотворений:

Новый год. Над мирным краем
Бьют часы двенадцать раз.
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

Он желает нам удачи
И здоровья в Новый год,
Чтоб счастливей и богаче
Становился наш народ...

[248, 282]

Наряду с ёлкой, на общественных новогодних праздниках в центре торжества непременно оказывается и портрет Сталина. Ведь именно к нему дети должны были испытывать чувство благодарности за ёлку, за наступление Нового года (который вне всяких сомнений будет ещё счастливее, чем ушедший Старый), и вообще — за счастье жить в советской стране:

Мы весело пляшем
У ёлки большой.
На родине нашей
Нам так хорошо!

...Мы весело пляшем.
Мы звонко поём,
И песенку нашу
Мы Сталину шлём.

[184, 29]

В праздничные дни образ ёлки буквально не сходил со страниц газет и журналов. Его умудрялись использовать в любых ситуациях, в том числе и с целью патриотического воспитания молодёжи. В конце 1930-х годов, в эпоху «шпиономании», тема ёлки включалась даже в рассказы о поимке настоящих или мнимых шпионов. В последнем выпуске журнала «Крокодил» за 1938 год помещён рисунок М. Черемных «У ёлки на границе», на котором возле

раскидистой ели с поднятыми руками на лыжах стоит шпион — в очках, в перчатках, в шляпе и в полосатых брюках. Напротив него — пограничник с ружьём наперевес. Рядом собака. Пограничник говорит шпиону: «Вам повезло, господин шпион! В 1938 году вы первый на нашем участке» [200, 5]. В первом номере того же журнала за 1939 год напечатан рассказ Г. Рыклина «Дядя Ваня», в котором крестьянские дети из деревушки, расположенной рядом с пограничной заставой, с нетерпением ждут прихода на школьный новогодний праздник любимого ими начальника заставы товарища Шевченко. Дядя Ваня, как они его называют, обещал принести ёлку, но почему-то задержался. Пришедшие из соседнего села дети взволнованно рассказывают, как по дороге в школу они, заметив крадущегося между ёлок шпиона, решили его захватить. Шпион, пожилой человек с седой бородой, сразу же сдался, и ребята повели его на заставу. Во время их рассказа в зал входит «высокий старик, с белой бородой, в белом балахоне». Ребята узнают в нём того самого «шпиона», которого они задержали. «Старик громко расхохотался. Он сорвал с себя бороду и... оказалось что это дядя Ваня, который, нарядившись Дедом Морозом, пошёл в школу, и по дороге ребята задержали его как нарушителя». «Молодцы!.. — похвалил ребят товарищ Шевченко. — Но теперь происшествие на границе закончилось. Давайте веселиться!..» [362, 4-5].

Как до конца 1935 года осуждались и даже преследовались люди, устраивающие ёлки, так теперь в прессе высмеиваются «бюрократы», мешающие «людям веселиться». В одной из юморесок в первом номере журнала «Крокодил» за 1939 год изображён такой «бюрократ», считающий, что «приобретение ёлки будет неуместным, так как упомянутая ёлка отвлечёт внимание присутствующих от насущных задач» [144, 15].

Ёлка была поставлена на службу советской власти. Рождественское дерево превратилось в атрибут государственного праздника Нового года, одного из трёх (наряду с Октябрём и Первомаем) главных советских праздников. Скорому превращению ёлки в один из советских символов способствовала и её архитектоника, напоминающая башни московского Кремля, и звезда на её верхушке, превратившаяся из Вифлеемской в пятиконечную звезду, ассоциирующуюся со звёздами, горящими на башнях московского Кремля. Яков Хелемский в стихотворении 1954 года «Ёлка зажигается в Кремле» откровенно проводит эту параллель:

И звезда, лучащаяся блеском.
На вершине хвойного ствола,
В яркое кремлёвское созвездье
В этот день, как равная, вошла.

[458, 1]

Теперь тот же самый знак содержал в себе иной смысл. М.О. Чудакова в статье «Антихристианская мифология советского времени» прослеживает процесс появления и закрепления в советском государственном и общественном быту красной пятиконечной звезды как символа нового мира. Этот символ советской власти был введён в апреле 1918 года «сначала как нагрудный знак красногвардейцев и командиров Красной армии... V Всероссийским съездом советов красная звезда была утверждена в качестве символа “рабоче-крестьянской” советской власти». Тот факт, что «символом новой власти была избрана... не просто геометрическая или иная фигура *красного* цвета, а именно *звезда*» [473, 336-338], в высшей мере показателен: являясь в христианских представлениях предвестницей Христа, его двойником, звезда занимает в них особое место, что сказывалось и в обряде высматривания рождественской

звезды в Сочельник, и в соотношении её со звездой волхвов, и в обычае хождения со звездой на Рождество. Особенное значение звезда приобрела с приходом в Россию рождественской ёлки, где она, в отличие от других европейских стран, стала особо значимой. В советское время звезда на верхушке ёлки не просто сохранилась, но, утратив свою прежнюю христианскую символику, была переосмыслена. Ощущение «советской» сути звезды, венчающей ёлки, и её связь со звёздами московского Кремля отражены во многих стихотворениях:

На верхушке, выше веток,
Загорелась, как всегда,
Самым ярким, жарким светом
Пятикрылая звезда.

...Мы с тобой давно знакомы,
Наша звёздочка-краса!
Это ты горишь ночами
Над ночной Москвой в Кремле.

В бой несли тебя как знамя
Самолёты на крыле.
Это ты у самых смелых
Загоралась на груди,

Угольком на шапках тлела,
Праздник с нами проведи!
...Так гори же выше веток.
Пятикрылая звезда.

[433, 277]

После Великой Отечественной войны стремление идеологизировать возрождённый праздник проявляется ещё откровеннее. Ёлка всё более и более приобретает смысл, соответствующий новым задачам. В сборниках постоянно встречаются тексты о Сталине, как, например, в стихотворении 1953 года Льва Сорокина «У Кремля», где Сталин даёт инструкции Новому году, путешествие которого по стране начинается от стен московского Кремля [407, 16]. Точно так же «советизируется» и образ Нового года, персонификация которого совершившаяся ещё в русской культуре XIX века, была подхвачена и развита и на этом этапе.

В соответствии с директивой партии ёлка становится обязательной и в колхозной деревне, что запечатлел в своей бодрой песенке «Здравствуй, ёлка» В. Лебедев-Кумач:

Свежая, морозная
Ёлочка колхозная,
Здравствуй...

[217, 74]

Если в России XIX века ёлка была распространена только среди православных (то есть в

основном — русских людей), то теперь с ней знакомятся (и даже обязаны были знакомиться) и другие народы Советского Союза, в том числе и народы Крайнего Севера. В стихотворении З.Н. Александровой «Новый год» говорится о том, как ёлка была впервые «подарена» ненцам, которые до тех пор этого обычая не знали:

На север ненцам маленьким
Зимой под Новый год
С гостинцами, с подарками
Послали самолёт.

...А из кабинки ёлочку
Механик достаёт.
Попробовали — колется,
Как злая рыба кость.

[5, 22-23]

Ёлка, ёлочный сценарий и ёлочные персонажи насильственно прививаются на территориях всех советских республик. В рассказе Юрия Рытхэу, опубликованном в новогоднем номере «Огонька» за 1953 год, чукотский мальчик, от имени которого ведётся повествование, с восторгом восклицает: «Такой новогодней ёлки у нас никогда ещё не было! Собственно говоря, у нас раньше никаких ёлок не бывало» [363, 14]. Азербайджанская поэтесса М.П. Дильбази уже в конце 1930-х годов сочиняет стихотворение «Дед Мороз», образ которого вряд ли ранее был известен и близок азербайджанским детям.

Ежегодно на зимних каникулах в Большом Кремлёвском дворце устраивались ёлки для учащихся московских школ, которые проходили ежедневно вплоть до 10 января. Такие ёлки «обслуживали» по две тысячи детей в день. Всем участникам праздника вручались подарки. В 1954 году К.Г. Паустовский, отметив, что он пишет «реальную зимнюю сказку», в поэтически приподнятом тоне рассказывает об этом торжественном событии в жизни ребёнка:

В Георгиевском зале Большого дворца вспыхнула сотнями разноцветных огней первая ёлка. Смущённые от неожиданной радости, дети хлынули во дворец. У многих детей глубокая радость выражается в застенчивости, когда только нестерпимое сияние глаз выдаёт ту бурю счастья, что бушует в маленьком сердце.

[308, 1]

На фотографии, помещённой в «Правде» 2 января 1954 года с подписью «Безгранична радость детей, забываемым останется в их памяти этот большой и радостный праздник...», запечатлена громадная, до самого потолка, ёлка в Георгиевском зале; у стен дисциплинированно стоят дети; девочки — в белых передничках [336, 1]. Эта Главная Ёлка страны как бы объединяла собою все ёлки, горящие в дни Нового года на всём пространстве советской страны:

Огоньки всех ёлок новогодних,
Что горят на праздничной земле.
Воедино собраны сегодня
В тех огнях, что вспыхнули в Кремле.

Сколько есть в стране лесных красавиц.
Все они завидуют сейчас
Той, что, свода древнего касаясь,
На виду у мира поднялась.

...Там, где Ленин проходил когда-то
Вдоль выдавшей многое стены,
Во дворец торопятся ребята —
Юные хозяева страны.

[458, 1]

Для «молодых передовиков производства, студентов столичных вузов, слушателей военных учебных заведений, учащих десятых классов, комсомольских работников» в том же Георгиевском зале в новогодние вечера устраивались новогодние балы-маскарады, которые, как писалось в газетах, были «одним из проявлений» «огромной заботы, которой окружили в нашей стране советскую молодёжь партия и правительство» [22, 1]. «Мне очень хотелось попасть на новогоднюю ёлку в Кремль. И вдруг, о счастье: я получаю билет сюда», — делится своей радостью с корреспондентом «Правды» молодая девушка [54, 2].

Каждый новогодний номер как тонких, так и толстых журналов начинался стихотворением о Новом годе, ёлке. Деде Морозе. Так, например, в первом номере «Огонька» за 1958 год было напечатано стихотворение Анатолия Кудрейко «1958-й!»:

Ель зелёная увита
золотой тесьмой...
На конце секундной стрелки
пятьдесят восьмой!

Дым от шумного веселья
ходит ходуном...
Трасса Нового Арбата
Блещет за окном.

[206, 4]

Однако не будем пенять на ёлку за всё, что сделала с ней советская власть. На деле ёлка оказалась исключительно гибким ритуальным объектом и сумела остаться желанной самым разным людям и горячо любимой ими.

Во время войны, несмотря на голод и труднейшие условия эвакуационного быта, женщины при маломальской возможности старались устроить ёлку для своих детей. Она, принося радость и детям, и взрослым, становилась символом мирной жизни и напоминанием о ней.

В те же самые годы, когда шло утверждение нового образа «советской ёлки», на территории СССР устраивались и другие ёлки, связанные с Рождеством и противопоставлявшиеся новым. Эти ёлки напоминали людям, находящимся в заключении или в ссылке, о прошлом, о родных, с которыми они были разлучены надолго, если не навсегда, о свободной жизни. Такие ёлки

превращались в символ надежды на то, что счастье и справедливость существуют. Мемуарная литература о сталинских лагерях и ссылках донесла до нас сведения о ёлках, которые устраивались, несмотря на нечеловеческие условия существования. Приведу лишь несколько примеров, для того чтобы показать, сколь дорог для гулаговцев и ссыльных был этот образ, устанавливающий незримую связь с прошлым и родными.

Т.П. Милютина, вспоминая о своей жизни в инвалидном лагере Мариинских лагерей, где ей суждено было провести 1940-е годы, рассказывает о том, как мать прислала ей посылку с ёлочными украшениями, на которые заключённые никак не могли налюбоваться. Одному из её друзей «через вольных» удалось достать маленькую ёлочку, которая, украшенная этими игрушками, в день православного Рождества — 7 января — «путешествовала» из палаты в палату лагерной больницы [257, 210]. Вспоминает мемуаристка и Рождество 1949 года, когда она уже отбывала ссылку в Сибири:

Решила к Рождеству смастерить себе шкафчик который к служил бы и столиком — на него мы с Мартой поставим ёлочку, а то единственной нашей мебелью был мой чемодан ... Марта заранее наготовила украшений — кусочки ваты на ниточках, узенько нарезанная серебряная бумага, чудом сохранившаяся от давно съеденной шоколадной плитки, кусочки ленты, которую пожертвовала Марта...

А на следующий день народ всё шёл смотреть на нашу ёлку.

[257, 329]

А о встрече 1952 года мемуаристка пишет:

На столе стояла украшенная сосенка — почему-то ёлочек в окрестностях Богучан не было.

[257, 360]

Т.Б. Золотова, после присоединения Эстонии к СССР высланная с матерью и двумя маленькими детьми из Таллина в Кировскую область, рассказывает о создании детского дома для осиротевших и бездомных:

Каждый день из Кировского детприёмника привозили детей с шершавой от голода кожей, вздувшимися животами, тоскливыми недетскими глазами. Были дети из освобождённых от оккупации далёких краев, были из здешних мест, дети без крова, без родителей, отвыкшие от ласки.

[178, 74]

Мемуаристка, работавшая в этом детском доме художественным руководителем, вспоминает о встрече 1943 года: к празднику ёлки дети под патефон разучивали танцы и готовили спектакль «Золушка»:

...А после спектакля мы все, конечно, танцуем вокруг ёлки, и дети уносят с собой, даже не решаясь раскрыть — такая это драгоценность, — крохотные кулёчки с конфетами и белой булочкой. Для многих девочек и мальчиков это первая в их жизни ёлка... Ириночка с Женей (дети Т.В. Золотовой. — Е.Д.), как и все дети в детдоме,

получили кулёчки, — они были очень некрасивые, склеенные из старых газет, но в них было несколько конфет и булочка из белой муки. И ещё Ириночка получила куклу. Правда, я сшила её из тряпок, но у неё были ноги, руки и голова и нарисованные рот и глаза.

[178, 79-80]

О встрече следующего, 1944 года Т.Б. Золотова вспоминает:

Ёлка! Конечно, она была у нас, как и во все годы ссылки. Маленькая, очень пушистая и густая ёлка, которую я нашла в лесу и срубила. На ней висели смешные бумажные куколки и горели свечи, самодельные, восковые...

[178, 85]

Тяжело больная четырёхлетняя дочка мемуаристки, «свесив головку... смотрела со своей печки на ёлку», в то время как её мать молилась о том, чтобы «эти маленькие свечи» зажгли «радостные огоньки в её равнодушных глазах. Всё же она улыбнулась и ёлке, и кукле, и конфетам. Потом, усталая, опять положила голову на подушку» [178, 87-88].

А вот её же описание новогоднего праздника, отмеченного уже во вторичной ссылке:

Новый, 1952 год мы будем встречать у нас. Захватив салазки, топор и верёвки, как бывалые лесорубы, мы с Алёнушкой отправляемся в лес за ёлкой... Когда мы вносим в дом прекрасную, стройную, засыпанную снегом ёлку, терпкий и радостный запах хвои заполняет комнату. Скоро снег на ветках превратится в блестящие льдинки...

Скоро мы зажжём на ёлке свечи, которые нам прислал Игорь, и сядем за праздничный стол.

[178, 186]

Своя история была у ёлки на территориях, присоединённых к Советскому Союзу в результате пакта Молотова—Риббентропа. Советская ёлка должна была устанавливаться только к Новому году. Тот, кто устраивал её на Рождество, рисковал быть обвинённым в нелояльности к советской власти. В присоединённых к СССР странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литве) Рождество отмечается по европейскому календарю, а значит за неделю до Нового года, когда в русских семьях ёлки ещё не ставили. Это различие традиций в 1940-1950-х годах служило признаком, отличавшим поведение лояльных и нелояльных граждан. Эстонский поэт Ян Каплинский, вспоминая ёлки своего детства, пришедшегося на 1940-е годы, пишет: «Ёлку надо было принести рано утром, пока ещё темно, а вечером плотно задёрнуть занавески на окнах: шептали, что “партийные” ходят по домам своих сослуживцев и контролируют, кто устраивает ёлки». Ёлка становилась «проверкой на порядочность и человечность». Т.П. Милютина рассказывает, как её мать, тартуский врач К.Н. Бежаницкая, из года в год устраивала на западное Рождество ёлку для детей репрессированных: «с подарками и развлечениями... Она собирала на ёлку лакомых детей, в основном детей арестованных родителей. До сих пор в письмах старых тартуских друзей проскальзывают воспоминания об этих ёлках — нарядных, ещё и звенящих» [257, 285]. Сообщение Т.П. Милютиной подтверждается трогательным рассказом Яна Каплинского о том, как он ребёнком присутствовал на рождественской ёлке, устроенной «госпожой Бежаницкой»:

Праздник был не домашний и тайный, а открытый и торжественный. В большом зале стояла рождественская ёлка и толпилось много детей. Затем пришёл Рождественский дед и вручил каждому подарок. Я не помню, что это было, помню только, что он спросил меня об отце. Отца не было, он был увезён, был, наверное, где-то в Сибири. Позднее я узнал, что эта ёлка и проводилась для детей, чьи отцы, а иногда даже матери были сосланы или убиты. Ёлка для детей репрессированных... Всё это устроила, а следовательно, за всё — за ёлку, зал, подарки — заплатила госпожа Бежаницкая, врач из русских. Конечно, ей не простили такое христианское дело и вскоре увезли туда же, куда были увезены отцы этих детишек, которых она позвала... Но рождественскую ёлку она сделала не по обычаю православия... Поскольку большинство детей в Тарту были эстонцы, она сделала для них именно рождественскую ёлку... Достичь сердца человека можно хорошим делом и Рождеством, рождественская ёлка — это место во времени и пространстве, где сердце наиболее раскрыто^[3].

[цит по: 257, 285-286]

В течение нескольких послевоенных десятилетий Новый год, встречавшийся с елкой, был единственным праздником, в наименьшей степени включавшим в себя черты советской государственности. Сентиментальные и ностальгические чувства, которые вызывала и продолжает вызывать ёлка, прорывались в литературе много раз в форме эмоциональных признаний, как в известной песенке 1966 года Булата Окуджавы:

Ель моя. Ель — уходящий олень,
зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная тень
в хвое твоей затерялась!

Ель моя, Ель, словно Спас на Крови
твой силуэт отдалённый,
будто бы след удивленья любви,
вспыхнувшей, неутолённой.

[291, 298]

И до сих пор самыми желанными для нас являются не общественные, а домашние ёлки, на которые собираются своей семьей:

Потом потушили лампочку и зажгли свечи на ёлке. Она была прекрасна, украшенная картонными медведями, рыбками, серебряными лентами и всей милой с детства ерундой, которой всегда украшают ёлки.

[87, 11-12]

На этих домашних праздниках люди забывали о той официальной роли, которую играла ёлка, и праздновали её как семейное торжество, с установившимися в семье традициями. Известный фольклорист П.Г. Богатырев, как рассказывают о нём, «неизменно устраивал

торжественное шествие к ёлке за подарками или гостинцами и сам его возглавлял, напялив яркий бумажный колпак, размахивая самодельным жезлом и, походя, веселясь больше всех» [49, 17]. С тем же энтузиазмом, по свидетельству А.Н. Розова, устраивал ёлки для своих внуков известный специалист по древнерусской литературе Л.А. Дмитриев [356]. Биограф литературоведа и критика С.Н. Дурылина рассказывает о праздниках ёлки в его доме в Болшево:

Высокие бревенчатые стены большевского дома слышали Н.А. Обухову, не единожды певшую здесь под гитару, видели Е.Д. Турчанинову, раз как-то даже в импровизированной роли сказительницы на рождественской ёлке.

[330, 4]

Забыла о своём неприязненном отношении к ёлке Православная церковь. Теперь зелёные деревца стояли не только в храмах во время рождественского богослужения, но и в домах церковнослужителей. Для их детей также устраивались праздники, и об устроителях этих ёлок мемуаристы вспоминают с похвалой. Протоиерей Михаил Ардов в своих панегирических заметках о ярославском митрополите Иоанне ежегодное устройство праздников ёлки ставит ему в особую заслугу:

Всякий год на второй день Рождества Христова Владыка Иоанн устраивал у себя ёлки для детей своих сотрудников и сослужителей. Читались стихи, пелись песни, выступали все — от четырёхлетних детей до маститых священнослужителей. И решительно все получали подарки. Первая такая ёлка состоялась в 1968 году, а последняя в 1985-м. И вот что любопытно, некоторые постоянные гости, которые на первые ёлки приходили ещё детьми, в восьмидесятых годах приводили туда собственных чад.

[17, 177]

А Е.Б. Рашковский в стихотворении «Святочная ода» вспоминает «интеллигентский вигвам» московской молодёжи 1960-х годов, читающей «всю ночь Пастернака», в то время как стоит

В углу — шелестящая ёлка,
На ней — золотые шары...

[349, 52]

Ёлка добросовестно выполняла возложенные на неё функции, и даже насильственная идеологизация не мешала ей в неформальной домашней обстановке оставаться всеми любимой и ежегодно желанной, страстно и задолго до Нового года ожидаемой *Ёлкой*. Такой помним её мы. Такой запомнят её наши дети. Даст Бог — и внуки будут ходить вокруг разукрашенного и сияющего дерева и петь немудрёную песенку, сочинённую почти сто лет назад:

Теперь ты здесь, нарядная, на праздник к нам пришла,
И много-много радости детишкам принесла.

Мифологические персонажи

В работе С.Б. Адоньевой «История современной новогодней традиции» создание Деда Мороза как обязательного персонажа новогоднего ритуала приписывается советской власти и приурочивается к концу 1930-х годов, когда после нескольких лет запрета вновь была разрешена ёлка. Отметив, что «в зарождающейся городской традиции рождественской ёлки (в 30–50-х годах XIX века) нет ещё ни Мороза, ни Снегурочки» [4, 372], исследовательница несомненно права. В те времена какие бы то ни было персонажи праздника ёлки вообще отсутствовали, равно как отсутствовал и сам новогодний ритуал. Однако в литературе Мороз уже встречался. Стремительный процесс разработки этого образа как неперемного участника детского праздника ёлки стал возможным в предвоенные годы только при опоре на литературную традицию и бытовую практику, в основных чертах сложившуюся задолго до Октября.

В 1840 году были опубликованы «Детские сказки дедушки Иринейя» В.Ф. Одоевского, в одной из которых («Мороз Иванович») впервые дана литературная обработка фольклорного и обрядового Мороза. Созданный Одоевским образ ещё далёк от знакомого нам «ёлочного» персонажа: календарная приуроченность сказки — не Рождество и не Новый год, а весна (Мороз Иванович живёт в колодце, оттого что «жарко становится»); не он приходит к детям, а дети приходят к нему; да и подарки его — это лишь плата за службу. И всё же образ этот уже узнаваем: «добрый Мороз Иванович» — «седой-седой» старик, который как «тряхнёт головой — от волос иней сыплется»; живёт он в ледяном доме, а спит на перине из пушистого снега. Рукодельницу за хорошую работу он одаривает «горстью серебряных пяточков», однако и Ленивицу не замораживает (как Морозко старухину дочь в сказке), а лишь проучивает, дав ей вместо серебра сосульку. Заботясь о природе, он покрывает снегом озимые всходы; попечительствуя о людях, стучит в окошки, чтоб «не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать», проводя при этом и «нравственные идеи» о необходимости «нищенским помогать». В педагогической сказке Одоевского обрядовый Мороз и (сказочный Морозко превращены в доброго, но справедливого воспитателя и наставника.

Первые рекламные заметки о продаже ёлок появились в газетах почти в то же самое время, когда увидели свет «Сказки дедушки Иринейя». Возникнув одновременно на рубеже 1830-1840-х годов, Мороз Иванович и ёлка, принадлежавшие к разным культурным традициям, пока совершенно разведены: Мороз Иванович пришёл из русской деревни (как обработка народного Мороза), ёлка — из Западной Европы (как усвоение немецкого обыкновения). Отсутствующая вначале связь возникнет двумя десятилетиями позже, когда сказка Одоевского будет включена в состав «ёлочных» текстов.

В литературе образ Мороза мифологизируется по двум направлениям. С одной стороны, согласно поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863), где Мороз представлен злой силой, любящей «кровь вымораживать в жилах, / И мозг в голове леденить», он изображается как зловредный атмосферный дух, которому приписывается способность оказывать пагубное воздействие на человека: *злой мороз сердитый* (И.З. Суриков, «Зима», 1880) [416, 271], *царь Мороз* предстаёт *косматым стариком* «с еловым скипетром» в руке, живущим в «краях Зимы» «с их ветроносными ветрами / И тишиной морозной тьмы» (К.М. Фофанов, «Триолет», 1886) [452, 382-384]. *Жестокий мороз*, ходящий «с своею клюкой» «в царстве суровой Зимы», является угрозой всему живому (Д.Н. Садовников, «Весенняя сказка», 1880) [368, 276].

С другой стороны (преимущественно в поэзии для детей), зарождается его положительный двойник, главной функцией которого становится формирование «здоровой» погоды и сотворение зимних «волшебств», предоставляющих и детям, и взрослым возможность

веселиться, развлекаться, закаляться и т.д. на лоне природы. На создание этого образа начинает «работать» и некрасовский «Мороз, Красный нос», из которого для детского пользования берётся только фрагмент «Не ветер бушует над бором...», где главный герой, исторгнутый из контекста поэмы, выступает как «воевода», неограниченный властитель зимнего леса и волшебник, убирающий своё «царство» «в алмазы, жемчуг, серебро». Именно этот мороз, украшающий зимой природу, не будучи названным, угадывается в стихотворении А.А. Фета 1890 года «Мама! Глянь-ка из окошка...»:

Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

[443, 368]

Этот же Мороз («старый дед в одежде серебристой») строит снежные «терема, палаты и дворцы», «дарит» детям ясный зимний день, снеговые горы, ледяную речку и т.п., «чтоб они резвились и смеялись / День-деньской от дедовских затей» (А.А. Коринфский, «Белый дед», 1892) [196, 402-403]. Он добрый волшебник, создающий условия для полноценного и здорового детского досуга: катания на коньках, санках, лыжах, игр в снежки и пр., как в стихотворении С. Фруга «На катке» 1889 года:

Прилетел мороз трескучий,
Он на реченьку дохнул.
Струйки светло-голубые
Льдинкой бледной затынул.
...Всю-то реченьку покрыло,
Намостило синим льдом.

[455, 375]

Превращённый в хозяина зимнего леса, Мороз становится защитником зверья, спасая «братью меньшую» «от ружья, от силков, от капкана, / Когда снегом покроеет поля...» (О.А. Белявская, «Зимняя сказочка», 1907) [40, 362]. Подобно Морозу Ивановичу Одоевского, он заботится зимой о растениях, покрывая их снегом («Мороз снежком укутывал: смотри, не замерзай!» [Р.А. Кудашева, «Ёлка», 1903]) [21, 3], и о птичках (подкармливая их, он устраивает для них «ёлку», к которой привязывает сноп овса [243, 585-586]); он испытывает сострадание к беднякам [34, 1031-1033].

Русская поэзия, столь часто, с чувством национальной гордости, описывающая русскую зиму, начиная с Ломоносова и кончая современными поэтами, развивала и обогащала фольклорный образ Мороза. Школьные учебники и хрестоматии обычно составлялись в соответствии с календарём, так что осенью учащиеся изучали произведения об осени, зимой — о зиме и т.д. В результате этого методического приёма лучшие тексты русских поэтов о зиме, вьюге, снежинках, морозе попадали в учебные книги, формируя в детском сознании персонифицированные образы природных стихий, среди которых Мороз занимал одно из первых мест.

Одновременно и независимо от литературного образа Мороза в городской среде возникает и

развивается мифологический персонаж, «заведующий» ёлкой и, подобно самой ёлке, первоначально заимствованный с Запада. В ходе переориентации ёлки «на отечественную почву» и создания псевдофольклорной ёлочной мифологии и произошло оформление Деда Мороза. Этот персонаж формировался в процессе поисков ответов на детские вопросы: откуда в доме берётся ёлка, кто её приносит, кто дарит подарки?

Ответ на первый вопрос привёл к появлению на празднике ёлки образа зимнего леса, что тотчас же сказалось на украшениях, среди которых появились всевозможные зимние лесные атрибуты. Одной из висящих на ёлке игрушек стал старик в шубе и с мешком в руках. Вскоре, увеличившись в размерах, он, возведённый в ранг главной ёлочной игрушки, был поставлен под ёлку. Такого игрушечного старика, стоящего под ёлкой, в рассказе А.В. Круглова 1882 года «Заморыш» видит мальчик, рассматривающий украшенное дерево через оконное стекло чужого дома [203, 1-2]. «Рождественские старики, обсыпанные инеем», установленные в окнах кондитерских и игрушечных магазинов, превращаются в обычное явление новогоднего городского пейзажа [372, 8], о чём в 1875 году писал И.А. Гончаров: «Вот где-то в Морской или Караванной, старичок, весь в снегу, Борей, что ли, с бумажным деревом, весь обвешан разными вещицами!» [98, 103].

На праздниках ёлки ещё до того, как вошло в обыкновение костюмирование детей, стали появляться ряженые старики, дублирующие стоящую поделкой игрушку: в очерке для детей 1884 года «К праздникам» В.В. Михайлова рассказывается о том, как «маленькую Катю... одели стариком с ёлочкой в руках, и старичка этого поставили на стол с игрушками» [260, 28-29]. Старики начинают фигурировать и в тех «грандиозных» представлениях, которые устраивались на ёлках в состоятельных семьях: «вдруг зала... осветилась красным огнём, и мы увидели старика, едущего на больших санях, запряжённых медведем, с громадной ёлкой в руках... Остановясь посередине залы, старик слез с саней и поставил ёлку на пол». В таких движущихся «фантазмагорических картинах», которые создавались посредством вырезанных из картона фигур (своеобразного кустарного кинематографа), старик являлся главным персонажем [119, 10-12]. Старик и ёлка постепенно становились обязательными и неразлучными атрибутами праздника: «Своеобразным ёлочным символом служил “старик с ёлкой” (видимо, предтеча Деда Мороза), отлитый из гипса, с седою бородою, с красным от мороза лицом, одетый в шубу и лапти. Такими стариками торговали в тех же лавках, где и ёлками, но основную их массу продавали прохожим уличные мальчишки» [300, 193].

В ходе создания ёлочной мифологии роль обеспечения детей ёлкой приписывалась разным персонажам. Оформление образа русского Деда Мороза в качестве дарителя ёлки и подарков произошло под влиянием западноевропейской традиции. Читателю рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Песня мистера Каль», написанного в конце XIX века, ещё требовалось разрешить сомнения французского мальчика Жана, которого «смущало только одно, — как успел святочный старик догнать их с ёлкой». Данное в примечании пояснение свидетельствует о том, что для русских детей этот образ был ещё не вполне ясен: «Существуют детские поверья (у французов, у немцев), что ёлку и другие святочные подарки приносит детям святочный старик — добрый волшебник, “рождественский дед”» [242, 58]. Вариант сюжета, согласно которому, в соответствии с западной традицией, ёлку посылает младенец Иисус, многими русскими семьями также был принят. Наряду с ним на роль дарителя ёлки пробуются *бабушка Зима* (1872) [403, 1]; *старички-кулачки*, заготавливающие в лесу ёлки (1882) [360]; *святочный старик* (1894) [243, 585]; «властитель русских лесов» *Мороз* («и чуются... ещё далёкие шаги волшебника Мороза с рождественской ёлкой», 1880-е годы) [126, 83]. Разнообразие персонажей, снабжающих детей ёлкой, свидетельствует о том, что единое мнение по этому вопросу было выработано несразу. С 1880-х годов представление о *старике*, *Морозе*, *Дедушке Морозе* и т.д.

как дарителе ёлки закрепляется всё прочнее: «Было единственное время в году, когда гостиная становилась нашей комнатой...: это на святках, когда в неё... Дед Мороз приносил ёлку», — вспоминает С.Н. Дурылин о своём детстве 1880-х годов [126, 86]. Неудивительно поэтому, что, встретив зимой в лесу «седого-седого, сгорбленного старика», девочка тотчас же узнаёт в нём «того самого старика, который приносит умным деткам святочные ёлки»: «А я тебя знаю, дедушка! Ты приносишь деткам ёлки...» (Д.Н. Мамин-Сибиряк, «Алёнушкины сказки», 1894) [243, 585-586].

Что же касается подарков, то, как мы уже видели, в согласии с рождественским ёлочным мифом, иногда детям говорилось, что подарки посылает младенец Иисус. В рамках псевдонародной мифологии роль дарителя начинает приписываться тому же самому *старика*, *доброму деду*, приносящему ёлку [113, 7]. В стихотворении М.А. Пожаровой «Ёлочки гости» (1912) «древний дедка-бородач» и «дедушка мохнатик» приносит из лесу и елку, и подарки:

Стук, стук, стук! — Кто стучит?
— Древний дедка-бородач
В ледяных онучах,
На зверьках приехал вскачь
Из лесов дремучих.
Дедушка мохнатик,
Пуховой халатик!
Поглядим-ка в щёлку:
Он привёз нам ёлку.
Стоп, зайчата, у крыльца!
Довезли салазки.
Дед бормочет без конца
Снеговые сказки.
Борода метёлкой,
Сеет иней колкий.
Сеет бисеринки,
Вьюжные снежинки...

[цит. по: 236, 38]

Корней Чуковский 20 декабря 1923 года записывает в дневнике: «На Рождество она (дочка Мура. — Е.Д.) рано-рано оделась и побежала к ёлке. — Смотри, что мне принёс Дед Мороз! — закричала она и полезла на животе под ёлку. (Ёлка стоит в углу — вся обсвечканная.) Под ёлкой оказались: автомобиль (грузовик), лошадка и дудука. Мура обалдела от волнения» [475, 267].

Персонаж, которому дети были обязаны ёлкой и подарками, выступает под разными именами. Процесс унификации имени растягивается на несколько десятилетий: *старый Рупрехт* (1861) [161, 20] — единичные случаи, указывающие на немецкую традицию; *св. Николай* или *Дедушка Николай* (1870) [323] — вариант отбрасывается рано, поскольку у русских, как уже отмечалось, Никола в роли дарителя никогда не выступал; *Санта Клаус* (1914) [57] — только при изображении западных ёлок; просто *старик*, живущий зимой в лесу (1894) [243, 585-586]; *добрый Морозко* (1886) [372]; *Мороз* (1890-е годы) [7, 85]; *Ёлkich*. В стихотворении О. Белявской 1911 года «Ёлkich (Из воспоминаний детства)» мальчик, проснувшийся засветло, слышит, как няня впускает кого-то в кухню:

В двери кто-то огромный, широкий вошёл,
Зашуршал по стенам коридора.
Заскрипел под шагами тяжёлыми пол.

...И невидимый кто-то опять зашуршал,
Закряхтел под огромною ношей.

Мальчик говорит проснувшимся сестрёнке и брату, что им «Дядя-Ёлкич» «из лесу ёлку принёс»; дети бегут в зал, чтобы посмотреть на Ёлкича [39, 23-24] (ср. также в рассказе Фёдора Сологуба 1907 года «Ёлкич»: «Ёлкич с шишкой на носу» [405, 48] и в стихотворении Владислава Ходасевича 1907 года «За снегами»: «Ёлкич, милый, попляши! / Ёлкич, милый, милый, милый» [462, 91]); *рождественский дед* («В это время раздался сильный стук в дверь. Восемилетняя дочь хозяев громко заявила: “Это рождественский дед!”») [258, 4]); *святочный старик, дед, дедка* (как традиционный святочный персонаж, прежде с ёлкой не связанный) [389, 80]; *ёлочный дед* [364; 227]; *Дед/Дедушка Мороз* [28, 353-366]. В 1914 году Сергей Есенин написал стихотворение «Сиротка», в котором сиротке Маше *дедушка Мороз* дарит жемчуг, сделанный из её слёз:

«...Я в награду твои слёзы
Заморозил в жемчуга.

...Я ведь. Маша, очень добрый,
Я ведь дедушка-мороз».

[142, 368]

В борьбе за имя победителем оказался *Дед Мороз*. Аналога этому имени нет ни у одного западного ёлочного персонажа.

Предпочтение, отданное *Деду Морозу*, нуждается в объяснении. В восточнославянской мифологии Мороз — существо уважаемое, но и опасное: чтобы не вызвать его гнев, обращаться с ним следовало осторожно; прося не губить урожай, его задабривали; им пугали детей. Но наряду с этим он выступал и в функции приходящего в Сочельник Деда (умершего родителя, предка) [157, 267]. Ёлочный персонаж тем самым получил синонимически удвоенное имя. Введение в составную его часть термина родства свидетельствует об отношении к *Деду Морозу* как к старшему в роде, что, возможно, и спровоцировало признание за ним по-родственному близкой его связи с детьми.

На праздниках ёлки *Дед Мороз* появляется не сразу, а в середине или даже к концу торжества. До его прихода дети подарков не получают. Они с нетерпением ожидают его прихода. По народным представлениям, любой гость — всегда желанный и должен быть объектом почитания как представитель чужого мира. Так и *Дед Мороз* становится на ёлке желанным, и его следует пригласить, что вполне соответствует ритуалу приглашения в гости мифологических персонажей — предков или того же Фольклорного Мороза. *Дед Мороз*, по существу, и становится предком-дарителем. Поэтому и зовут его не стариком или старичком, а дедом или дедушкой.

К началу XX века образ Деда Мороза окончательно оформился: он функционирует как

игрушка на ёлке, главная фигура, стоящая под ёлкой, рекламная кукла на витринах, персонаж детской литературы, маскарадная маска, даритель ёлки и подарков. В это время и утверждается мнение об «исконности», древности этого образа: «Дедушка-мороз... внезапно появляется в зале и так же, как сто или двести лет назад, а, может быть, и тысячу лет назад вместе с детьми совершает танец вокруг ёлки, распевая хором старинную песню, после чего из мешка его начинают сыпаться детям подарки» [390, 3].

До революции представление о Деде Морозе существовало только в городской среде, мифология которой создавалась в результате своеобразной обработки просвещёнными слоями общества западных традиций и народных верований. Сконструированный образ, подобно каждому мифологическому персонажу, оказался наделённым комплексом устойчивых свойств — со своим местом жительства, функциями, характерной внешностью, атрибутами [218, 51]. Зимой он обитает и хозяйничает в лесу, чем объясняется его связь с лесным миром — растительным и животным. На лето он уходит в «сибирские тундры», на Север, на Северный полюс и т.п.; согласно высказыванию пятилетнего мальчика, «когда тепло, Деда Морозы переезжают туда, где холодно, и летом к мальчикам не ходят» [257, 368]. Его деятельностью объясняются как природные и атмосферные явления (мороз, иней, треск деревьев, узоры на окнах и т.п.), так и появление в доме ёлки и подарков. Внешне — это старик с румяным лицом и красным носом, с седой бородой и усами, в белой шубе или тулупе и белой шапке (в отличие от красной сутаны или плаща западных зимних геронтологических персонажей), в валенках, с палкой или посохом в руке и мешком или котомкой с подарками за плечами.

Определяющими свойствами характера Деда Мороза являются доброта и щедрость: ёлочный миф превратил его в доброго старика-дарителя: *добрый Морозко* (1886) [371]; *добрый дед* (1892) [196, 402-403], «о, он такой *добрый*, этот *старик!*» (1894) [243, 585]. Перед Рождеством (или Новым годом) он успевает обойти все дома, чтобы поздравить, одарить и обласкать детей. Выполняя функцию наставника и воспитателя, он никогда не наказывает детей, а только журит их (в отличие от западного св. Николая, помимо подарков приносившего с собой прутья: справившись о поведении детей, в зависимости от полученного ответа, он либо одаривал, либо наказывал их). (Эта пресловутая дедморозовская доброта не раз оказывала помощь при характеристике того или иного человека. Иосиф Бродский, например, рассказывая об американском поэте Роберте Фросте, посетившем СССР в 1962 году, говорил с иронией: «... Фрост поносил всё на свете... Но когда вышел к публике, то был спокоен, улыбался — этакий добрый дед Мороз...» [79, 104]. Разумеется, это сравнение возникло у Бродского не случайно: Фрост [frost] — по-английски «мороз».)

В мифе о Деде Морозе, созданном общими усилиями взрослых, присутствовал расчёт на безусловное признание детьми его реального существования, что стимулировалось и всячески поддерживалось родителями. Вера в Деда Мороза превратилась в «испытание на взрослость»: её утрата рассматривалась как важный этап взросления. Варлам Шаламов (1907 года рождения) заметил о себе: «Потеря веры совершилась как-то мало-помалу... Разоблачение сёстрами рождественского деда Мороза на меня не произвело никакого впечатления» [477, 102]. (Ср. о том же у Иосифа Бродского:

И молча глядя в потолок.
Поскольку явно пуст чулок.
Поймёшь, что скупость — лишь залог
Того, что слишком стар.
Что поздно верить чудесам.

Корней Чуковский в 1923 году писал о своей семи-летней дочери:

Мура всё ещё свято верит, что ёлку ей приносит дед Мороз. ...Когда я ей сказал: давай купим ёлку у мужика, она ответила: зачем? Ведь нам бесплатно принесёт дед Мороз.

[475, 300-301]

Год спустя в его дневнике появляется новая запись:

Слышен голос Муры. Она, очевидно, увидела ёлку. Мура: «Лошадь. — Кто подарил? Никто» (ей стыдно сказать, что дед Мороз, в которого она наполовину не верит).

[475, 355]

«Наполовину не верит» — это тот переходный период в жизни ребёнка, когда он всё ещё верит в Деда Мороза, хотя уже знает, что в реальности он не существует [507, 3-12].

Знакомый по иконографии (словесным описаниям и рисункам в книжках, ёлочным игрушкам, рекламным фигурам и т.п.) Дед Мороз в сознании детей долгое время существовал как образ чисто умозрительный. Встреча с визуально воспринимаемой фигурой (когда в 1910-е годы он «живьём» стал появляться на ёлках) разрешала детские сомнения в действительном его существовании («И щёки у него мясные!»):

Дети замучили вопросами — есть ли на самом деле Дед Мороз, из чего он сделан, как не тает в тёплой комнате и т.д. ... когда вышел Дед Мороз..., Таня впиалась в него глазами и ничего больше не видела... Дома первые слова были: «Ну, бабушка, теперь я сама видела, есть Дед Мороз, пусть никто ничего не говорит, есть, я сама видела!»

[449]

(Впрочем, аналогичные сомнения возникали у детей и по поводу того, кто приносит им ёлку: «Кто приносит из леса в город эти ёлочки? Ты говоришь — Рождественский ангел?... Но платили деньги, и человек продавал», — говорит пятилетняя девочка [490, 25].) Е.Л. Мадлевская отмечает, что в некоторых семьях сознательно «поддерживается архаическая версия невидимости Деда Мороза: детям, желающим увидеть, как он будет класть подарки под ёлку, внушают, что это невозможно, так как Дед Мороз появляется лишь тогда, когда никого нет в комнате или когда все спят» [236, 37].

После революции эмигранты «увозили» образ Деда Мороза с собой. Подобно ёлке, он сохранялся в их памяти как одна из вечных ценностей. «Дед Мороз не сказка, иногда это подлинная реальность: бескорыстно творимое добро. Оно принимает разное обличье», — писал в 1936 году К.К. Парчевский. Лечивший ребёнка русских эмигрантов доктор-француз приходит в Сочельник нагруженный пакетами с фруктами и игрушками для маленького пациента:

«Ну вот, это тебе прислал знакомый Дед Мороз за то, что ты ведёшь себя хорошо...» В наше всеокрушающее время немного осталось «вечных» ценностей. В

оставшемся же самым важным бывают все случайные сверкания неумирающего Добра, в честь которого люди зажигают рождественскую ёлку, а маленькие дети ждут своего Деда Мороза.

[306, 640]

Вспоминая русское Рождество, «праздник детей, ожидающих бородатого старика с большим мешком игрушек» [1, 22], эмигранты забывали о том, что этот старик своим происхождением во многом обязан европейским зимним дарителям. Т.П. Милютина (1911 года рождения) при описании эстонских ёлок 1930-х годов заметила, что «ни разу там не видела обычного Деда Мороза» [257, 109]. Для неё «обычный Дед Мороз» — тот, к которому она привыкла в своём «русском» детстве. Вспоминая о русских святках, живущий в Париже эмигрант горюет об утрате взрослыми веры в Деда Мороза:

Это — праздник детей, ожидающих бородатого старика с большим мешком игрушек. Старшее поколение, которое разучилось как следует смеяться и радоваться, давно утратило веру в Деда Мороза и его дары.

[1, 22]

Когда в середине 1920-х годов в СССР началась антирелигиозная кампания, не только ёлка, но и Дед Мороз превратился в «религиозный хлам» и стал рассматриваться как «продукт антинародной деятельности капиталистов» [162, 38]. Рождество, ёлка и Дед Мороз оказались в одном смысловом ряду: «Ребят обманывают, что подарки им принёс дед-мороз ... Господствующие эксплуататорские классы пользуются “милой” ёлочкой и “добрым” дедом-морозом ещё и для того, чтобы сделать из трудящихся послушных и терпеливых слуг капитала» [252, 13-14]. В 1927 году в одном из песенников была напечатана «Песня пионеров», построенная в форме диалога пионеров с Дедом Морозом, которого они поймали в сети. Несмотря на большой объём, воспроизведу этот редкий текст целиком — уж больно он показателен для времён борьбы с религиозными предрассудками; показателен путаницей понятий, сопряжением несопрягаемого, историческим невежеством его неизвестного автора^[4]:

— Ах, попался, старый дед,
К пионерам в сети!
Приносил ты детям вред
Целый ряд столетий!

— Нерадушен ваш приём,
Стрелы ваши колки!
Лучше, дети, попоём
Вкруг блестящей ёлки!

— Приволок ты неспроста
Пёструю хлопушку:
Нас от имени Христа
Хочешь взять на пушку!

— Вашим я не рад словам!

Ах, что за манеры!
Ну зачем, зачем я вам,
Душки, пионеры?!

— Дед рождественский с мешком,
Был ты чтим когда-то!
А теперь тебя смешком
Встретят все ребята!

— Я всегда любил детей
И дарил им книжки.
Для меня всего святей
Добрые детишки.

— Детям ты втирал очки,
Говоря о боге.
Только мы не дурачки —
С нашей прочь дороги!

— Что за дикие слова?
Дерзки ваши клики.
В день Христова Рождества
Это грех великий!

— Нам твои противны, дед,
Сказочки да шутки.
Простаков меж нами нет —
Не надуешь! Дудки!

— Но для деда благодать
Сказочки все эти.
Отпустите поболтать,
Развяжите сети!

— Опустил ты грустно нос —
Не твоя, брат, эра.
Что твой сладенький Христос
Против пионера?!

— Слышу звон колоколов.
Полон умилений,
Детки, все, без дальних слов
Станьте на колени!

— Мы всё божеское вон
Гоним неустанно,
Нам милей, чем праздный звон,

Грохот барабана!..

— Никуда я не гожусь!
Ах, удел мой дерзкий!
Делать нечего — сдаюсь
В плен ваш пионерский!

— Прочь религии дурман.
Прочь грядущего оковы,
Твой рассеивать туман
Мы — всегда готовы.

[313, 41-43]

На плакатах с подписью «Что скрывается за дедом-морозом?» изображался старик с ёлкой, на которого, разиня рот, смотрят мальчуган и его мамаша, в то время как за его спиной, притаившись, стоят поп и кулак [251, 23]. Происхождение этого «старорежимного» образа возводилось к «духу ёлки», которому первобытные люди вешали на деревья жертвы и «который превратился в деда-мороза» [11, 22]. В антирождественской кампании приняли участие и поэты, состоявшие на службе у советской власти, как, например, Демьян Бедный, который писал:

Под «Рождество Христово» в обед
Старорежимный ёлочный дед
С длинной-предлинной такой бородой
Вылитый сказочный «Дед-Мороз»
С ёлкой под мышкой саночки вёз.
Санки с ребёнком годочков пяти.
Советского тут ничего не найти!

[30, 3]

Вместе с реабилитацией ёлки в конце 1935 года прекратились и обличения Деда Мороза, после некоторых сомнений полностью восстановленного в правах. Устроители детских ёлок получили возможность проявлять инициативу, составители книг-рекомендаций по устройству ёлок сочиняли сценарии, что в конце концов и привело к выработке стандартного ритуала общественной детской ёлки. Если прежде дети получали различные подарки, отличающиеся и качеством и материальной ценностью, то теперь Дед Мороз приносил для всех детей одинаковые пакеты, которые он подряд вынимал из своего мешка.

В течение зимних каникул дети обычно посещали несколько ёлок (в детском саду или в школе, на предприятиях и учреждениях, где работали их родители, домашние ёлки у друзей и знакомых). И на каждом празднике они встречались с новым Дедом Морозом, что обыгрывается в юмористическом рассказе В.Е. Ардова «Письма к бабушке, или Светская жизнь Юрика Звягина», в котором мальчик делится впечатлениями о ёлках, на которых он побывал:

На «ёлке, где папа служит», «дед-мороз <был> выше меня ростом»; на ёлке, «где мама служит», «дед-мороз <был> поменьше»; на ёлке в школе «Деда-мороза почти не

было: один наш ученик из 8-го класса оделся было, как дед-мороз, но сейчас же снял с себя всё и пришёл смотреть концерт»; «у тётиной тёти на службе» «дед-мороз <был> на “ять”»; а у Танечки Вириной на ёлке «дед-мороз был маленький; он висел на самой ёлке».

[16, 10-11]

С конца 1930-х годов создаётся невиданное количество произведений о Деде Морозе. В одних он выступает в роли хозяина зимнего леса, как, например, в одной из сказочек Г. Орловского «Про девочку Розочку», где девочка, катающаяся в лесу на лыжах, на вопрос зверей, кто ей позволил находиться в их лесу, отвечает: «Когда у нас на ёлке был Дед Мороз, он мне разрешил кататься в вашем лесу». И тогда все звери сказали: «Ну, если Дед Мороз разрешил, то катайся...» [296, 85]. В других — он изображается как зимний волшебник, преображающий природу, охлаждающий атмосферу, но не устрашающий своим холодом закалённых советских детей, как в стихотворении Л.Ф. Воронковой «Зима»:

Наши окна кистью белой
Дед Мороз разрисовал.
Снегом полюшко одел он,
Снегом садик закидал.
Разве к снегу не привыкнем,
Разве в шубу спрячем нос?
Мы как выйдем, да как крикнем:
Здравствуй, Дедушка Мороз!

...Мы, советские ребята,
От мороза не дрожим!

[83, 76]

В третьих случаях Дед Мороз на новогоднем празднике поёт ребятам песенки:

Принимайте-ка, ребята,
И меня в свой хоровод,
Я, румяный, бородатый,
К вам пришёл на Новый год!

...Я сегодня весел тоже
И с ребятами дружу,
Никого не заморожу.
Никого не простужу!

[84, 76]

Во время войны образ Деда Мороза широко использовался в целях патриотической пропаганды: «Новогодняя открытка к 1942-му году изображает Деда Мороза, изгоняющего

фашистов. На новогодней открытке к 1944-му году Дед Мороз нарисован со “сталинской” трубкой и мешком оружия в руках, причём на мешке изображён американский флаг» [4, 382].

Ритуал общественных ёлок с Дедом Морозом соблюдался на всей территории СССР: от Главной ёлки в Большом Кремлевском дворце до лагерей ГУЛАГа; от Азербайджана до Чукотки. Т.П. Милютина рассказывает об организованной в лагере самими заключёнными встрече Нового, 1946 года, на которой в качестве зрителей присутствовало и лагерное начальство:

Зал — если можно так назвать барак со скамейками — был набит начальством и заключёнными. Конферанс вёл Лёвенберг, одетый Дедом Морозом. Он взошёл на сцену, легко неся на плече мешок, и вытряхнул из него Новый год — девочку-малолетку, затянутую в трико и имевшую на спинке и груди блестящие цифры: «1946». Костюм этот мастерил персонал женского стационара. «Новый год» станцевала какой-то дикий танец, и Лёвенберг начал свою речь...

[257, 232-233]

Азербайджанская поэтесса М.П. Дильбази ещё в конце 1930-х годов сочинила стихотворение «Дед Мороз», которое тогда же было переведено на русский язык:

В гости к нам пришёл
Дедушка Мороз
И чего-чего
Только не принёс!
К ёлке подошёл
Дедушка Мороз,
Развернул подол
Дедушка Мороз,
И посыпались
Свёртки и кульки,
Разубралась ель
В блёстки, огоньки.

[116, 14-15]

В рассказе Ю.С. Рытхэу «Новогодняя ночь», напечатанном в первом номере «Огонька» за 1953 год, чукотские дети впервые встречаются с ёлкой и с Дедом Морозом:

Он (Дед Мороз. — *Е.Д.*) появился на улице в сопровождении шумной свиты комсомольцев — нарядный, нарумяненный, с огромными седыми бровями и усами, с седой бородой до пояса, с мешком подарков за спиной.

[363, 15]

Обычай посещения Дедом Морозом домашних ёлок возник только в послевоенное время. Чаще всего в его роли выступает кто-либо из старших членов семьи, причём не обязательно мужчина. «На современном этапе, — пишет Е.Л. Мадлевская, — Дед Мороз фигурирует в детском сознании как мифологическое существо, изображаемое ряжеными взрослыми» [236,

37]. По мере того как дети в семье подрастают, они добровольно берут на себя исполнение его роли, подыгрывая взрослым, даже тогда, когда детей, младше их, в доме уже нет.

Магия появления Деда Мороза на празднике сказывается в ритуале его ожидания, порождая искреннюю или же искусственно подогреваемую экзальтацию, а также в формулах его зазывания на праздник, когда дети хором кричат: «Дед Мороз! Дед Мороз!» (ср.: «Раз-два-три, ёлочка, гори!»). В отличие от народной традиции, где Мороза звали на кутью, чтобы задобрить, целью приглашения Деда Мороза является не столько стремление умиловать его и тем самым предотвратить летние заморозки, сколько желание быть им обласканным и получить от него подарки. Его появление сопровождается громким стуком в дверь, и при виде страстно ожидавшегося гостя дети приветствуют его радостными возгласами. Дед Мороз не только одаривает детей, но и обласкивает их, беседует с ними, балагурит (напоминая этим традиционного балаганного Рождественского деда), а иногда поёт песни и танцует с детьми вокруг ёлки. «В современных новогодних спектаклях Дед Мороз предстаёт судьей между добрыми и злыми силами, помощником положительных персонажей; он наказывает и изгоняет злых персонажей либо прощает их как раскаявшихся» [236, 37]. В 1960-х годах на кремлёвскую ёлку Дед Мороз иногда приходил со сменившим Снегурочку космонавтом [63, 117].

В наше время в городах перед Новым годом организуется специальная служба по обеспечению Дедами Морозами детских садов, школ и семей. Иногда кто-либо из работников того или иного учреждения ежегодно выступает в этой роли, приходя на ёлки к детям своих коллег. Этот обычай нашёл отражение в воспоминаниях А.Н. Розова, унаследовавшего роль Деда Мороза от своего отца Н.Н. Розова, «который много лет развлекал ребятшек в рукописном отделе Публичной библиотеки» Ленинграда. В мемуарном очерке об Л.А. Дмитриеве, А.Н. Розов вспоминает о том, как в течение десяти лет «за день-два до Нового года» он приходил в дом Дмитриевых в костюме Деда Мороза. Приготовленные для детей подарки передавались на лестничной площадке и «тут же опускались в дедморозовский мешок». Появление Деда Мороза в доме предполагает определённую актерскую работу взрослых членов семьи, которые подыгрывают гостю. Вот как рассказывает о предновогоднем спектакле в доме Дмитриевых А.Н. Розов:

В нём играли свою роль гости, играл сначала несмышлёным мальшом Коля (позднее, лет с десяти, он уже понял, кто к нему пришёл, и осознанно подыгрывал нам); были зрители: Руфина Петровна и Нина, стоящие обычно в прихожей и следящие за действием в детской. Кем же здесь был Лев Александрович? Во-первых, самым непосредственным зрителем; во-вторых, он был и актёром, в высшей степени профессионально играл роль дедушки, столь же замороженного приходом волшебных персонажей, как и его внук; в-третьих, нередко он выступал в роли режиссёра, помогая Коле и Деду Морозу со Снегурочкой войти в образ; наконец, в-четвёртых, иногда ему приходилось быть и суфлёром, шёпотом подсказывая внуку, а то и гостям их реплики.

[356, 113]

Дети показывали Деду Морозу ёлку, устраивали для него «концерт», после чего Дед Мороз раздавал им подарки. Затем взрослые приглашали Деда Мороза к приготовленному столу и начинался «пир» с Дедом Морозом.

Создание «фирм добрых услуг», поставляющих населению Дедов Морозов, привело к их «размножению». На этом строится сюжет юмористического «Святочного детектива» А. Хорта, в котором преступник, одетый в костюм Деда Мороза, обворовывает квартиры.

Оперуполномоченному Ситникову поручено разоблачение замаскированного под Деда Мороза вора по кличке Федот. Когда Ситников вышел на улицу, у него зарябило в глазах от множества Дедов Морозов. Каждого из них оперуполномоченный сопровождает до какой-нибудь квартиры и, убедившись, что это «Федот, да не тот», пускается опять на поиск. Наконец, он замечает Деда Мороза, внешне «ничем не отличающегося от своих соплеменников», кроме одного: этот Дед Мороз «перед тем, как войти в квартиру, вытер ноги о половичок», что явилось для Ситникова знаком того, что перед ним преступник [463, 183-184].

На основе опроса жителей Петербурга в 1997-1998 годах Е.Л. Мадлевская дала описание современных представлений детей о Деде Морозе. Характеристики его возраста «свидетельствуют о восприятии этого персонажа как мифологического существа, появившегося давно (“сто лет назад”) или очень давно (“триста, пятьсот, миллион лет назад”) и даже — как живущего вне времени, то есть вечно (“он был всегда”)». Поскольку Дед Мороз в детском сознании связан с зимним сезоном, то и способы общения с ним детей также определяются его связью с холодом (письмо ему кладётся на снег, на окно и даже в холодильник). Подарки заказывают или мысленно, или по телефону. Исследовательница справедливо пишет о сходстве современных представлений о функциях Деда Мороза с традиционными: «Он дарит подарки в начале года; в системе архаической культуры это действие характеризуется как магия “почина”, которая должна обеспечить счастье, радость и благополучие в течение всего годового цикла» [236, 37].

*Ты сегодня Снегурочка
В белом наряде,
Твой школьный учитель
Тебя не узнал.*

Агния Барто. «Снегурочка»

Наряду с Дедом Морозом участником современного ритуала детской новогодней ёлки является Снегурочка. Она имеет свою историю, во многом независимую от Деда Мороза, но тоже в значительной мере обусловленную литературой.

Как и любой мифологический персонаж, Снегурочка характеризуется определёнными свойствами и устойчивыми признаками: это очаровательная, приветливая, весёлая и шаловливая девочка/девушка в белой одежде, приходящая к детям на новогоднюю ёлку из лесу. Она состоит в дружеских отношениях с лесным зверьём и птицами, которые служат ей и находятся у неё в добровольном подчинении. Появляясь в «человеческом» мире только в определённое календарное время (перед Новым годом), в течение других сезонов она как бы не существует. Снегурочка прочно связана с Дедом Морозом как родственной связью (она его внучка), так и сюжетной: появляясь на празднике одновременно (или почти одновременно), они приводят с собою лесных зверей, развлекают детей, приносят им подарки. Будучи помощницей Деда Мороза, Снегурочка способствует установлению контакта между Дедом Морозом и детьми. Дети заранее знают об их приходе на ёлку, однако вопросы о месте нахождения Снегурочки в другое время, о её родителях, о том, почему она не стареет (в чём секрет её вечной молодости) их обычно не беспокоят. Снегурочка может быть участницей и взрослых новогодних праздников, персонажем театральных новогодних представлений, телевизионных шоу и т.п., но главное её место — на празднике детской ёлки.

Мифологические персонажи бывают единичными, существующими, так сказать, в одном экземпляре (как, например, водяной), а могут представлять собой коллектив одинаково ведущих себя существ (как, например, святочные или русалки). С этой точки зрения, Снегурочка — единична: она, подобно Деду Морозу, чудесным образом успевает побывать на всех детских ёлках. Снегурочка принадлежит к категории положительных образов: вся её деятельность направлена исключительно на благотворное воздействие на детей [см.: 218, 51-56].

Разговор о мифологическом персонаже предполагает постановку вопросов: как и когда этот персонаж возник, как он формировался, какой деформации подвергался, какую культурную, социальную и возрастную среду он «обслуживает»? Постараемся ответить на эти вопросы применительно к образу Снегурочки.

Исследовательницы традиций современного города пишут по поводу Деда Мороза и Снегурочки: «Эти популярные образы-маски как бы сошли со страниц русской литературы — известного произведения А.Н. Островского “Снегурочка”, навеянного в свою очередь русским фольклором, где они наделены волшебной силой поощрять добро и наказывать зло» [59, 229-230]. Однако если Дед Мороз и Снегурочка «как бы сошли» со страниц «весенней сказки» Островского, то почему в таком случае известная нам по детским ёлкам Снегурочка — внучка, а не дочка Деда Мороза (каковой она является у Островского); почему нам ничего не известно о её матери, в то время как в пьесе Островского её матерью является Весна-красна; почему героиня Островского — персонаж «весенней сказки», а известная нам Снегурочка всегда появляется

только под Новый год. И наконец, в отличие от Снегурочки Островского, её современная тёзка не умирает (не тает), а, повеселив и одарив детей на празднике ёлки, уходит с Дедом Морозом для того, чтобы успеть посетить других ребят, после чего оба они исчезают до следующего Нового года. Как видим, Снегурочка Островского во многом отличается от известной нам спутницы Деда Мороза, и потому говорить о том, что она «как бы» «сошла со страниц» произведения знаменитого драматурга, следует с большой осторожностью. Прежде чем превратиться в современную Снегурочку, героине «весенней сказки» пришлось пройти долгий и сложный путь. Однако сомнений в том, что именно текст Островского явился первейшим и определяющим толчком к формированию этого образа — как в литературе и в других видах искусства, так и в городском новогоднем обряде — конечно, быть не может. Его влияние в этом процессе значительно, если не решающе.

Восстанавливая историю формирования образа Снегурочки как литературного героя и как мифологического персонажа, обратимся к его источникам.

Если одним из прообразов (хотя и не единственным) Деда Мороза явился восточнославянский обрядовый Мороз, то образа Снегурочки в русском народном обряде не зафиксировано. Отсутствует она (в отличие от Леля) и в искусственно сконструированной мифологии XVIII века. Однако в фольклоре образ Снегурки/Снегурушки/Снегурочки есть: он известен по народной сказке о сделанной из снега и ожившей девочке [см.: 409, 176]. Эта снежная девочка летом идёт с подружками в лес по ягоды и либо теряется лесу (и в этом случае её спасают звери, привозя её на себе домой), либо тает, прыгая через костёр (по всей видимости, купальский). Последний вариант более показателен и, скорее всего, является исходным. В нём нашёл отражение миф о природных духах, погибающих при смене сезона (рождённое зимой из снега существо при наступлении лета тает, превращаясь в облачко). Здесь обнаруживается связь образа с календарным (купальским) обрядом прыганья через костёр, который является инициационным (в этот момент девочка превращается в девушку). Снегурочка как сезонный (зимний) персонаж погибает с приходом лета.

Первая известная мне литературная обработка народной сказки принадлежит Г.П. Данилевскому, который в 1860 году опубликовал её вольное стихотворное переложение. Этот текст представляет собой позднеромантический и опозитизированный перепев сказки. Здесь старик со старухой, пожелав сделать снежное дитя, лепят «шары из снега». На вопрос «старого, дряхлого с бородою» прохожего, чем они занимаются, старики «с усмешкой» отвечают: «Лепим дитятко!» Прохожий, в котором угадывается святой старец, благословляющий работу по сотворению человека, говорит им: «Помогай же Бог вам, старцы!» И его благословение помогает: вылепленное дитя оживает и со временем становится «девочкой-резвухой / Русокудрой снегуркой». По прошествии недолгого времени «стала пышною невестой / Русокудрая снегурка». Весной к ней начинают свататься женихи, но она с каждым днём грустнеет и в конце концов тает на глазах стариков:

Стала таять, словно свечка,
Заклубилась лёгким паром.
Тихо в облачко свернулась
И в лучах зари исчезла...

[111, 1-5]

Близкий сказочной Снегурочке романтический образ начал разрабатываться и в лирической

поэзии, примером чему может послужить стихотворение А.А. Фета 1872 года «У морозного окна», в котором намечены черты влекущей героя за собой снежной девы, хотя имя её здесь не называется:

К окну приникнув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась и с тобой
Помчаться по равнине снежной.
Но в блеск сокрылась ты лесов

...За серебро пустынных мхов...

[446, 250]

Впоследствии именно этот образ неуловимой снежной девы был подхвачен и развит в поэзии символистов.

Варианты сказок о Снегурке впервые были проанализированы А.Н. Афанасьевым с точки зрения «метеорологического мифа» в вышедшем в 1867 году втором томе его «Поэтических воззрений славян на природу» [см.: 19, 639-641]. Именно под влиянием концепции Афанасьева у Островского тогда же возникает замысел «весенней сказки». Этот замысел был реализован в 1873 году; вскоре пьеса была напечатана в «Вестнике Европы» и поставлена в Большом театре. Напомню, что современниками она была воспринята с недоумением и непониманием: Островскому не поверили, «Снегурочку» критиковали в печати, над её текстом издевались, о чём свидетельствуют собранные В. Зелинским материалы [см.: 199, 151-194]. Ф.Д. Батюшков в работе о генезисе «Снегурочки» Островского назвал её «ранней, непризнанной, одинокой ласточкой» [26, 47]. Не имела успеха и опера, созданная Чайковским по пьесе Островского. Всё это свидетельствует о том, что в середине 1870-х годов читатель и зритель оказались неготовыми к восприятию символического сюжета «весенней сказки» Однако не прошло и десяти лет, как время изменилось, и в «Снегурочке» почувствовали своё, близкое: с приближением эпохи символизма оказалось, что «странная» пьеса Островского предоставляла громадные возможности для использования и развития её мотивов и образов. Растаяв в «весенней сказке» Островского, Снегурочка начала свою жизнь в литературе и искусстве, усваиваясь, развиваясь и трансформируясь. Это касалось как всего текста сказки, так и отдельных её персонажей, прежде всего — главной героини.

В 1879 году за создание оперы по пьесе А.Н. Островского берётся Н. А. Римский-Корсаков, которому она в первом чтении также не понравилась. «...Царство Берендеев показалось мне странным, — вспоминал позже композитор. — В зиму 1879-80 годов я снова прочитал “Снегурочку” и точно прозрел на её удивительную поэтическую красоту. Мне сразу захотелось писать оперу на этот сюжет...» [цит по: 404, 3]. Завершённая в 1881 году и впервые поставленная в 1882 году опера Римского-Корсакова имела громадный успех. После её создания начинается новая жизнь пьесы. С этих пор «Снегурочка» Островского оказалась неразрывно связанной с оперной версией Римского-Корсакова.

Одновременно с усвоением образа Снегурочки, данного в пьесе и в опере, происходит его развитие в поэзии. В стихотворениях символистов всё чаще начинают встречаться лики некой «снежной девы»: лирический герой гоняется за ней по лесу, пытаясь настичь, но она оказывается столь же неуловимой, сколь неуловима Снегурочка для молодых людей Берендеева

царства. Самым известным стихотворением, включающим этот образ, стала «Снегурка» К.М. Фофанова (1893), где творцом снежной девушки является «живописующий мороз». У Фофанова мороз дан не в виде олицетворённого образа, а как природная стихия, однако именно у него два будущих «ёлчных» персонажа, как и в пьесе Островского, оказываются взаимосвязанными:

В природе холод,
И холод в сердце у тебя!
И что же! Тонкою иглою
Живописующий мороз
Всё то, чем грезил я весною,
На стёкла дивно перенёс.
Тут...
...лес у белого ручья,
И ты в жемчужном ожерельи,
Снегурка бледная моя...

[451, 168-169]

Это стихотворение неоднократно включалось в сборники для проведения ёлки и тем самым вводило образ Снегурки в состав потенциальных персонажей праздника. Лики «снежной девы» встречаются и в стихотворениях Блока, у которого она сливается либо с образом «вечной женственности», «прекрасной дамы», как в «рождественском» тексте, датированном 24 декабря 1900 года:

В ткани земли облечённая,
Ты серебрилась вдали.

Шёл я на север безлиственный,
Шёл я в морозной пыли.
Слышал твой голос таинственный,
Ты серебрилась вдали,

[46, I, 71]

либо с образом «снежной маски», как в стихотворениях 1907 года:

Но сердце Снежной Девы немо...

[46, II, 268]

Ты виденьем, в пляске нежной.
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

[46, II, 279]

Живое имя Девы Снежной
Ещё слетает с языка...

[46, II, 282]

И так вплоть до Фёдора Сологуба, который в 1922 году воспользовался образом тающей Снегурочки в стихотворении, посвящённом своей трагически погибшей жене А.Н. Чеботаревской:

Безумное светило бытия
Измучило, измаяло.
Растаяла Снегурочка моя.
Растаяла, растаяла.

...Я за Снегурочкой хочу идти,
Да ноги крепко связаны.

...Снегурочка, любимая моя,
Подруга, Богом данная...

[406, 454]

Параллельно со «снежными девами» и Снегурочкой во «взрослой» поэзии образ этот разрабатывается и в детской литературе. В 1879 году в журнале «Семья и школа» появляется повесть Юрьевой «Снегурочка». В 1890 году под инициалами Н.Г. выходит книжка «Снегурочка», открывающаяся стихотворением с тем же названием, в котором дети, обнаружив во дворе слепленную из снега девочку, зовут её к себе домой погреться:

Ай! Смотри, смотри, Анюточка,
Что у нас там за малюточка!
Кто ж её у нас на двор занёс?
Иль мороз её в санях завёз?
Либо зимушка из дальних стран
Привезла её в подружки к нам?

Решив, что «малюточка» «такая бледная» оттого, что «сильно зябнет бедная», дети зовут её к себе в гости погреться, на что то ли сама снежная девочка, то ли автор им отвечает:

Ах вы детки, детки-дурочки,
Знать не знали вы Снегурочки!
Ей зима — родная матушка,

А мороз — родной ей батюшка.
Как уйдут весной мороз с зимой
И дочурочку возьмут с собой!

[268, 3]

В основе этого образа лежит народная сказка о слепленной из снега девочке, но здесь родителями Снегурочки названы не старик и старуха, а мороз и зима. Различные перепевы этого образа представлены в сборнике 1896 года «Снегурка» (ср. со словами колыбельной:

У мороза-старика
Есть дочурочка.
Полюбился ей слегка
Мальчик Юрочка.

[295, 14])

С начала XX века Снегурочка/Снегурка всё чаще и чаще привлекает внимание писателей и поэтов, пишущих для детей, становясь тем самым для маленьких читателей знакомым и понятным образом, обретая характерный облик и психический склад. В «Зимней сказке» некоего Кука, опубликованной в 1900 году в «Петербургском листке», Снегурочка даётся как «внучка дорогая» «старого, белого деда» [209, 1]. В газете «Речь» за 25 декабря 1908 года был напечатан рассказ Фёдора Сологуба «Снегурочка», сюжет которого навеян народной сказкой о снежной девочке. В стихотворении О.А. Белявской того же года дети в зимнем лесу ауются со снежной девочкой, которая прячется от них под ёлкой:

Снегурочка! Ау! Ау!
В косматой шубе лес...
Ищу тебя, зову, зову.
Твой легкий след исчез.
Ты спряталась под ёлкою?
Зарылась ли в снегу?

Здесь Снегурочка изображена девочкой в расшитой льдинками шубке и с искрящимся «льдыстым» взором. Она неуловима: след её мгновенно исчезает, она то прячется под деревьями, то укрывается в снегу, а, явившись наконец детскому взору,

...под ёлкою стоит.
Еловой веткой колкою
К себе меня манит.

[41, 367]

Во всех подобного рода произведениях Снегурочка оказывается связанной с зимним лесом и

с природными зимними стихиями. В стихотворении М. Пожаровой «Празднику Метелицы», опубликованном в рождественском номере «Нивы» за 1910 год, Снегурки, наряду с Царём-Морозом и Снеговиками, являются гостями на празднике Метелицы, который устроен в её «снежных теремах» и на котором

Для Снегурок серебристых в пляске вьют Снеговики
Из цветов хрустально-льדיстых переливные венки.

Здесь Снегурки называются «девами снежными» и характеризуются как «снежнокудрые и снежнокрылые подруги» [325, 918]. В книжке С.Н. Дурылина «Снегуркин дом», вышедшей в 1912 году, Дед Мороз и Снегурка окончательно соединились в одном мифе: живущая в лесном домике под покровительством Деда Мороза Снегурка превращается в образ, уже вполне знакомый нам по новогодним ёлкам [386]. Лесной домик Снегурочки, впервые упомянутый у Островского, позже превращается в устойчивую деталь декорации сценария новогодней ёлки.

Закреплению иконографии Снегурочки в значительной мере способствовало изобразительное искусство. В книгах и иллюстрированных журналах постоянно воспроизводились скульптура В.А. Беклемишева «Снегурочка» и картина В.М. Васнецова «Снегурочка». Важную роль в популяризации этого образа играли и разнообразные драматические постановки, как, например, «сказка с балетом и апофеозом» А.Я. Алексеева «Дочь Мороза — Снегурка», сочинённая и поставленная в 1893 году на народных гуляньях и в театрах увеселительных домов [см.: 6, 85]. Замечательные декорации к пьесе и опере запечатлевались в сознании зрителей как «мир Снегурочки». Назову для примера выполненные в 1910 году декорации Д.С. Стеллецкого «Дворец Берендея», «Заповедный лес», «Ярилина долина» и занавес к постановке «Снегурочки», в центре которого героиня пьесы Островского изображена девушкой с косой и в белом одеянии. Столь модные на рубеже XIX-XX веков домашние и школьные театральные постановки, в репертуар которых часто входили фрагменты из «Снегурочки» Островского, приводили к тому, что девочки, исполнявшие роль главной героини, как бы обретали её облик и внутренний мир.

Ели, неоднократно упомянутые в «весенней сказке» Островского, превращаются в обязательный элемент постановок как пьесы, так и оперы: в декорации к прологу «Снегурочки» Д.С. Стеллецкий изобразил зимнюю долину, ели по бокам и холодное зимнее солнце; присутствуют ели и в его декорациях к сцене «Слобода Берендеевка». Тем самым образ ёлки оказывается тесно связанным с образом Снегурочки. На росписи А.В. Щекатихиной-Потоцкой фарфорового подноса «Снегурочка» (1920-е годы), сюжетом которой является народная сказка, в центре нарисованы снежная девочка и с изумлением смотрящие на неё дед с бабой, по бокам — ёлочки, а на заднем плане зверюшки в лесу.

Когда в конце XIX — начале XX века педагоги и методисты начинают разрабатывать сценарии детского праздника новогодней ёлки, в него попадают и персонажи из народной сказки о Снегурке [229, 110-113], «весенней сказки» Островского, хоры из оперы Римского-Корсакова [см.: 388]. Стихотворения и песни о зиме, Новом годе и ёлке включают в себя персонифицированные образы Мороза (превратившегося постепенно в Деда Мороза), девушки/девочки Снегурочки (превратившейся в его внучку), Зимы, Метели, Снежинок и пр.

Так со временем образ Снегурочки становится понятным и с детства знакомым образом. Младшая дочь В.В. Розанова, вспоминая о том, как в детстве в ней вдруг проснулось чувство природы, сравнивает себя со Снегурочкой: она, «как Снегурочка, выросшая среди природы, не замечала её, а как весна надела ей венки, она вся затрепетала и поднялась навстречу ей: “О

мама, какой красой зелёный лес оделся!» А до того знала только, что «на солнце жарко, а в тени холодно»» [355, 87].

Если образ Деда Мороза успел оформиться в мифологического персонажа и войти в сценарий детских ёлок ещё до революции, то со Снегурочкой этого не случилось. Возможно, Дед Мороз опередил Снегурочку потому, что у него оказались западноевропейские двойники: дарители ёлки и подарков (св. Николай, Санта-Клаус. Father Christmas и др.), в то время как Снегурочка в этом отношении оказалась уникальной, существующей только в русской культуре. Тщетно было бы искать в западной новогодней и рождественской мифологии её аналоги. Ни Маланка (участвующая в Галиции, Подолии и Бессарабии 31 декабря в обрядовом действе [см.: 497, 46-77]), ни св. Катерина и св. Люция, в день их тезоименитств выступающие у некоторых европейских народов в роли дарительниц [174, 104-105], ни итальянская Бефана, в ночь на Богоявление бросающая детям в башмачки подарки [515, 27], ничем не напоминают русскую Снегурочку и ни одна из них не имеет мужского «напарника». Женских персонажей, связанных с Новым годом и елкой, на Западе не существует. Дед Мороз имеет своих «западных» двойников. Снегурочка — нет.

Уже до революции Снегурочка была представлена на ёлках достаточно широко: куклы-снегурочки вешались на ёлку, девочки в костюме Снегурочки участвовали в празднике, о Снегурочке декламировались стихотворения, она являлась главным персонажем инсценировок народной сказки, фрагментов пьесы Островского и оперы Римского-Корсакова. Но в роли ведущей на празднике ёлки Снегурочка в эти годы никогда не выступала.

И только в посвящённых устройству детских новогодних праздников книжках, выпущенных после разрешения ёлки в 1935 году, Снегурочка начинает фигурировать на равных правах с Дедом Морозом. Она становится его помощницей и посредницей между ним и детьми [4]. В начале 1937 года Дед Мороз и Снегурочка впервые явились вместе на праздник ёлки в московский Дом Союзов.

В одной из выпущенных перед войной «методичек» по проведению ёлок в детском саду воспитательницам предлагается за несколько дней до новогоднего мероприятия сказать детям, что скоро будет ёлка и к ним в гости придёт Дед Мороз, у которого есть внучка Снегурочка, весёлая девочка, которая умеет петь, плясать и играть с детьми. В начале праздника дети зовут Деда Мороза, а когда он приходит, спрашивают его, не пришла ли с ним Снегурочка, после чего она вбегает в зал. Дед Мороз и Снегурочка осматривают ёлку, призывают детей дружно и громко крикнуть «Ёлочка, зажгись!», и к их радости дерево тут же освещается. Дед Мороз и Снегурочка исполняют танец, в который они вовлекают всех детей. Этот и многие подобные сценарии всем нам хорошо знакомы по нашему детству и по детству наших детей.

Окончательно сформированный образ Снегурочки начинает свою жизнь на детских ёлках. Поэты сочиняют песни Снегурочки, как, например, песенка на слова М. Красева:

Меня все звери знают,
Снегурочкой зовут.
Со мной они играют
И песенки поют.

И мишки-шалунишки,
И зайньки-трусишки
Мои друзья,
Люблю их очень я.

Ко мне лиса заходит,
С лисятами всегда.
Со мной по лесу бродит
Волк серый иногда;

[135, 19]

или песенка на слова Э. Эмден, в которой Снегурочка рассказывает о своём лесном домике:

Мой домик возле ели
С утра засыпал снег,
И ёлочки надели
Пушистый белый мех,
А маленький зайчишка —
Пуховое пальтишко
Белей, чем снег!
Белей, белей, чем снег!

Вот санки у крылечка
Полозьями скрипят,
Слезает Мишка с печки,
Встречает медвежат.
Пора, пора на ёлку.
Заедем мы за волком.
Возьмём лисят
И маленьких зайчат.

На санки расписные
Ковром улёгся снег.
Лисята озорные
Расталкивают всех.
А белые пальтишки
На маленьких зайчишках
Белей, чем снег!
Белей, чем снег!

[135, 36-37]

В некоторых сценариях Снегурочка напоминает фею с волшебной палочкой, прикосновением которой она зажигает ёлку. К.Г. Паустовский, рассказывая о Кремлёвской ёлке 1954 года, пишет:

И когда Снегурочка прикоснулась к ёлке своей волшебной палочкой и зажгла на ней гроздь свечей, когда запели фанфары и шёлковые флаги всех союзных республик взвились в конце зала, — дети не выдержали и буря аплодисментов загремела вокруг.

Отныне в каждом классе перед праздником выбиралась или назначалась Снегурочка, и начиналась борьба честолюбий хорошеньких девочек и отличниц. Со свойственным ей реализмом тему школьных девочек-Снегурочек отразила Агния Барто в стихотворении 1956 года:

В классах идут
разговоры и толки:
— Кто же Снегурочкой
Будет на ёлке?

[24, 144]

А другое стихотворение Барто адресовано девочке, выступающей в роли Снегурочки и переживающей на празднике счастливые мгновения:

Ты сегодня отмыла
Чернила на пальцах,
Ты сегодня Снегурка
На школьном балу.

...И, как полагается
Каждой Снегурке,
Ты тоже от счастья
Растаешь сейчас.

[24, 40-41]

Установившийся ритуал неизменно соблюдался на протяжении второй половины XX века. К этому времени происхождение образа Снегурочки, её связь с народной сказкой и пьесой Островского если и не были полностью забыты, то, по крайней мере, участниками детских ёлок вспоминались не так уж часто.

Каждый мифологический персонаж развивается и претерпевает изменения; в переходные эпохи этот процесс особенно активизируется. Неудивительно поэтому те перемены, которые намечаются в отношении как к образу Деда Мороза, так и Снегурочки с конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Прежде всего это сказывается во «взрослой» поэзии. В стихотворении Е. Мякишева «Зима» (1992), напоминающем читателю о нерусском происхождении обычая новогодней ёлки и её главных персонажей, Дед Мороз и Снегурочка называются «лживыми куклами»: «Эти лживые куклы. А ель — непонятное древо» [265, 16]. Однако если ёлка действительно пришла в Россию с Запада, если образ Деда Мороза формировался по стандарту западных новогодних дарителей, то Снегурочка к этому процессу, как мы видели, не имеет никакого отношения. В своём запоздалом неприятии «немецкого обряда» поэт проявил историческую неосведомлённость. Интересные процессы наблюдаются в поэзии постмодернистов. В стихотворении Игоря Иртеньева 1989 года «Ёлка в Кремле», представляющем собой «иронические вариации на политическую историю», образы Деда Мороза и Снегурочки даны в неожиданном контексте

«смешавшихся времён», в неожиданном окружении (Ленина, Дзержинского) и в неожиданном облике:

Подводит к ёлке Дед Мороз
Снегурочку-Каплан,
Он в белом венчике из роз.
Она прошла Афган.

В носу бензольное кольцо.
Во лбу звезда горит.
Её недетское лицо
О многом говорит...

[165, 146-147]

Встречаются тексты, в которых вдруг всплывают герои «весенней сказки» Островского, из гармоничного Берендеева царства перемещённые в убожество и грязь современной действительности. Таково, например, стихотворение Евгении Лавут «Снегурочка», в котором поющий и бьющий «палкой в дно тугого барабана» «мальчик Лель» провожает глазами идущую по растерзанной земле Снегурочку:

Смотри, твоя красивая сестра
Идёт не торопясь и умирая.

...Сестра твоя прекрасна и бела,
Забудь о ней, пастух белоголовый.

[216, 23]

Образы Деда Мороза и Снегурочки вдруг начинают порождать вопросы, либо давно не встававшие (например, об отношении к русской православной традиции «старика в бороде, красной шубе, с мешком, где подарков на грошик») [265, 16], либо никогда ранее не поднимавшиеся, как, например, о связи Деда Мороза и Снегурочки с темой геронтофильских мотивов в русской поэзии, в результате чего «бесплотная» Снегурочка обретает плоть: «Ведь если геронтофилию понимать как известного рода влечение к лицам старческого возраста, — пишет один юморист-профессор, — то ясно: седобородый даритель рождественских ёлок, во-первых, не молод; во-вторых, притягателен во всех смыслах, а Снегурочкам, и не только им, свойственно вожделеть» [161, 67].

Свои мысли автор демонстрирует «анонимной поэмой» «Дедушка и девушка»:

А Дедин Морозик
Ласкает Снегурочку.
...Пусть вьюга воеет —
Довольна Снегурочка.

На ту же тему в одной из газет под Новый год была напечатана картинка-анекдот, на которой изображены стоящие в лесу возле ёлочки три Деда Мороза, держащие в руках по стакану; рядом валяется распитая бутылка. Один из Дедов говорит: «По последней и — к Снегурочкам...» Накануне наступления 2001 года я случайно услышала по телевизору совсем уж пошлую шутку на тему Деда Мороза и Снегурочки, где была проведена параллель между ними и персонажами романа В.В. Набокова «Лолита».

Результатом развития рекламы и появления службы обеспечения учреждений и семей Дедами Морозами и (в меньшей степени) Снегурочками стало активное «размножение» этих персонажей, некогда существовавших в единственном «экземпляре» (вспомним хотя бы рекламную новогоднюю заставку программы Общественного Российского телевидения 2000 года, где на телевизионный экран выбегало несколько маленьких, толкающих друг друга Дедов Морозов). Посещение мэром Москвы Ю.М. Лужковым Великого Устюга, где ему угодно было сказать, что родиной Деда Мороза является именно этот город, привело к тому, что в Великом Устюге даже летом уличные продавцы штучного товара иногда наряжаются в дедморозовские костюмы^[5]. Этот факт привёл к тому, что в настоящее время целых три города борются за звание города — родины Снегурочки. Хочется надеяться, что в этой борьбе победит Кострома, связанная с местами, в которых создавалась «весенняя сказка» Островского.

Мы являемся свидетелями активного процесса изменения и усложнения образов Деда Мороза и Снегурочки. Их функции в рождественско-новогоднем ритуале (и не только в нём) меняются с каждым годом. К чему этот процесс в конце концов приведёт, покажет только время.

Вместе с «вхождением России в мировое сообщество» русский Дед Мороз переоделся из белой шубы в красный наряд, сблизившись тем самым с Санта Клаусом. Характерной для наших дней тенденцией в трактовке образа Деда Мороза представляется и взгляд на него как на «демона советского новолетия», совершающего насилие над православной традицией [4, 372]. Его появление в новогоднюю ночь, приходящуюся (после смены календаря в 1918 году) на Филиппов пост, для православного верующего действительно выглядит кощунственно. Но осмелюсь предположить, что в сознании большинства встречавших и встречающих Новый год этот факт давно уже не имеет никакого отношения к православной традиции. Встреча Нового года в ночь на 1 января превратилась в интернациональный ритуал, в котором и в России, и за границей участвуют люди самых разных вероисповеданий. И с этим, видимо, уже ничего не поделаешь. Да и стоит ли пытаться?

*Встреча нового тысячелетия...
Вот сближаются стрелок концы,
Сыплет искры еловая ветка.*

В. Попова

В XX веке ёлка с триумфом прошла через две мировые войны, сыграв роль столь многозначившей для солдат «ёлки в окопах». Она едва не погибла в «эпоху великих свершений». Выжив и став в конце концов объектом государственной важности, она достигла пика своего торжества на знаменитых Кремлёвских ёлках. Эпоха химизации 1970-х годов грозила «лесной красавице», как любили называть её в прессе, превращением в мёртвый пластик, в муляж. Но вскоре более насущные проблемы последующих лет заслонили собою ёлку, тем самым отведя от неё и эту опасность. Литература, охотно используя образ новогодней ёлки, в одних случаях ориентировалась на её новоприобретённую, советскую символику; в других же — ностальгически завуалированным способом обращалась к дореволюционной традиции, в которой ёлка была воплощением семейной идеи и одним из символов младенца Христа. Наряду с многочисленными «дежурными» текстами, печатавшимися в новогодних номерах периодики, были созданы «ёлочные шедевры», впитавшие в себя (каждый по-своему) судьбу ёлки и многолетний опыт переживания её образа детьми и взрослыми: «Ёлка у Ивановых» Александра Введенского, «Ёлка» Михаила Зощенко, «Вальс со слезой» и «Вальс с чертовщиной» Бориса Пастернака:

Как я люблю её в первые дни
Только что из лесу или с метели!
...Как я люблю её в первые дни,
Когда о ёлке толки одни!

[307, 33-34]

В постсоветском пространстве стала намечаться тенденция вновь превратить ёлку из новогодней в рождественскую. «И, как всегда в это время, — писала в конце декабря 1993 года газета «Невское время», — горят на главной улице Петербурга ёлки — не просто новогодние, уже рождественские, без красных звёзд» [14, 2]. Знаменательное в истории ёлки событие произошло при встрече 1998 года, когда на телеэкране в добавление к привычной картине — новогоднему обращению главы государства к гражданам за несколько минут до наступления Нового года — мы увидели неожиданные кадры: после окончания речи президента Б.Н. Ельцина на экране был дан общий план, и перед зрителями появилась его семья, накрытый праздничный стол и сияющая огнями ёлка. Родные президента сходятся вместе и чокаются бокалами с шампанским: рождественское/новогоднее дерево выполняло свою исконную роль, состоящую в утверждении основных человеческих ценностей — семьи и детей. То же повторилось и при встрече следующего, 1999 года, когда в своём поздравительном обращении президент говорил об излучающей тепло ёлке: «Пусть это тепло греет нас на протяжении всего года». Тепло ёлочки действительно согревает всех. Однажды в предновогодние дни с телевизионного экрана я

услышала быстрый говорок пожилой женщины из дома престарелых в Костромской области: «Покушам, ёлочку поставим, повеселимся...» Она отвечала на вопрос любознательного корреспондента о том, как жители дома престарелых собираются встречать Новый год. А молодая женщина, делясь со мной воспоминаниями о ёлках своего детства, так закончила свой рассказ: «Теперь я уже выросла. Теперь я уже сама кладу своему сыну под ёлку подарки и помогаю ему развешивать игрушки и гирлянды. Я стараюсь, чтобы для него ёлка оставалась чудом и сказкой. Когда он вырастет, то будет вспоминать каждый Новый год, как он был маленький и наряжал ёлку с мамой и папой, и как ждал подарка наутро» [460].

1. Абданк-Коссовский В. Происхождение святок // Возрождение (Paris). 1960. Тетр. 97.
2. Аверченко А.Т. Последняя ёлка: Рождественский рассказ // Новый Сатирик. 1917. № 45.
3. Агапкина Т.А. Ель // Живая старина. 1997. № 1.
4. Адоньева С.В. История современной новогодней традиции // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы научной конференции: 24-26 февраля 1999 года. СПб, 1999.
5. Александрова З.Н. Новый год // Ёлка: Песенки, сказки, стихи и рассказы. М.; Л., 1941.
6. Алексеев В. «В лесу родилась ёлочка...» // Огонёк. 1958. № 1.
7. Алексеев-Яковлев А.Я. Воспоминания / Публ. К. Кумпан и А. Конечного // Europa Orientals. 1997. № 2.
8. Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. СПб, 1994.
9. Алтаев А. [Ямицкова М.В.] Божья ёлка // Алтаев А. Рассказы о маленьких людях. М., 1904.
10. А.М.В. В Великую ночь // Малютка. 1903. Кн. 12.
11. Амосов Н.К. Против рождественской ёлки. М., 1930.
12. Андерсен Х.К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М., 1983.
13. Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1990. Т. 1.
14. Аникин Л. По главной улице контрастов // Невское время. 1993. № 250. 29 дек.
15. Анисимов А.К. Фосфорический вечер: Стихи. Тамбов, 2000.
16. Ардов В.Е. Письма к бабушке, или Светская жизнь Юрика Звягина // Крокодил. 1939. № 1.
17. Ардов М.В. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. (Картинки с натуры). М., 1995.
18. Ауслендер С.А. Святки в старом Петербурге // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб, 1993.
19. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М., 1994. Т. 2.
20. А.Э. [Кудашева Р.А.] Зимняя песенка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
21. А.Э. [Кудашева Р.А.] Ёлка // Малютка. 1903. Кн. 12.
22. Бал-маскарад в Большом Кремлёвском дворце // Правда. 1954. № 2. 2 янв.
23. Баранцевич К.С. Мальчик на улице (Святочный рассказ) // Баранцевич К.С. Флирт и другие рассказы. СПб, 1896.
24. Барто А.Л. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1970. Т. 2.
25. Барто П.Н. Ёлка. <М.>, 1930.
26. Батюшков Ф.Д. Генезис «Снегурочки» Островского // ЖМНП. 1917. Ч. 69. Май.
27. Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга: Очерки столичной жизни. СПб, 1994.
28. Бачманова А. Золотое сердечко: Рождественский рассказ // Мой журнал. Журнал для девочек. 1886. № 12.
29. Башмакофф Н. «Страна намёков и надежд...» Меняющиеся настроения русских в Финляндии в 1930-е годы // Зарубежная Россия. 1919-1939. СПб, 2000.
30. Бедный Демьян. Рождественская картина. Бытовая // Правда. 1928. № 302. 30 дек.
31. Безобидный [Потресов С.В.]. Рождественский номер (Шутка) // Новое литературное обозрение. 1994. № 6.
32. Бекетова Е.А. В старом доме // Святочные рассказы. М., 1991.
33. Бекетова Е.А. Ёлка и птичка // Новое время. 1888. № 4254. 2 янв.
34. Бекетова Е.А. Ёлка под Новый год // Огонёк. 1882. № 52.

35. Бекетова Е.А. Рождественская легенда // Мой журнал. Журнал для девочек. 1886. № 12.
36. Бекман-Щербина Е.А. Мои воспоминания. М., 1962.
37. Белыхова М. Рец. на кн.: «Ёлка»: Песенки, сказки, стихи, рассказы. М.; Л., 1941 // Детская литература. 1941. № 3.
38. Белявская О.А. Ёлка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
39. Белявская О.А. Ёлкич (Из воспоминаний детства) // Тропинка. 1911. № 1.
40. Белявская О.А. Зимняя сказочка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
41. Белявская О.А. Снегурочка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
42. Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 3-х т. М., 1993. Т. 1.
43. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1999.
44. Берберова Н.Н. Рождественский рассказ // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб, 1993.
45. Бестужев (Марлинский) А.А. Ночь на корабле: Повести и рассказы. М., 1988.
46. Блок А.А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1960-1963.
47. Богатинов Н. Предпразднество Рождества Христова // Руководство для сельских пастырей. 1863. № 51.
48. Богатырев П.Г. Рождественская ёлка в восточной Словакии // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
49. Богатырева С.И. Из семейного альбома // Живая старина. 1994. № 1.
50. Бонч-Бруевич В.Д. Владимир Ильич на ёлке // Ёлка: Сб. статей о проведении ёлки / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. М., 1936.
51. Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969.
52. Бонч-Бруевич В.Д. Ленин и дети: Рассказы. М., 1983.
53. Бонч-Бруевич В.Д. Наш Ильич. М., 1965.
54. Борзенко С.А. Молодёжный бал в Кремле // Правда. 1954. № 3. 3 янв.
55. Борисов С.Б. От Рождества к Новому году (на шадринских материалах) // Шадринская провинция: Материалы третьей межрегиональной научно-практической конференции 8-9 февраля 2000. Шадринск, 2000.
56. Брауде Т.П. Помню его хорошо // Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М., 1987.
57. Брет-Гарт [Ф.]. Рождественская ночь // Рождественская звезда. М., 1914.
58. Бродский И.А. Рождественские стихи. М., 1996.
59. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.
60. Будищев А.Н. В зимнюю ночь // Посильная помощь: Сб. в пользу пострадавших от неурожая. <Б.м., б.г.>.
61. Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Л., 1978.
62. Бунин И.А. Нефёдка: Святочный рассказ // Лит. наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 1.
63. Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 1996.
64. Васильев И. Ёлки // Витебские губернские ведомости. 1904. № 6. 9 янв.
65. Введенский А.И. Не позволим! // Чиж. 1931. № 12.
66. Вележнев С.Г. Доброе сердце // Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М., 1987.
67. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
68. Велецкая Н.Н. Старинный обычай // Декоративное искусство. 1980. № 12.
69. Венчиков А. [Ульянова Н.] Заячья ёлка: Сказочка с иллюстрациями. М., 1900.
70. «Верю, мы для России пригодимся»: Переписка Б.М. и Ю.М. Соколовых (1921-1923) / Публ. В.А. Бахтиной, Г.Г. Григорьевой и Э.В. Померанцевой // Из истории русской

фольклористики. СПб, 1998.

71. *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник ОРЯС. СПб, 1881. Т. 28.
72. Вечер в мещанском училище // Московский листок. 1882. № 3.
73. *Видуэцкая И.П.* Чехов и его издатель А.Ф. Маркс. М., 1977.
74. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. Декабрь 1921 — январь 1924. М., 1982.
75. *Власова М.Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб, 1998.
76. В лес за ёлками // Правда. 1935. № 360. 31 дек.
77. *В.Н.* В лесу. (Набросок) // Русский листок. 1898. № 357. 25 дек.
78. *Войтоловская А.Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991.
79. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.
80. *Волкова С.* Моя ёлка (рукопись). Хранится в личном архиве Е.В. Душечкиной.
81. *Волконская М.В.* Солидный подарок // Святочные рассказы. М., 1991.
82. *Волошина-Сабашникова М.В.* Зелёная змея: Мемуары художницы. СПб, 1993.
83. *Воронкова Л.Ф.* Зима // Ёлка: Художественный материал для детей дошкольного возраста / Сост. М. Буш. М., 1940.
84. *Высоцкая О.* Песенка Мороза // Ёлка: Художественный материал для детей дошкольного возраста / Сост. М. Буш. М., 1940.
85. *Вышеславцева С.* Возле ёлки // Песни для детей: Сб. для начальной школы. М., 1953.
86. *Гайдар А.П.* Собр. соч.: В 4-х т. М., 1960. Т. 3.
87. *Галахов Л.* С новым счастьем // Смена. 1948. № 1.
88. *Галина Г. [Эйнерлинг Г.А.]* Ёлка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
89. *Галина Г. [Эйнерлинг Г.А.]* История одной сосульки // Детям к Рождеству. СПб, 1994.
90. *Герасимов П.* В подарок детям. 3-е изд. СПб, 1903.
91. *Герман М.Ю.* Сложное прошедшее: главы из книги воспоминаний // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Вып. 3. СПб, 1997.
92. *Герцен Н.А.* Письма Т.А. Астраковой // Лит. наследство. М., 1997. Т. 99. Кн. 1.
93. *Герштейн Э.Г.* Мемуары. СПб, 1998.
94. *Гёте И.В.* Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1978. Т. 6.
95. Гигиена рождественской ёлки // Нива. 1894. № 52.
96. *Глоцер В.И.* «В лесу родилась ёлочка...» // Книги детям. [Вып. 12]. М., 1973.
97. *Глязер С.В.* Комсомольское рождество. Как комсомольской ячейке организовать и провести антирелигиозную кампанию. М., 1930.
98. *Гончаров И.А.* [Рождественская ёлка] / Публ. и коммент. Л.М. Добровольского // Лит. архив. Вып. 4. М.; Л., 1953.
99. *Горький М.* О мальчике и девочке, которые не замёрзли: Святочный рассказ // Нижегородский листок. 1894. № 349. 25 дек.
100. *Горький М.* Рождественские рассказы // Нижегородский листок. 1896. № 356. 25 дек.
101. *Горянский В.И.* Перед Рождеством // Поэты «Сатирикона». М.; Л., 1966.
102. *Гофман Э.Т.А.* Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1997. Т. 5.
103. *Григорович Д.В.* Зимний вечер (Повесть на Новый год) // Петербургский святочный рассказ. Л., 1991.
104. *Григорович Д.В.* Соч.: В 3-х т. М., 1988. Т. 1.
105. *Григорьев О.Е.* Птица в клетке. СПб, 1997.
106. *Грэк И. [Билибин В.В.]* Святочные рассказы // Осколки. 1900. № 1.
107. *Гутман А.* Ленин на ёлке // Морозко. Свердловск, 1940.

108. *Давыдов И., Смирнов А.* Дорогая ёлочка. СПб, 1889.
109. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2-х т. М., 1984. Т. 2.
110. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1978.
111. *Данилевский Г.П.* Снегурка // Данилевский Г.П. Из Украины: Сказки и поверья: В 3-х ч. СПб, 1860.
112. Декреты Советской власти. Т. 1. № 272. <М.>, 1957.
113. Детям к Рождеству. СПб, 1994.
114. *Дзержинская Ю.* Новогодняя ёлка в детском саду // Ёлка: Сб. художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946.
115. *Диккенс Ч.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1957-1963.
116. *Дильбази М.П.* Дед-мороз // Ёлка: Песенки, сказки, стихи и рассказы. М.; Л., 1941.
117. *Дмитриев Ю.* Революционный трибунал // Павел Постышев: Воспоминания, выступления, письма. М., 1987.
118. *Добычин Л.И.* Город Эн // Добычин Л.И. Полн. собр. соч. и писем. СПб, 1999.
119. *Домбровский Ф.В.* Ёлка. СПб, 1896.
120. *Домбровский Ф.В.* Канун Рождества // Родина. 1886. № 51.
121. *Доров [Фёдоров А.А.].* О чём грезила ёлка // Липовецкий М.Г. Рождественские святки: Сб. рассказов, стихотворений и сцен для чтения и устройства ёлок в школе и дома. Киев, 1911.
122. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1981.
123. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1972-1990.
124. *Дубровина Е.О.* Бабушка-невеста // Родина. 1888. № 52.
125. *Дубровина Е.О.* К вечному свету: Рождественский рассказ // Родина. 1884. № 51-52.
126. *Дурылин С.Н.* В своём углу: Из старых тетрадей. М., 1991.
127. *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб, 1995.
128. *Дюбюк Е.Ф.* Дневник // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. Кострома, 1999.
129. *Дядя Митяй [Тогольский Т.Д.].* За ёлками: Из жизни столичных голышей // Осколки. 1893. № 52.
130. *Евстафиева В.* Ваня // Святочные рассказы. М., 1991.
131. Ёлка // Веселые святки. М., 1907.
132. Ёлка: Песенки, сказки, стихи и рассказы. М.:Л.; 1941.
- 132а. Ёлка: Подарок на Рождество: Азбука с примерами постепенного чтения / Изд. А.М. Дараган. СПб, 1846.
133. Ёлка: Поздравительные стихотворения для детей на торжественные случаи... СПб.; М., 1872.
134. Ёлка: Сб. статей о проведении ёлки / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. М., 1936.
135. Ёлка: Сб. художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946.
136. Ёлка: Художественный материал для детей дошкольного возраста / Сост. М. Буш. М., 1940.
137. Ёлка в семье Вельских // Рождественские праздники: Подарок для детей. М., 1873.
138. Ёлка и Новый год: Подарок детям в стихах и прозе. СПб, 1863.
139. Ёлка и танцевальный вечер // Киевское слово. 1897. № 3578. 25 дек.
140. Ёлка на праздник Рождества Христова: Рассказы, посвящённые благонравным детям // СПб, 1855.
141. Ёлочка: Рождественская сказка // Посильная помощь: Сб. в пользу пострадавших от неурожая. <Б.м., б.г.>.

142. *Есенин С.А.* Сиротка: Русская сказка// Мирок. 1914. № 12.
143. *Ефимов Ф.* В лесу родилась ёлочка // Вопросы литературы. 2001. № 2.
144. *Жан-Жак и Руссо.* Справочный стол // Крокодил. 1939. № 1.
145. *Жаров М.И.* Жизнь, театр, кино: Воспоминания. М., 1967.
146. *Желиховская В.П.* Звёздочки: Рождественские рассказы для детей. СПб, <1902>.
147. *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4.
148. Загадки / Изд. подгот. В.В. Митрофанова. Л., 1968.
149. *Зайцев В.К.* Улица Св. Николая // Зайцев Б. Осенний свет. М., 1990.
150. *Засодимский П.В.* В метель и вьюгу. М., 1905.
151. *Засодимский П.В.* История двух елей: Святочный рассказ // Засодимский П.В. Задуманные рассказы. СПб, <1884>.
152. Звёздочка. 1842. Ч. 1.
153. *Зеленин Д.К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937.
154. *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
155. *Зонтаг А.* Сочельник перед Рождеством Христовым, или Собрание повестей и рассказов для старшего возраста / Пер. с нем. В. Казначеева. М., 1864. Ч. 1.
156. *Зорин А.Н. и др.* Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
157. *И[ванов] В[яч. Вс]., Т[опоров] В.[Н.]* Мороз // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
158. *Иванов Е.В.* Новый год и Рождество в открытках. СПб, 2000.
159. *Иванова И.* Не плачьте обо мне!..: Документальная повесть. СПб, 1998.
160. *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб, 1994.
161. *Илюшин А.А.* Геронтофильские мотивы русской поэзии // Комментарии. 1995. М., 1995. № 4.
162. *Инцертон Н.* Рождество на службе у эксплуататоров. Чему учит сказание о Рождестве. М., <1928>.
163. *Иордан В.* На ёлку // Московский листок. 1894. № 358. Рождественский номер. 25 дек.
164. *Иофе В.В.* Благая весть лесов // Вестник новой литературы. 1990. № 2.
165. *Иртенев И.М.* [Сб.] М., 2000 (Антология сатиры и юмора России XX века; Т. 5).
166. *Исаев В.Н.* Соратник Сталина. М., 1999.
167. *Кайгородов Д.М.* Беседы о русском лесе: Краснолесье. СПб, 1880.
168. *Кайгородов Д.М.* Ёлка // Швидченко Е. [Быстров Б.]. Святочная хрестоматия: Литературно-музыкально-этнографический сб. для семьи и школы. СПб, 1903.
169. *Кайгородов Д.М.* Легенда о ёлке // Липовецкий М.Г. Рождественские святки: Сб. рассказов, стихотворений и сцен для чтения и устройства ёлок в школе и дома. Киев, 1911.
170. *Кайгородов Д.М.* Обычай рождественской ёлки // Новое время. 1889. № 4976. 25 дек.
171. *Кайгородов Д.М.* Обычай рождественской ёлки // Новое время. 1890. № 5326. 25 дек.
172. *Кайгородов Д.М.* О рождественских ёлках // Новое время. 1888. № 4608. 25 дек.
173. *К. Александр.* Ёлка, Ель и Ельник // Новое время. 1884. № 3172. 25 дек.
174. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX-XX в.: Зимние праздники. М., 1973.
175. *Канин М.* Комсомольские святки в Рязани // Правда. 1922. № 298. 31 дек.
176. *Караскевич С.* Ёлка // Нива. 1904. № 52.
177. *Катаев В.П.* Белеет парус одинокий. М., 1955.

178. *Кашнева Т. [Золотова Т.Б.] «Земная коротка наша память...»: Невыдуманная повесть.* Таллинн, 1993.
179. *Кедрова А. Что случилось в лесу.* М., 1905.
180. *К ёлке: Указатель книг, одобренных педагогической критикой для детского чтения.* СПб, 1889.
181. *Кернч С. Рождество: Рассказ для детей / С нем.* СПб, 1861.
182. *Клименко Н.К. Рождественские обычаи и поверья в старой России // Возрождение (Paris).* 1962. № 121.
183. *Клинский Н. Новогодняя быль// Московский листок.* 1897. Прибавление к № 1. № 1. 1 янв.
184. *Клокова М. Наша новогодняя // Ёлка: Художественный материал для детей дошкольного возраста / Сост. М. Буш.* М., 1940.
185. *Клубков П.А. Где нас потеряли? (Опыт реакции на книгу, которую я не читал) // Памир.* 1989. № 4.
186. *Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880-1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Вып. 3.* СПб., 1997.
187. *Кляцко Л. Когда родилась «Ёлочка»?// Вечерняя Москва.* 1963. № 304. 30 дек.
188. *Князев В.В. Ёлка // Поэты «Сатирикона».* М.; Л., 1966.
189. *Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента (1919–1922 гг.) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 5.* СПб., 1994.
190. *Коваль. Сочельник (с нем.) // Енисей.* 1894. 25 дек. № 57-58.
191. *Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8-ми т.* М., 1969. Т. 7.
192. *Кононов А.Т. Ёлка в Сокольниках // Ёлка: Песенки, сказки, стихи, рассказы.* М.; Л., 1941.
193. *Кононов А.Т. Ёлка в Сокольниках.* М., 1953.
194. *Кононов А.Т. Рассказы о Ленине.* <Л.>, 1980.
195. *Константинов В. Лошадь // Сб. для всех: Рождественский альманах. Вып. 1 <М., 1909>.*
196. *Коринфский А.А. Белый дед // Русская поэзия детям.* Л., 1989.
197. *Коробков Н. Осинный кол // Новое литературное обозрение.* 1994. № 6.
198. *Косарев А.В. О проведении вечеров учащихся, посвящённых встрече Нового, 1936, года // Правда.* 1935. № 358. 29 дек.
199. *Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского / Сост. В. Зелинский: В 5-ти ч.* М., 1896. Ч. 4.
200. *Крокодил.* 1937. № 35-36.
201. *Круглов А.В. Далёкое Рождество: Из детских воспоминаний.* 2-е изд. М., 1902.
202. *Круглов А.В. Ёлка в царстве зверей.* М., 1896.
203. *Круглов А.В. Заморыш // Московский листок.* 1882. № 5. 7 янв.
204. *Круковский М.А. Своя ёлка // Мирок.* 1914. № 12.
205. *Кудашева Р.А. Ёлка // Огонёк.* 1958. № 1.
206. *Кудрейко А. 1958-й! // Огонёк.* 1958. № 1.
207. *Кузмин М. Ёлка // Кузмин М. Стихи и проза.* М., 1989.
208. *Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания.* М., 1986.
209. *Кук. Снегурочка. (Зимняя сказка) // Петербургский листок.* 1900. № 298. 29 окт.
210. *Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии...: Публицистика (1919–1921).* СПб, 2000.
211. *Куприн А.И. Собр. соч.: В 9-ти т.* М., 1970-1973.
212. *Куркви А. Последний сын серебряного века // ДИ. Russia in Art.* 1993. № 1-2.

213. Курская А.С. Пережитое. М., 1965.
214. Куцин В. Сочельник // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб., 1993.
215. Лаврентьева С.И. Добрые души. М., 1901.
216. Лавут Е. Стихи про Глеба, Доброго Барина, царя Давида, Фому и Ерёму, Лютера и других. М., 1994.
217. Лебедев-Кумач В.И. Здравствуй, ёлка! // Ёлка: Художественный материал для детей дошкольного возраста / Сост. М. Буш. М., 1940.
218. Левкиевская Е.Е. Демонология народная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. М., 1999. Т. 2.
219. Лейкин Н.А. В Новый год: Сценка // Осколки. 1893. № 1.
220. Лейкин Н.А. Ёлки покупают // Осколки. 1894. № 52.
221. Лейкин Н.А. Записки рождественской ёлки // Осколки. 1883. № 52.
222. Лейкин Н.А. На ёлке: Сценка // Осколки. 1889. № 52.
223. Лейкин Н.А. Около ёлок (Сценка) // Петербургская газета. 1880. № 1. 1 янв.
224. Лейкин Н.А. Перед Рождеством: Сценка // Осколки. 1885. № 51.
225. Лейкин Н.А. Рождественские рассказы. СПб., 1901.
226. Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1956. Т. 5.
227. Лесная Л. [Шперлинг Л.В.] Дедушка // Новый Сатирикон. 1917. № 45.
228. Лесная Л. [Шперлинг Л.В.] Ёлка // Нива. 1916. № 51.
229. Липовецкий М.Г. Рождественские святки: Сб. рассказов, стихотворений и сцен для чтения и устройства ёлок в школе и дома. Киев, 1911.
230. Лихачев В.С. Рождественские ночи (Из Арно Гольца) // Нива. 1908. № 51.
231. Лонжинский И.Ф. Стихотворения в прозе // Родина. 1886. № 51.
232. Лукаш И.С. Возвращение Рождества // Возрождение (Paris). 1965. № 157.
233. Лурье Л.Я. Встретимся у Доминика // Ленинградская панорама. 1987. № 3.
234. Лухманова Н.А. Чудо рождественской ночи // Новое время. 1894. № 6763. 25 дек.
235. Любимов Н.М. Неувядаемый свет: Книга воспоминаний. М., 2000. Т. 1.
236. Мадлевская Е.Л. Образ Деда Мороза и современные представления о нём // Живая старина. 2000. № 4.
237. Мазуркевич В.А. Рождественская сказка // Русский листок. 1901. № 354. 25 дек.
238. Макарова С.М. Зимние вечера: Рассказы для маленьких детей. СПб., 1905.
239. Макрушенко П. Ёлка в Горках // Литературный Киргизстан. 1960. № 6.
240. Мальский Л. В рождественскую ночь: Рассказ хроникёра // Русь. 1907. № 345. 25 дек.
241. Малютка. 1907. № 11. Приложение: Делание цветов для ёлки.
242. Мамин-Сибиряк Д.Н. Песня мистера Каль // Посильная помощь: Сб. в пользу пострадавших от неурожая. [Б.м.; б.г.].
243. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч: В 6-ти т. М., 1981. Т. 6.
244. Мандельштам О.Э. Шум времени. СПб., 1999.
245. Мариенгоф А.Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988.
246. Мариинский А. Поповщина и сектантство // Новый мир. 1928. Кн. 11.
247. Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1968-1972.
248. Маршак С.Я. Сталин думает о нас // Круглый год: Книга-календарь для детей на 1948 год. М.; Л., 1947.
249. Марягин Г.А. Постышев. М., 1965.
250. Маслова Г.С. Из семейной хроники // Мнемозина: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1999.

251. Материалы к антирелигиозной пропаганде в рождественские дни. Тула, 1927.
252. М.Б. [Белобородов М.] Сиротка Феня: Рассказ // Развлечение. 1887. № 1.
253. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
254. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
255. Мережковский Д.С. Детям // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб, 2000.
256. Мильчаков А.И. Рядом с молодыми // Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М., 1987.
257. Милютин Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
258. Мирский Б. [Миркин-Герцевич Б.С.] Рождественские рассказы. (Разлив 1917 года) // Новое литературное обозрение. 1994. № 6.
259. Михайлов М.Л. Собр. стихотворений. [Л.,] 1969.
260. Михайлова В.В. К праздникам. СПб, 1884.
261. Мордвинов И.П. Как устраивать в семье и школе ёлки, праздники и юбилеи: Сб. практических указаний и статей для ролевого исполнения. СПб, 1901.
262. Морозко / Сост. К.В. Рождественская. Свердловск, 1940.
263. Москвич. Два брата: Святочный рассказ-быль // Енисей. 1900. № 53.
264. Мысли русского вслух на Новый год. СПб, 1843.
265. Мякишев Е. Ловитва: Стихи. СПб, 1992.
266. Набоков В.В. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1990.
267. Назарьева К.В. Потухшая ёлка: Святочный рассказ // Родина. 1894. № 1, 2.
268. Н.Г. Снегурочка. Кое-что о малютках. СПб, 1890.
269. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти т. Л., 1990.
270. Ненадо Г. [Кильберг Н.П.] Ёлка // Нива. 1872. № 52.
271. Нива. 1880. № 52.
272. Нива. 1881. № 52.
273. Нива. 1894. № 52.
274. Нива. 1904. № 52.
275. Нива. 1908. № 2.
276. Нива. 1908. № 50.
277. Нива. 1909. № 51.
278. Нива. 1915. № 51.
279. Нижинская Б. Ранние воспоминания. М., 1999.
280. Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох. М., 1992.
281. Николаев В. [Предисловие] // Кононов А. Рассказы и повести. М., 1959.
282. Никонов Б.П. Божья ёлка // Нива. 1904. № 52.
283. Н.Н. Сон // Святочные рассказы. М., 1991.
284. Н.О. Ёлки // Нива. 1880. № 52.
285. Новогодние ёлки // Правда. 1935. № 358. 29 дек.
286. Новое время. 1890. № 6326. 25 дек.
287. Новый год // Смена. 1938. № 1.
288. Нольде А. Перед ёлкой // Детский отдых. 1884. № 12.
289. Об обычае празднования ёлки // Нива. 1876. № 12.
290. Огонёк. 1958. № 1.
291. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб, 2001.
292. О.Л. Д'ор [Оршер И.Л.]. Как писать рождественские рассказы: Руководство для молодых писателей // Новое литературное обозрение. 1994. № 6.

293. *Олеша Ю.К.* Книга прощения. М., 1999.
294. *О.М.* Рождественский рубль // Русские ведомости. 1898. № 295. 25 дек.
295. *Орлова Р.Д.* Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993.
296. *Орловский Г.* Про девочку Розочку // Ёлка: Художественный материал для детей дошкольного возраста / Сост. М. Буш. М., 1940.
297. *Орловский С.* Радушное. М., 1900.
298. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб; М.; Харьков; Минск, 1999.
299. Отрада и мечты бедных детей. СПб, 1892.
300. *Павлова Р.Э., Смирнова А.А.* Рождественские праздники в Петербурге// История Петербурга. 2001. № 1.
301. *Пазухин А.М.* Ёлки: Картинки и сценки // Московский листок. 1894. № 358. 25 дек. Рождественский номер.
302. *Панаев И.И.* Прошедшее и настоящее (Святки двадцать пять лет назад и теперь) // Петербургский святочный рассказ. Л., 1991.
303. *Панаев И.И.* Святки: Рассказ для детей // Панаев И.И. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1912. Т. 5.
304. *Панченко А.М.* Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб, 1991. Сб. 17.
305. Пародийная поэзия школьников / Предисл. и публ. М.Л. Лурье// Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998.
306. *Парчевский К.К.* Рождественский рассказ // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы, СПб, 1993.
307. *Пастернак В.Л.* Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1989-1991.
308. *Паустовский К.Г.* Дети в Кремле // Правда. 1954. № 2. 2 янв.
309. *П-въ И.* Сереже Пассек // Игрушечка. 1881. № 11.
310. [Передовая статья] // Правда. 1929. № 305. 25 дек.
311. *Перелешин В.* Сочельник // Возрождение (Paris). 1968. № 193.
312. *Перетц Н.* Ёлка // Семья и школа. 1872. Дек.
313. Песни пионеров. Л., 1927.
314. Петербургская газета. 1876. № 24. 4 февр.
315. *Петербуржец [Лейкин Н.Д.]*. Ряженые (Святочная картинка) // Московский листок. 1894. Прибавление к № 2. № 2. 9 янв.
316. *Петерсон К.А.* Сиротка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
317. *Петренко Н. [Равдин Б.Л.]* Ленин в Горках — болезнь и смерть (Источниковедческие заметки) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990.
318. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД: 1934-1941 // Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М., 1999.
319. *Петров-Водкин К.С.* Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. <Л.,> 1970.
320. *Петровский Е.К.* Какой у нас сегодня праздник, мама? СПб, 1900.
321. *Петрухин В.Я.* Дерево жизни // Живая старина. 1997. № 1.
322. *Плещеев А.Н.* Ёлка // Плещеев А.Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964.
323. Подарок детям на ёлку. Берлин, 1870.
324. Подарок на Новый год: Две сказки Гофмана для больших и маленьких детей. СПб, 1840.
325. *Пожарова М.* Праздник у Метелицы // Нива. 1910. № 51.
326. *Позняков Н.И.* Святочные рассказы. СПб, 1902.
327. *Полевой Н.А.* Новый год в Москве, в 1663 и 1700 // Библ. для чтения. 1836. Т. 14.

328. *Полонский Я.П.* Ёлка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
329. *Полонский Я.П.* Проза. М., 1988.
330. *Померанцева Г.Е.* О Сергее Николаевиче Дурьiline // Дурьилин С.Н. В своём углу: Из старых тетрадей. М., 1991.
331. *Попова В.* Мосток: Стихотворения. М., 2000.
332. Пособие по устройству общедоступных литературных чтений (Хрестоматия для семьи и школы). Изд. 2-е, испр., доп. / Под ред. проф. Н.Ф. Сумцова. Харьков, 1896.
333. *Постышев Л.П.* Воспоминания об отце // Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М., 1987.
334. *Постышев П.П.* Давайте организуем к новому году детям хорошую ёлку! // Правда. 1935. № 357. 28 дек.
335. *Потресов С.В.* Рождественский рассказ (Посвящается собратьям по перу) // Новое литературное обозрение. 1994. № 6.
336. Правда. 1954. № 2. 2 янв.
337. Праздник Рождества // Звёздочка. 1842. Ч. 1.
338. *Преображенская С.* Ёлка // Детский отдых. 1886. № 12.
339. Преодоление рабства: Фольклор и язык остарбайтеров. 1942-1944 / Сост. Б.Е. Чистова и К.В. Чистов. М., 1998.
340. Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Изд. подгот. Б.Е. Чистова и К.В. Чистов: В 2-х ч. СПб, 1997. Ч. 1.
341. Продажа ёлок на рынках Москвы // Правда. 1935. № 357. 28 дек.
342. Пропадал и нашёлся // Малютка. 1903. Кн. 12.
343. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
344. Против январского «рождества» // Правда. 1929. № 308. 28 дек.
345. *Пустынник Прядильной улицы [Олин В.Н.]*. Маскарад // Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 год. СПб, 1830. Ч. 1. № 1.
346. *Пуятинна А.С.* Зима в деревне: Рассказы для детей 5-8 лет. М., 1881.
347. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1956. Т. 6.
348. *Рачинская Е.Н.* Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Paris, 1990.
349. *Рашковский Е.Б.* Святочная ода // Рашковский Е.Б. Странное знание: Стихи разных лет. М., 1999.
350. *Ренников [Селитренников А.М.]*. Сочельник в будущем // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб, 1993.
351. Репертуарный бюллетень: театр, кино, музыка, эстрада. 1936. № 2-3.
352. *Родионов И.В.* С рождественской ёлки // С миру по нитке: Литературный сб. Вып. 4. СПб, 1909.
353. Рождественская ёлка. М., 1997.
354. *Розанов В.В.* Около церковных стен: В 2-х т. СПб, 1906. Т. 1.
355. *Розанова Н.В.* Из моих воспоминаний // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 2.
356. *Розов А.Н.* Дом Льва Александровича (заметки «Деда Мороза») // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб, 1995.
357. *Романов В.* В гостях у дедушки Мороза // Новое время. 1883. № 2812. 25 дек.
358. *Романов П.С.* О детях: Путевые заметки писателя // Новый мир. 1936. Кн. 1.
359. *Русаков В.М.* Под небом детства. Псков, 1997.
360. Русская сказка о рождественской ёлке. СПб; М., 1882.
361. Русские писатели. 1800-1917: Биограф, словарь. М., 1994. Т. 3.

362. Рыклин Г.Е. Дядя Ваня // Крокодил. 1939. № 1.
363. Рытхэу Ю.С. Новогодняя ночь // Огонёк. 1953. № 1.
364. Рюрберг В. Приключения маленького Вига в ночь под Рождество. СПб, 1888.
365. Рязановский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.
366. Саард А. Холостяк: Рождественский рассказ // Русь. 1895. № 335. 30 дек.
367. Савельева-Ростиславич Л.А. Зимние вечера. СПб, 1853.
368. Садовников Д.Н. Весенняя сказка // Русская поэзия детям. Л., 1989.
369. Салова Ю.Г. Из истории дошкольного воспитания в Ярославле в 1917-1930 гг. // Ярославский архив: Историко-краеведческий сб. М.; СПб, 1996.
370. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1965.
371. Сальников А.Н. Добрый Морозко. СПб, 1887.
372. Сальников А.Н. Сказка о двух елях. СПб, 1888.
373. С[асс]-Т[исовский] К [А]. Рождественская дума эмигранта // Двинский листок (Даугавпилс). 1925. 24 дек. № 24.
374. Саянов В.М. Ёлка в Горках // Правда. 1954. № 21. 21 янв.
375. С.В. Ёлочка: Сказка // Минский листок. 1892. № 103. 25 дек.
376. Светлов В.Я. К звёздам: Рождественский рассказ // Нива. 1897. № 51.
377. Светлов М.А. Зима // Круглый год: Книга-календарь для детей на 1948 год. М.; Л., 1947.
378. Северин Н. [Мердер Н.И.] Из жизни петербургских детей (Нищенки) // Петербургский святочный рассказ. СПб, 1991.
379. Северная пчела. 1839. № 291. 23 дек.
380. Северная пчела. 1840. № 290. 23 дек.
381. Северная пчела. 1841. № 2. 3 янв.
382. Северная пчела. 1841. № 289. 23 дек.
383. Северная пчела. 1842. № 4. 4 янв.
384. Северная пчела. 1842. № 289. 24 дек.
385. Северная пчела. 1843. № 289. 23 дек.
386. Северный С. [Дурылин С.Н]. Снегуркин дом. СПб, 1912.
387. Селинкова Е.Я. Растительные атрибуты в новогодней обрядности у грузин (от символа к схеме) // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб, 1993.
388. Семёнов Д.Д. Рождественская ёлка в живых картинах, сценах, песнях и играх: Для школы и семьи. М., 1887.
389. Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч: В 12-ти т. М., 1967. Т. 1.
390. С.И.Р. Рождество в Англии // Русская речь. 1909. № 354. 25 дек.
391. Сказка про Щелкуна и мышиноного царя. СПб, 1903.
392. Скрябина Е.А. Страницы жизни. М., 1994.
393. Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8.
394. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.
395. «Служить Родине приходится костями...»: Дневник Н.В. Устрялова 1935-1937 гг. // Источник. 1998. № 5-6.
396. Случевский К.К. Ель и олива // Новое время. 1880. № 1735. 25 дек.
397. Смертина Т. Край света: Стихи. Владимир, 1996.
398. С-ня. Чужая ёлка // Новое время. 1896. № 7483. 25 дек.
399. Советские детские писатели: Биобиблиогр. словарь (1917–1957). М., 1961.
400. Современник. 1863. № 1-2.
401. Созонович М. Ненужная ёлка // Возрождение (Paris). 1960. Тетр. 97.
402. Соколов А.А. На святках // Московский листок. 1897. Прибавление к № 1. № 1. 1 янв.

403. Соллогуб В.А. Зима // Семья и школа. 1872. № 12.
404. Соловцов А. Статья Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка — весенняя сказка» // Римский-Корсаков Н.А. «Снегурочка — весенняя сказка» (Тематический разбор). М., 1978.
405. Соллогуб Ф. Истлевающие личины. М., 1907.
406. Соллогуб Ф. Стихотворения. Л., 1975.
407. Сорокин Л. У Кремля // Огонёк. 1953. № 1.
408. Спасский С.Д. Новогодняя ночь. Л., 1932.
409. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
410. Станюкович К.М. Две ёлки. СПб, 1894.
411. Стерн А.В. В ореховой скорлупе: Святочная идиллия // Нива. 1906. № 52.
412. Стеценко. Стёпкина ёлка // Звезда. 1888. № 51-52.
413. Строганов М.В. Три заметки к текстам Салтыкова-Щедрина // Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. Калинин, 1989.
414. Струве М.А. Парижское письмо // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб, 1993.
415. Стуруа М.Г. Заложники будущего: Современный святочный рассказ // Известия. 1988. № 336. 31 дек.
416. Суриков И.З. Зима // Русская поэзия детям. Л., 1989.
417. Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980.
418. Табурин В. Ёлка на небе: Рождественский рассказ. СПб, 1889.
419. Терещенко А.В. Быт русского народа: В 7-ми т. СПб, 1848. Т. 7.
420. Тихонова Е. Рождественская ёлка // Родина. 1884. № 51.
421. Токмакова И.П. Запрещённое Рождество: Воспоминания детства // Большая книга Рождества. М., 1999.
422. Толин Н. Рождественская легенда и капиталистическая действительность. М., 1932.
423. Толстой А.Н. Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1995. Т. 3.
424. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987.
425. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. М., 1978-1985.
426. Толстой Н.И. Бадняк // Славянские древности: Этно-лингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
427. Толстой Н.И. Мифологическое в славянской народной поэзии: 1. Между двумя соснами (елями) // Живая старина. 1994. № 2.
428. Толстой С.Л. Очерки былого. Изд. 2-е. М., 1956.
429. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.; Л., 1928.
430. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. М., 1980. Т. 1.
431. Трефолов Л.Н. Девочка со спичками (По Андерсену) // Русская поэзия детям. Л., 1989.
432. Тропинка. 1911. № 1.
433. Трутнева Е. С новым годом! // Круглый год: Книга-календарь для детей на 1948 год. М.; Л., 1947.
434. Трыкова О.Ю. Жанры детского фольклора Ярославской области // Живая старина. 1999. № 1.
435. Туганов Г. Зимой. [М., Л.], 1929.
436. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Соч.: В 12-ти т. М., 1978-1986.
437. Тютчев Ф.И. Лирика: В 2-х т. М., 1966. Т. 1.
438. Тютчев Ф.[Ф.] Горе старой ёлки // Новое время. 1888. № 4254. 2 янв.

439. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). <М.>, 1982.
440. Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970.
441. Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Вып. 2. СПб, 1991.
442. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб, 1858. Т. 3.
443. Фет А.А. Вечерние огни. М., 1981.
444. Фет А.А. Воспоминания. М., 1983.
445. Фет А.А. Стихотворения. Л., 1956.
446. Фет А.А. У морозного окна // Заря. 1872. № 1.
447. Финогенов А. Без ёлки // Чиж. 1931. № 12.
448. Флерина Е.А. Ёлка в детском саду // Ёлка: Сб. статей о проведении ёлки. М., 1936.
449. Фоменко В.Д. Письма В.И. Душечкину (23 октября 1940 г. — 27 октября 1945 г.) (машинопись). Хранится в личном архиве Е.В. Душечкиной.
450. Фофанов К.М. Нарядили ёлку в праздничное платье... // Русская поэзия детям. Л., 1989.
451. Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962.
452. Фофанов К.М. Триолет // Русская поэзия детям. Л., 1989.
453. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980.
454. Фридендер Г.М. Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963.
455. Фруг С.Г. На катке // Русская поэзия детям. Л., 1989.
456. Халтурин Л. Рец. на кн.: «Морозко»: Сборник / Сост. К.В. Рождественская. Свердлов. обл. гос. изд-во, 1940 // Детская литература. 1941. № 3.
457. Хвостов И. Сочельник в лесу // Рождественская ёлка. М., 1997.
458. Хелемский Я.А. Ёлка зажигается в Кремле // Правда. 1954. № 2. 2 янв.
459. Хин Р.М. Ёлка // Русские ведомости. 1898. № 295. 25 дек.
460. Хинкис М. Ёлка (рукопись). Хранится в личном архиве Е.В. Душечкиной.
461. Хитрово Ю. Ёлка на потолке // Родина. 1999. № 4.
462. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1996. Т. 1.
463. Хорт А. Святочный детектив // Мы. 1996. № 1.
464. Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1971.
465. Цветаева М.И. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969.
466. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7-ми т. М., 1994. Т. 5.
467. Цендровская С.Н. Крестовский остров от нэпа до снятия блокады // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Вып. 3. М.; СПб, 1997.
468. Черниговцев Ф.В. Бог помог: Святочный случай // Новое время. 1882. № 2453. 25 дек.
469. Чернч. Зимняя сказка: Рождественский рассказ (С нем.) // Сибирский вестник. 1893. № 150. 24 дек.
470. Черский Л. Дни детства: Рассказы и сказки. М., 1904.
471. Чехов А.П. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1960-1964.
472. Чириков Е.Н. В ночь под Рождество // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб, 1993.
473. Чудакова М.О. Антихристианская мифология советского времени (появление и закрепление в государственном и общественном быту красной пятиконечной звезды как символа нового мира) // Библия в культуре и искусстве. М., 1996. (Випперовские чтения — 1995. Вып. 28).
474. Чуковская Л.К. Процесс исключения. М., 1990.

475. Чуковский К.И. Дневник. 1901-1929. М., 1991.
476. Чуковский К.И. Сочинения: В 2-х т. М., 1990. Т. 1.
477. Шаламов В.Т. Четвёртая Вологда // Наше наследие. 1988. № 4.
478. Швидченко Е. [Быстров Б.] Рождественская ёлка: Её происхождение, смысл, значение и программа. СПб, 1898.
479. Швидченко Е. [Быстров Б.] Святочная хрестоматия: Литературно-музыкально-этнографический сб. для семьи и школы. СПб, 1903.
480. Шершер Л.Р. «Ты ложишься спать, моя родная...» // Советские поэты, павшие на Великой отечественной войне. М.; Л., 1965.
481. Шилов А. Когда родилась «Ёлочка» // Музыкальная жизнь. 1965. № 24.
482. Шилов А. С детства знакомая... // Советская эстрада и цирк. 1963. № 6.
483. Шинкарев В. Собственно литература: Проза, басни и песни. СПб, 2000.
484. Школьные каникулы // Правда. 1935. № 359. 30 дек.
485. Школьный праздник «Рождественская ёлка» / Сост. К. Лукашевич. СПб, 1915.
486. Шмелёв И.С. Лето Господне. М., 1988.
487. Штейн О.С. Ёлка // Сб. рождественских рассказов и стихотворений. Одесса, 1901.
488. Щеглов Ю.К. Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя: В 2-х т. Wien, 1990 (Wiener Slawistischer Almanach. 26/1).
489. Эгало В. Святки в Италии: Старая рождественская сказка // Одесский листок. 1898. № 308. 25 дек.
490. Эртель А., Старк М. Рождественский рассказ // Возрождение (Paris). 1958. № 73.
491. Э.Э. Ёлка для бедных // Звёздочка. 1855. № 1.
492. Юрко Ив. [Епифанов И.А.] Ёлка у медведя // Липовецкий М.Г. Рождественские святки: Сб. рассказов, стихотворений и сцен для чтения и устройства ёлок в школе и дома. Киев, 1911.
493. Юрьева М. Отчего ёлки зелены: Фантастический рассказ. М., 1904.
- 493а. Юсупов Ф.Ф. Мемуары: В 2-х кн. М., 2000. Кн. 1.
494. Яблоновский С. [Потресов С.В.] Рождественский рассказ (Посвящается собратьям по перу) // Приднепровский край. 1899. № 707. 25 дек.
495. Яковенко М.М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король... М., 1997.
496. Ярославцев В. Его подари, папа! // Мирок. 1915. № 1.
497. Яцимирский В.И. «Маланка» как вид святочного обрядового ряженья // Этнографическое обозрение. 1914. № 1-2.
498. ****вѣ. Ёлка // Развлечение. 1867. № 1, 2.
499. 1835 год // Молва. 1835. Ч. 9. № 1.
500. The Annotated Night before Christmas: A Collection of Sequels, Parodies, and Imitations of Clement Moore's Immortal Ballad about Santa Claus. New York, 1991.
501. Brugger E. The Illuminated Tree in Two Arthurian Romances. New York, 1929.
502. Chaunder Ch. A Year Book of Folklore. London, 1959.
503. Chrisman I.B. Christmas Trees, Decorations and Ornaments. New York, 1956.
504. Coffin T.P. The Book of Christmas Folklore. New York, 1973.
505. Earl W.C. 400 years of Christmas. New York, 1948.
506. Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend / Ed. M. Leach. San Francisco, 1984.
507. Haut J. «I Believe in Santa Claus, But I know He's Not Real»: The Role of Ambivalence in Belief // Children's Folklore Review. 1991. Spring. Vol. 13. № 2.
508. Lovechid Mrs. The Christmas Tree and Other Stories for the Young. Boston, 1863.

509. *The Man Who Made Santa Claus*. New York, 1958.

510. *McNeill F. The Silver Bough*. Glasgow, 1959. Vol. 3.

511. *Menendez A. Christmas in the White House*. Philadelphia, 1983.

512. *Nisselbaum S. The Battle for Christmas*. New York, 1966.

513. *Pollack W.G. The Christmas Tree in Legend, History and Songs // Christmas. An American Annual of Christmas Literature and Art* Minneapolis, 1939. Vol. 9.

514. *Restad P. Christmas in America*. New York, 1995.

515. *Texas and Christmas: A Collection of Traditions, Memories and Folklore*. Fort Worth, 1983.

---

notes

Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер, под которым произведение значится в списке литературы, помещённом в конце книги, а вторая цифра (курсивом) — страницу. При ссылках на разные тома собраний сочинений эти тома обозначаются римской цифрой.

Выражаю свою признательность Б.Е. Белодубровскому, любезно предоставившему мне сведения об этом уникальном издании.

Перевод с эстонского Т.П. Милютиной.

Благодарю Е.В. Маркасову, предоставившую мне этот текст.

За информацию благодарю А.В. Кошелева.